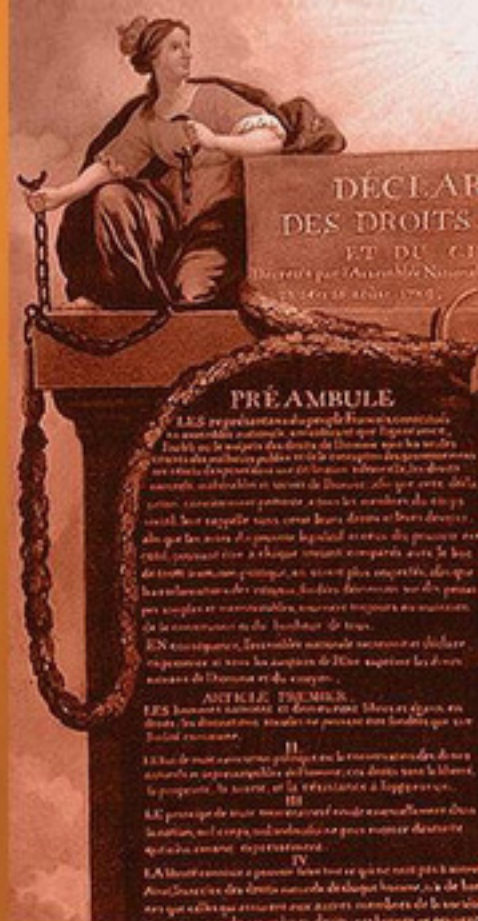

В. Ю. Захаров

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КОНЦА XVIII–I-Й ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

опыт сравнительно-исторического анализа

Часть 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Виталий Захаров

**Российский и зарубежный
конституционализм конца
XVIII – 1-й четверти XIX
вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 1**

«Прометей»

2017

УДК 342
ББК 63.3(0)52

Захаров В. Ю.

Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Опыт сравнительно-исторического анализа. Часть 1 / В. Ю. Захаров — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-12-7

Монография посвящена сравнительному анализу российского и зарубежного конституционализма, а также основных направлений эволюции европейского и российского абсолютизма во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. В первой части монографии даётся характеристика конституционализма как течения общественной мысли, рассматривается его соотношение с идеологией Просвещения, либерализмом и масонством. При этом конституционализм рассматривается как один из вариантов модернизации традиционных абсолютных монархий наряду с «просвещённым абсолютизмом», «просвещённым деспотизмом» и революционным вариантом. В связи с этим проводится сравнительный текстологический анализ конституций революционной Франции и конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации. Во второй части монографии анализируются конституционные тенденции во внутренней и внешней политике России в период правления Екатерины II, Павла I и особенно Александра I, когда возникла реальная возможность реализации концепции конституционализма на самом высшем уровне. В заключение анализируются причины неопубликования российских конституционных проектов в 1-й четверти XIX в. В Приложениях публикуются тексты российских конституционных проектов, а также тексты конституций революционной Франции 1790-х гг. и конституций европейских государств эпохи Реставрации. Многие вопросы рассматриваются впервые в отечественной историографии. Для

всех интересующихся отечественной и всеобщей историей Нового времени.

УДК 342

ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-906879-12-7

© Захаров В. Ю., 2017

© Прометей, 2017

Содержание

Введение	7
Обзор источников	10
Историографический обзор	17
Методология и задачи исследования	35
Глава I. Конституционализм как течение общественной мысли	44
§ 1 Возникновение конституционализма, основные этапы его развития, типология	44
§ 2. Конституционализм и идеология Просвещения	48
§ 3. Конституционализм и либерализм	53
Глава II. Масонство и конституционализм	57
§ 1. Происхождение, содержание и основные этапы развития масонства	57
§ 2. Особенности развития масонства в США, Франции и Германии	66
§ 3. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виталий Захаров
Российский и зарубежный
конституционализм конца XVIII – 1-й
четверти XIX вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 1

© В. Ю. Захаров, 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

*Посвящается научному руководителю Минаевой Нине
Васильевне*

Введение

В истории любого государства можно обнаружить ключевые, переломные моменты, когда определялось магистральное направление развития политических и социально-экономических отношений на многие десятилетия вперед. Не является исключением и Россия. Однако, характерной особенностью её истории является то, что подобные ключевые моменты практически всегда приходились на рубежи веков. Достаточно вспомнить Смутное время начала XVII в. или реформы Петра I и предшествовавшие им события на рубеже XVII и XVIII вв. Причем все эти события вели к коренному повороту в историческом развитии страны, они как бы задавали его общее направление на ближайшую перспективу.

Не стал исключением и рубеж XVIII–XIX вв. Именно в это время российский политический режим столкнулся с необходимостью адекватно отреагировать на события, происходившие в странах Западной и Центральной Европы в целях как собственного выживания в изменившихся условиях, так и модернизации политического и социально-экономического строя.

Во 2-й половине XVII – начале XVIII вв. в большинстве европейских государств сложились абсолютные монархии, опиравшиеся на традиционное право и традиционную же систему ценностей. Однако, уже во 2-й половине XVIII в. европейские абсолютные монархии вступили в полосу затяжного кризиса. Духовным проявлением этого кризиса стало возникновение философии Просвещения, оказавшей огромное воздействие на мировоззрение образованной части общества. Идеологи Просвещения (Вольтер, Монтескье, Руссо и др.) в своих трудах обосновывали неразумность существующих порядков и необходимость их изменения на рационалистических началах. Промедление с реформами, указывали они, может привести к революционному взрыву и ликвидации насильственным путем абсолютистских режимов. Таким образом, было предложено два основных пути выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий: эволюционный (реформистский) и революционный. Воплощением первого пути стала политика «просвещенного абсолютизма», с разной степенью успеха проводившаяся в большинстве европейских государств в 60–80-е гг. XVIII в. Воплощением второго – Великая Французская революция и, отчасти, Война за независимость в США.

В России политический режим, начиная с Петра I, хотя бы во внешних проявлениях напоминал западные абсолютные монархии, многие его институты были заимствованы именно оттуда. Поэтому вполне закономерно, что российскому абсолютизму пришлось столкнуться примерно с теми же проблемами, что и классическому абсолютизму на Западе. Однако положение осложнялось рядом специфических особенностей, присущих именно России.

Во-первых, к концу XVIII века стало окончательно ясно, что наследие Петра I полностью себя исчерпало. Дальнейшие усовершенствования созданной им политической системы необходимого эффекта не давали, а управление старыми методами «служилого государства» стало попросту невозможно, примером чему являлся дворцовый переворот и убийство Павла I, попытавшегося реанимировать методы властвования Петра I. К тому же обратной стороной петровских преобразований, в том числе насильственного насаждения европейской системы ценностей среди дворянства стало осознание образованным меньшинством своих прав и, следовательно, рост оппозиционных настроений, стремление поставить абсолютную власть монарха, как минимум, в определенные правовые рамки.

Во-вторых, в социально-экономической сфере России полностью господствовали крепостнические отношения. В ряде стран Европы во 2-й половине XVIII в. крепостное право тоже ещё существовало (Франция, Австрия, Пруссия), но оно уже нигде не было таким гос-

подстывающим элементом социально-экономических отношений, как в России. При этом к началу XIX века крепостнические отношения в России, с одной стороны, до конца себя ещё не исчерпали, а с другой – однозначно являлись дестабилизирующим фактором общественной жизни (пример крестьянской войны под руководством Е. Пугачева был перед глазами). Причем при сопоставлении с событиями Французской революции роль и характер этого фактора становились особенно очевидными. Это, в свою очередь, предопределяло тесную связь реформы политической системы с решением крестьянского вопроса.

В-третьих, Россия являлась типичной страной догоняющего развития. Приобретая при Петре I статус «великой державы» и включившись в соревнование с экономически более развитыми европейскими государствами, Россия оказалась как бы запрограммированной на *периодическое повторение модернизации*. Альтернативой являлась потеря великодержавного имперского статуса со всеми вытекающими последствиями. Исходя из этого, российский правящий режим должен был неизбежно ориентироваться на опыт западноевропейских государств, вплоть до прямых заимствований. С другой стороны, догоняющий характер развития неизбежно вел к сжатию во времени самого процесса преобразований, что могло породить негативные дополнительные последствия, особенно в отношении рядового населения.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. российский абсолютистский режим столкнулся с насущной необходимостью проведения серьезных преобразований во всех сферах жизни, но, прежде всего, в политической и социальной. Дилемма «реформы или революция», естественно, была решена в пользу реформ. Был, правда, и ещё один вариант – бездействие, выжидание, но пример Людовика XVI во Франции ясно показал, к чему это может привести. Итак, выбор был сделан в пользу реформ. Однако, возникал вполне конкретный вопрос: что реформировать в первую очередь и как проводить преобразования.

Настоящее исследование как раз и посвящено анализу возможных вариантов эволюции российского абсолютизма, и прежде всего, конституционализму. Основное внимание будет уделено правлению Александра I, так как именно ему пришлось столкнуться со всеми теми проблемами, которые были указаны выше, и которые не были решены его предшественниками. Именно ему пришлось принять настоящий цивилизационный вызов (в свете событий Французской революции) и столкнуться с необходимостью сделать кардинальный выбор из нескольких альтернатив (одна из которых была конституционной), определивший направление развития страны на ближайшую перспективу.

Следует отметить, что положение Александра I отличалось от его предшественников тем, что он уже мог более взвешенно и объективно оценить уроки Французской революции, проанализировать степень её влияния на политическое и правовое развитие европейских государств и сделать соответствующие выводы применительно к реформированию самой России. Несомненно, он видел, что одним из возможных вариантов реформирования абсолютистских монархий является *конституционализм*. Судя по всему, он считал его наиболее приемлемым и выгодным как для России, так и лично для себя. Иначе трудно объяснить, почему как минимум трижды (в 1801, 1809 и в 1818–20 гг.) Александр I обращался к идее ввести в России конституцию. Поэтому в центре нашего внимания помимо конституционных проектов, подготовленных при Александре I, их предыстории, оказались и проблемы, связанные с конституционализмом вообще, как своеобразном универсальном средстве преодоления кризиса абсолютизма в странах Западной Европы и России. Учитывая, что конституционные идеи появились в России в начале XIX в. не внезапно, а имели довольно богатую предысторию, а также тот факт, что предшественники Александра I пытались использовать иные неконституционные способы проведения реформ («просвещенный абсолютизм» Екатерины II, «просвещенный деспотизм» Павла I), мы сочли необходимым расширить *рамки исследования*, которое охватывает период *со второй половины XVIII века до конца первой*

четверти XIX века. Один из основных вопросов, который будет рассмотрен, касается самой возможности прямого применения западноевропейского конституционного опыта к российской действительности, а также выяснение степени взаимовлияния русской и западноевропейской конституционной мысли. В подобном ракурсе проблема модернизации российского абсолютизма в отечественной историографии не рассматривалась.

Обзор источников

Источники по теме исследования весьма обширны. В целом их можно представить в следующих жанрах:

1) *Официальные законодательные материалы.*

Отличительной чертой *официального делопроизводства* рубежа XVIII и XIX вв. является его большой объем. Так при Павле с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г. было издано 2179 законодательных актов (ПСЗ, № 17530-19709), то есть в среднем по 42 акта в месяц. При Александре I (1801–1825) издано 10822 акта (ПСЗ, № 19710–30532), то есть по 37 актов в месяц. Для сравнения, в период самостоятельного правления Петра I (1689–1725) издавалось в среднем 8 актов в месяц. При его преемниках и преемницах (1725–1761) – по 21 акту в месяц, а при прославленной Вольтером «северной Семирамиде» Екатерине II, славившейся своими законодательными упражнениями, – всего по 12 законодательных актов в месяц.¹ Естественным образом возникает вопрос отбора. При изучении проектов конституционных реформ начала XIX века, прежде всего, имеют значение законодательные акты, касающиеся вопросов государственного управления: указы 5 июня 1801 г. о правах Сената, 8 сентября 1802 г. – о реформе Сената и Манифест о создании министерств, а также ряд указов, посвященных крестьянскому вопросу, прежде всего указы 5 апреля 1797 г., 12 декабря 1801 г. и 20 февраля 1803 г.

Часть законодательных актов рубежа XVIII–XIX столетий дает представление о следствиях и результатах реформаторских планов правительства конца XVIII – начала XIX вв. и, прежде всего, истории конституционного проекта «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г., проекта А. Чарторижского 1802 г., проекта М. М. Сперанского 1809 г., «Уставной Грамоты Российской империи» 1818–20 гг.

Одной из задач данного исследования является *сравнение* вышеназванных конституционных проектов 1-й четверти XIX в. с текстами зарубежных конституций. Учитывая значительное влияние конституционного опыта революционной Франции на подготовку конституционных проектов в России, автор счел необходимым проанализировать *тексты Конституций Франции 1791, 1793, 1795 и 1799 гг.*², а также тексты *конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации*. Чтобы получить наиболее объективную картину взаимовлияния европейского и российского конституционного опыта, нами было принято решение провести выборку европейских конституций этого периода по *региональному принципу*. В результате были использованы *Конституционная Хартия Франции 1814 г.*, *Конституции Бадена и Баварии 1818 г.* (Западная Европа), *Конституции Швеции 1809 г. и Норвегии 1818 г.* (Северная Европа), *Конституция Португалии 1826 г.* (Южная Европа) и *Конституция Царства Польского 1815 г.* (Восточная Европа). Русскоязычные тексты всех вышеупомянутых конституций, за исключением Польской, были взяты из дореволюционного сборника «Современные конституции» под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, изданного в 1905 г.³ Русскоязычный текст Конституции Царства Польского 1815 г. взят из книги «Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–

¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков: политическая борьба в России конца XVIII – начала XIX вв. М., 1986. С. 38.

² Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. С. 250–282, 330–342, 380–418, 423–431.

³ Современные конституции (под ред. Гессена В. М. и Нольде Б. Э.). СПб., 1907. Т. 1. С. 45–76 (Конституция Баварии 1818 г.), С. 93–114 (Конституция герцогства Баденского 1818 г.), С. 321–350 (Конституция Норвегии 1814 г.), С. 353–382 (Конституция Португалии 1826 г.), С. 528–561 (Конституция Швеции 1809 г.).

1881 гг.)», изданной под ред. Ш. Ашкенази в 1907 г.⁴ Все тексты вышеупомянутых конституций приводятся в авторской редакции в *Приложениях* к настоящей работе.

2) Среди законодательных актов были и такие, которые так и не вышли в свет. Они составляют раздел *документов делопроизводства* и дают представление о самом процессе подготовки реформ. Среди них, прежде всего, проекты «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г., проект М. М. Сперанского, «Уставная Грамота Российской империи» Н. Н. Новосильцева 1818–20 гг. Каждый из этих проектов представлен в разных вариантах (редакциях). Но если о количестве и последовательности редакций двух последних документов большинство исследователей придерживаются примерно одного и того же мнения (да и количество их редакций невелико и они мало чем отличаются друг от друга), то вопрос о количестве и последовательности редакций «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г. гораздо сложнее и, по сути, не решён до сих пор. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее. Сохранилось несколько редакций этого документа, которые по-разному рассматриваются исследователями.

1-я редакция – так называемый *проект А. Р. Воронцова* (или Articles), представленный двумя рукописями: первая написана на русском языке и хранится среди бумаг Воронцова под названием «О внутреннем правлении России»⁵; вторая, более поздняя – на французском языке, хранится в архиве с.е.и.в. Канцелярии в деле «Записка графа А. Р. Воронцова о милостивом Манифесте на коронацию императора Александра I с материалами для сего Манифеста»⁶. Оба проекта за некоторыми незначительными исключениями почти идентичны и датированы июнем 1801 года. Проект Воронцова обсуждался на заседаниях Негласного Комитета 15 и 23 июля 1801 г.⁷ Н. Н. Новосильцев подготовил свои «Замечания», два экземпляра которых на французском языке хранятся в его бумагах, относящихся к Комиссии составления законов, в одном деле с французским текстом воронцовского проекта⁸.

2-я редакция «Грамоты» сохранилась в двух экземплярах: первый – среди бумаг А. Р. Воронцова, посвященных коронации под названием «Грамота Александра I при короновании его императорского величества Российскому народу пожалованная». Сентября дня 1801 года⁹; второй экземпляр хранится среди материалов с.е. и.в. Канцелярии¹⁰. Видимо, именно этот экземпляр сопровождала записка Воронцова, Кочубея и Новосильцева от 12 августа 1801 года¹¹. Наконец, среди бумаг Новосильцева сохранились тексты статей 7, 12, 16 и 24¹².

3-я редакция из 25-ти статей сохранилась среди бумаг М. М. Сперанского, переданных К. Г. Репинским Публичной библиотеке под заглавием «Проект всемилостивейшей Грамоты Российскому народу жалуемой» с карандашной пометой Репинского на полях: «Сочинение Трошинского бывшего министра юстиции, карандашные поправки М. М. Сперанского»¹³.

⁴ Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881 гг.). СПб., 1907. С. 41–63.

⁵ Архив СПБОИИ РАН. (бывший архив ЛОИИ РАН) Ф. 36. Оп. I. № 400. Л. 210–215, опубликованы в книге *Радищев А. Н. Материалы и исследования*. М. – Л., 1936. С. 77–81.

⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 149. Л. 1–27; эти материалы опубликованы в приложении к Русскому архиву. 1908. № 6 в Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. Канцелярии (далее Сборник исторических материалов)

⁷ *Вел. кн. Николай Михайлович*. Граф Строганов (1774–1817). СПб., 1902–03; С. I–XX, 1–314. См. также: *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов. 1982. С. 51.

⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 149. Л. 19–27; Сборник исторических материалов. С. 13–18.

⁹ Опубликована в книге: *Семенников В. П.* Радищев: очерки и исследования. М. – Пг., 1923. С. 432–443.

¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 123. Л. 4–19 об.

¹¹ Сборник исторических материалов. С. 4–5.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 316. Оп. I. № 10. Л. 52–54.

¹³ ОР ГПБ. Ф. 637. Оп. I. № 922. Л. 1–18. См. также *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 47–48.

Журнал заседаний Непременного Совета, на котором обсуждались некоторые статьи «Грамоты», долгое время был неизвестен исследователям. Лишь в 1970-е гг. М. М. Сафонов обнаружил его в Архиве Государственного Совета. Оказалось, этот журнал был помещен под рубрикой «Наследство по закону» и был опубликован более 100 лет назад¹⁴.

4-я предполагаемая редакция из 26 статей видимо возникла в результате обсуждения ряда статей проекта в Непременном Совете и последовавших за этим двух вставок, выполненных главой его канцелярии П. Д. Трощинским. После этого его помощник М. М. Сперанский стилистически обработал рукопись и поместил в ее конце надпись: «Дана в престольном граде Москве сентября дня 1801 года»¹⁵. В таком же виде, но без стилистической правки и приписки Сперанского рукопись была опубликована в книге В. П. Семенникова «Радищев: очерки и исследования»¹⁶ и затем воспроизведена в сборнике документов «Конституционные проекты в России: XVIII – начала XX вв.» под редакцией А. Н. Сахарова и С. Бертолисси, изданного в 2000 г.¹⁷ Таким образом, твердо установлено существование трёх редакций «Грамоты» из 20, 28 и 25 статей. Что касается 26-ти статейного проекта, а также их очередности, то вокруг этих вопросов не утихают споры. Не исключено, что будут найдены и другие редакции «Грамоты».

Помимо проектов «Жалованной грамоты российскому народу», в работе неизбежно будут затронуты и другие конституционные проекты XVIII–XIX вв.: Кондиции «верховников» 1730 г.¹⁸, дворянские ограничительные проекты 1730–60-х гг., проект фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова¹⁹, проект «10 коренных статей» Екатерины II²⁰, Наказ Уложенной Комиссии 1767 г., конституционный проект Н. И. Панина²¹, ограничительные проекты участников заговора 11 марта 1801 г.²², наконец, конституционные проекты полуофициального характера, созданные по прямому указанию Александра I: А. Чарторижского в феврале 1802 г.²³, М. М. Сперанского 1809 г.²⁴ Н. Н. Новосильцева и П. А. Вяземского («Уставная Грамота» 1818–20 гг.)²⁵ и другие.

Известно, что либеральный конституционализм Александра I внутри страны встретил резкое сопротивление. Но на международной арене политика «конституционной дипломатии» проявилась более успешно, найдя своё отражение в Конституционных проектах Ионических островов 1799, 1801, 1803 и 1806 гг., Финской Конституции 1809 г., уже упоминав-

¹⁴ Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Журналы Непременного Совета // Вспомогательные исторические дисциплины (далее ВИД). Л., 1979. Выпуск XI. С. 147–149.

¹⁵ ОР ГПБ. Ф. 637. Оп. I. № 922. Л. 1–18.

¹⁶ Семенников В. П. Радищев... С. 180–194.

¹⁷ Конституционные проекты в России: XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 321–332.

¹⁸ Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17–18.

¹⁹ Анисимов Е. В. Россия в сер. XVIII века // Борьба за власть: страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 101–103.

²⁰ Коркунов Н. М. Два проекта преобразования Сената 2-ой половины царствования императрицы Екатерины II (1788–1794) // Журнал министерства юстиции. 1899. Май. С. 139–171; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 128;

²¹ Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Неизвестный документ по истории общественно-политической мысли России начала XIX в. // ВИД. Л., 1985. Вып. XVII. С. 187–188; Сафонов М. М. Конституционный проект Панина Н. И. – Фонвизина Д. И. // ВИД. Л., 1974. Вып. VI.; Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. М. – Л., 1959. Т. 2. С. 254–267; Пигарев К. В. Рассуждение о неперемennых законах Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева // Литературное наследство. Т. 60. Ч. I. С. 345–360.

²² Эйдельман Н. Я. Грань веков... М., 1986. С. 192–194; Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. II. Иркутск, 1982. С. 145–199.

²³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. I. № 14. Л. 57; Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 195–197.

²⁴ Сперанский М. М. Проекты и записки. М. – Л., 1961. С. 144–221.

²⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. I. № 504. Л. 1–44 об; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в нач. XIX в. М., 1989.

шихся Конституционной Хартии Франции 1814 г., Польской Конституции 1815 г.²⁶ Поэтому рассмотрение этих конституционных документов, в разработке которых Россия принимала самое непосредственное участие, позволяет увидеть, в каком виде конституционные принципы Александра I и его окружения, нашли отражение во внешнеполитической концепции правительства. Изучая «Жалованную Грамоту российскому народу», нельзя обойти вниманием и ее прототипы, первооснову, а именно: «Жалованные грамоты дворянству и городам» от 21 апреля 1785 г.²⁷, т. к. авторы проектов «Грамоты» 1801 г. исходили, прежде всего, из одноименных документов Екатерины II. Поэтому необходимо познакомиться с «Жалованными грамотами» как типом законодательного источника и их содержанием.

Особое место в этом комплексе источников занимают *«Протоколы Негласного комитета»*. Это главный источник по истории деятельности Негласного Комитета. Изучая законодательную деятельность правительства начала XIX века, обойтись без него невозможно. «Протоколы...» эти писались членом Негласного Комитета П. А. Строгановым на французском языке. Впервые были опубликованы М. И. Богдановичем в «Вестнике Европы» в работе об Александре I²⁸. Полностью изданы с комментариями великим князем Николаем Михайловичем²⁹. Текст опубликован в хронологической последовательности проводимых заседаний Негласного Комитета с 24 июня 1801 г. по 12 мая 1802 г., а также 4 записи за октябрь – ноябрь 1803 г. Долгое время считалось, что «Протоколы...» (что видно уже из самого названия) являются документом делопроизводства. Однако в конце 1970-х гг. ленинградский историк М. М. Сафонов в нескольких источниковедческих работах, основанных на кропотливых архивных исследованиях, использовании графологической экспертизы и соответствующих методов, достаточно убедительно доказал, что «Протоколы...» имеют мемуарно-дневниковый характер, хотя, разумеется, основаны на каких-то полупротокольных записях, которые П. А. Строганов вёл с 1801 г., а затем заносил в дневник, а в 1805–10 гг. значительно их переработал, внося дополнения и личные комментарии описываемых событий³⁰.

3) Мемуары и дневниковые записи. Мемуары являются весьма важным и в то же время сложным для исследования историческим источником. С одной стороны, мемуарный источник опосредованно через сознание субъекта отражает объект; с другой стороны, характеризует субъект (т. е. автора мемуаров), отражая его цели и методы восприятия объективной реальности. Таким образом, мемуары содержат двойную информацию: опосредованную информацию об объекте (факты, события) и непосредственную – о самом мемуаристе³¹.

Как правило, мемуары и дневники содержат значительное число фактов и деталей событий, свидетелем и участником которых был их автор. Часто эти детали и факты не отражены в других источниках. Кроме того, мемуары и дневники показывают, как воспринимались и оценивались те или иные события и явления социально-экономической, идейно-политической и духовной жизни различными группами и категориями населения. В мемуарах содержатся незаменимые сведения об укладе повседневной жизни, быте и нравах прошлого. Однако, мемуары имеют и ряд существенных недостатков, которые необходимо учитывать при работе с ними.

Во-первых, мемуары больше, чем какой-либо из источников, отличаются крайней субъективностью. Во-вторых, зачастую, они пишутся много лет спустя после описываемых событий. В них нередко спутаны даты, смещены события, поступки, действия разных лиц

²⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.

²⁷ ПСЗ. I. Т. XXII. № 16187, № 16188.

²⁸ Богданович М. И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–1805 гг.) // Вестник Европы. 1866. № 1 (кн. I). С. 155–210.

²⁹ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов (1774–1817). СПб., 1903. т. II.

³⁰ Сафонов М. М. Протоколы Негласного Комитета // ВИД. Л., 1976. Вып. VII.

³¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 116.

(абберация памяти). К тому же, часто автор, не полагаясь на свою память, привлекает другие источники и литературу, и подчас бывает трудно определить, что автор пишет с чужих слов, и свидетелем чего он был сам.³²

Существенным дополнением к «Протоколам Негласного Комитета» являются *мемуары князя Адама Чарторижского*³³, дающие ценную информацию о некоторых аспектах деятельности Негласного Комитета, атмосфере при императорском Дворе, политической борьбе в придворных кругах. Интересны и личные оценки автором деятельности Негласного Комитета в целом, и каждого из его членов в частности. Как и все мемуары, они имеют субъективный характер, события показаны в них через призму личного отношения к ним автора. Поэтому относиться к сообщаемым сведениям следует с известной долей критики и осторожностью, но все же это прекрасный источник по истории России начала XIX века.

Определенную информацию о политической борьбе в правительственных кругах конца XVIII – начала XIX в. в дополнение к вышеперечисленным источникам дают мемуары *Ф. Ф. Вигеля*³⁴ и *Н. И. Греча*³⁵, при всей противоречивости этих личностей и их роли в общественной жизни России. В этих воспоминаниях содержится богатый материал о быте, нравах, настроениях, духовной жизни столичного дворянства, даются интересные, хотя и субъективные, характеристики политических деятелей павловского и особенно александровского царствования.

Много ценных сведений о конституционном проекте Н. И. Панина можно почерпнуть из мемуаров декабриста *М. А. Фонвизина*³⁶.

Мемуары и дневники *И. И. Дмитриева*³⁷ и *П. А. Вяземского*³⁸ ценны, прежде всего, приводимыми авторами оценками современников происходящих событий (например, переворота 11 марта 1801 года).

Значительный интерес представляют воспоминания участников заговора 11 марта 1801 г. и, прежде всего, *Л. Л. Беннигсена*³⁹. Они дают основание полагать о существовании у них планов ограничения самодержавия путем предоставления Сенату законосовещательных функций.

Наконец, интересным источником является *дневник Александра I за 1798–1800 гг.*, из которого можно узнать о наличии у будущего императора определенной программы решения крестьянского вопроса⁴⁰.

4) Четвёртым жанром источников является *эпистолярный*. С источниковедческой точки зрения эпистолярный жанр отличается субъективностью, отрывочностью, передачей иногда непроверенных слухов и фактов, обилием личных и бытовых подробностей, намёков и полунамёков, значительная часть которых понятна лишь автору и адресату. Всё это крайне

³² Источниковедение истории СССР / под ред. Ковальченко И. Д. М., 1981. С. 237; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII в. М., 1991.

³³ Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. СПб., 1912–13. Т. I–II.

³⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1923–24. Т. I–II.

³⁵ Греч Н. И. Записки моей жизни. М., 1990.

³⁶ Фонвизин М. А. Политическая жизнь в России // Библиотека декабристов. 1907. Вып. IV; Он же. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 120–199.

³⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

³⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1880–1884. Т. III–IV; Он же. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

³⁹ Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1907.

⁴⁰ Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 700. Л. 1–6; Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 68–69.

усложняет понимание и использование переписки как источника⁴¹. Но с другой стороны, переписка часто проливает свет на неясные стороны других источников.

Для темы настоящей работы определённый интерес представляет *переписка Александра I, В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, А. Чарторижского, братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых и других влиятельных лиц при императорском Дворе* в начале XIX в.⁴² Однако, как правило, переписка велась на французском языке, плохо систематизирована, и для исследователя, поэтому, создаёт значительные трудности.

Кроме того, в работе использованы некоторые ранее не опубликованные *архивные материалы из личных фондов Паниных*⁴³, *Воронцовых*⁴⁴ и *Строгановых*⁴⁵ хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве.

⁴¹ Источниковедение истории СССР // под ред. Ковальченко И. Д М., 1981. С. 244–245.

⁴² *Чарторижский А.* Мемуары... СПб., 1913. Т. II.; *Вел. кн. Николай Михайлович* Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. I–III; Он же. Император Александр I. СПб., 1912. Т. I; Архив Воронцовых. // Под ред. П. Бартечева. М., 1877–1889. Кн. XII–XIV (Бумаги и письма А. Р. Воронцова); Кн. XVIII (письма кн. Кочубея В. П., Татищева В. П., Новосильцева Н. Н.); Кн. XXIX.; Записки бывшего статс-секретаря Н. Н. Новосильцева; РГИА. Ф. XVI. Оп. I. № 9. Л. 11–20; *Богданович Т.* Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем // Русское прошлое. М. – Пг., 1923. Кн. 5. С. 101–111.

⁴³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Дело № 47 (послужной список графа Н. П. Панина, 1800 г.); № 114 (записка Н. И. Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест с приложением проекта, 1760-е гг.); № 119 (письмо Екатерины II Н. И. Панину о завершении его трудов по воспитанию Павла Петровича с выражением благодарности, 23 сент. 1773 г.); № 137(в) (опись бумаг графа Н. И. Панина, в т. ч. сообщения по поводу дела Мировича, 1760–70-е гг.); № 215. Л. 1–8 об. (переписка Н. П. Панина с Павлом Петровичем и Марией Федоровной, март 1789 – окт. 1790 г.); № 319 (письма Н. П. Панина Павлу I по вопросам внешней политики, 1799–1800 гг.); № 385 (письма С. Р. Воронцова к кн. Кантельсколо и Колычеву об опале Н. П. Панина, 10 марта 1801 г.); № 398 (письма посла в Лондоне С. Р. Воронцова гр. Н. П. Панину и ответное письмо о методах и принципах государственной деятельности и дипломатической корректности, 1798–1801); № 1072 («Особенное завещание графа П. И. Панина», 1786 г.); № 1111 (духовное завещание графа П. И. Панина, 1786 г.); № 1150 (духовное завещание графа Н. П. Панина, 1814 г.); № 2863. Л. 3–4 (записка неизвестного лица по поводу конституционных проектов участников заговора 11 марта 1801 г. (П. А. Зубова, Н. П. Панина, Г. Р. Державина, без даты); № 2817(а) (записка об отношении Н. П. Панина к заговору против Павла I, 2-ая пол. XIX в.); № 2889–2992 («Панины в письмах, переписке и других актах XVIII – 1-й половины XIX вв. с биографическими сведениями о Н. И., П. И., Н. П. Паниных» (составила внучка Н. П. Панина), в 4-х томах, без даты).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. I. Дело № 803 («записка А. Р. Воронцова Александру I о государственном управлении и торговле и мерах к их упорядочению (ноябрь 1801 г.); № 1269 («рассуждения А. Р. Воронцова о внешнеполитической деятельности России в условиях современного положения дел в Европе с точки зрения внутренних задач государства» (примерно 1803–1805 г.)). РГИА. Фонд 1409. Опись 1. Дело № 149 («Записка гр. А. Р. Воронцова о Милостивом Манифесте на коронацию императора Александра I с материалами для сего Манифеста», 1801 г.); № 126 («Копия с доклада Правительственного Сената о возвращении оному принадлежащих ему прав и преимуществ как главному государственному правительству», 1801 г.).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Дело № 9. Л. 18–37 (докладная записка Строганова П. А. Александру I о предполагаемой реформе министерств, май 1802 г.), Л. 64–68 (проект Наказа Совету, в т. ч. рассуждения П. А. Строганова об отличиях коренных и временных государственных постановлений, 1802 г.); № 12–13 (Размышления П. А. Строганова о реформе Сената и докладная записка с проектом этой реформы Александру I (декабрь 1801 г.); № 14. Л. 56–58 (Таблица структуры власти после предполагаемых административных реформ); № 16. Л. 68–69 (Рассуждения П. А. Строганова о целях создания МВД, 1802 г.); № 17. Л. 52–55 (Разбор анонимного доноса на братьев Зубовых (декабрь 1801 г.), якобы замышлявших новый заговор против Александра I в пользу его матери императрицы Марии Федоровны. Видимо на последовавшую за этим высылку П. А. Зубова из Петербурга повлиял как раз этот донос); № 18. Л. 3–13 (проект секретного рескрипта губернаторам о секретном информировании по поводу злоупотреблений в имениях помещиков по отношению к крестьянам и мнение по этому поводу П. А. Строганова, сент. 1802 г.). № 19. Л. 5–10 (Замечания П. А. Строганова по поводу указа 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах»); № 20 (письма и черновики П. А. Строганова за 1802–17 гг., в т. ч. материалы по биографии П. А. Строганова). № 21. Л. 21–29 об. («Предварительные правила реформы народного просвещения», 26 фев. 1803 г.). № 22. Л. 1–10 («Журнал моих упражнений в Сенате» П. А. Строганова), Л. 106–117 (проект «О плане составления уголовных законов (Кодекса)», 1801–1802 гг.). № 23. Л. 2–8 (проект постановления о крестьянской реформе в Лифляндии, 1803–1805 гг.). № 29. Л. 1–13 (проект реформы управления Сибири, 1802 г.). № 30. Л. 111–144 (переписка П. А. Строганова с томским губернатором Хвостовым, 1804–08 гг.). № 40. Л. 23–58. (Отчет А. Чарторижского о деятельности министерства иностранных дел России в 1804–05 гг. с Изложением доктрины «конституционной дипломатии»); № 80. Л. 78–86 (Сравнительный анализ внешней политики России и Франции, 1807–1812 гг.). № 504. Л. 1–44 об. (Приводится полный текст «Уставной Грамоты» 1818–1820 гг.).

Таким образом, источники по теме исследования очень многочисленны и в то же время специфичны. Специфика заключается в секретном или полусекретном их характере. Особенно это касается проектов «Жалованной Грамоты российскому народу» и «Протоколов Негласного Комитета». Отсутствие точных датировок, дневниковый характер многих материалов, субъективизм в изложении, неполнота информации порождают различные трактовки одного и того же события. В задачу автора входило, используя уже введенные в научный оборот источники, а также новый архивный материал из фондов Паниных, Воронцовых и Строгановых по-новому взглянуть на процесс развития конституционной мысли в России на рубеже XVIII–XIX вв.

Историографический обзор

Как верно заметил один из исследователей данной темы М. М. Сафонов, едва ли случаен факт, что интерес к проблеме преобразований во внутренней политике России в начале XIX века возник именно в 60-е гг. XIX столетия, когда на повестку дня был поставлен вопрос о проведении буржуазных реформ. Поэтому вполне закономерно и то, что в поисках истоков этих реформ взоры исследователей проблемы «самодержавие и реформы» обратились к началу XIX века. При этом характерной чертой исторических трудов этого времени была отчетливая связь между предметом исследования и собственной политической позицией авторов⁴⁶.

Первой попыткой освещения преобразований во внутренней политике России начала XIX в. явилось издание в 1866 г. военным историком генералом *М. И. Богдановичем* большой статьи о преобразованиях Александра I в 1801–1805 гг. в «Вестнике Европы», которая затем стала составной частью его шеститомного труда о царствовании Александра I.⁴⁷

Для мировоззрения М. И. Богдановича характерно утверждение, что личность царя является главным мерилom и двигателем исторического прогресса. Поэтому и причины реформ начала XIX века М. И. Богданович видел в особенностях личности Александра I, особенностях его взглядов и воспитания. Император не был чужд идеалов Просвещения. Главной целью Александра I, по мнению автора, было издание нового Уложения законов. Богданович прослеживает историю подготовки реформ начала XIX в. Обращает внимание на борьбу двух политических группировок: так называемых «екатерининских стариков» и «молодых друзей». К первым он относил умудренных опытом деятелей екатерининского времени (братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых, Д. П. Трошинского, П. А. Зубова), выступавших за медленные и кропотливые преобразования. «Молодые друзья» (П. А. Строганов, А. Чарторижский, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев), напротив, не понимали истинных интересов России и пытались внедрить прозападные конституционные идеи, чуждые интересам страны. В этом, по мнению М. И. Богдановича, и заключалась главная причина провала реформ. Одновременно М. И. Богданович оправдывал нерешительность Александра I, показав его чуть ли не жертвой демагогии «молодых друзей». Для Богдановича личность царя – священна и неприкосновенна, царь не мог ошибаться и осознано поддерживать чуждые для России конституционные идеи. В этом и состоит главное противоречие и слабое место концепции Богдановича. Александр I предстает у него двигателем реформ, и, одновременно, жертвой интриг молодых честолюбцев из Негласного Комитета.

В том же 1866 году истории преобразований начала XIX в. коснулся историк-юрист *А. Д. Градовский*. Либерально настроенный автор воспринял у монархиста М. И. Богдановича идею борьбы двух политических партий, но с его точки зрения «екатерининские старики» не бездеятельные, а, напротив, энергичные люди, «твердо стоявшие на родной почве», а «молодые друзья» – это деятели, оторванные от национальных корней. Цель первых – добиться восстановления прежнего значения Сената на основе соединения коллегиальных и личных начал; цель вторых – исходя из западной теории разделения властей, превратить Сенат в сугубо судебное учреждение и вручить казенные отрасли управления отдельным лицам. По мнению Градовского, Александр I имел самостоятельную позицию, отличную и от взглядов «екатерининских стариков», и от взглядов «молодых друзей». Новое в кон-

⁴⁶ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 3.

⁴⁷ Богданович М. И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–05) // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 155–210; Он же. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. I. С. 11–19, 68–87, 130–135.

цепции Градовского заключалось в том, что им вводилась новая бюрократическая партия, которая в наибольшей степени выиграла от реформ. Членов Негласного Комитета А. Д. Градовский обвинил в том, что они сыграли роль людей, которые, не понимая естественных потребностей страны, своими прозападными симпатиями способствовали процессу бюрократизации страны, противоречащему интересам России.⁴⁸

Таким образом, ценное в концепции Градовского заключается в том, что им впервые была сделана попытка рассмотреть не только сам процесс подготовки реформ, но и их последствия. Однако построения А. Д. Градовского представляли собой умозрительную схему, не подкрепленную документами.

Именно за это критиковал его, а также М. И. Богдановича, видный историк последовательного либерального направления А. Н. Пыпин. Свою концепцию он строил, прежде всего, исходя из анализа документов, в том числе протоколов Негласного Комитета, частично опубликованных Богдановичем. Однако, Пыпин пришел к выводам, прямо противоположным заключениям своих предшественников.

Во-первых, он считал, что сторонниками конституционных идей были не только и не столько «молодые друзья» царя, сколько сам Александр I. *Во-вторых*, А. Н. Пыпин стремился доказать, что конституционные идеи Александра I и «молодых друзей» были не случайным, а вполне закономерным явлением, вытекавшим из всего исторического развития России XVIII века, особенно последних лет царствования Екатерины II и правления Павла I. *В-третьих*, причины неудач преобразований Александра I ученый видел в двойственности и в незаконченности действий Александра, влиянии деспотического прошлого, а вовсе не в сущности принципов, которым он хотел служить. Таким образом, А. Н. Пыпин во главу угла также ставил личность царя, но в отличие от М. И. Богдановича рассматривал ее как продукт тех исторических условий, в которых она действовала. При этом А. Н. Пыпин пришел к заключению, что Александр «был проникнут идеалистическими мечтами о свободе и счастье людей», но ему не хватило «реального знакомства с жизнью народа». В личности императора было много «искреннего энтузиазма и благородных влечений», но «они не развились в прочные, логически усвоенные принципы», так и оставшись идеалистическими мечтами. На это наложились и неуверенность Александра в самом себе, неуверенность в необходимости задуманных мер.

А. Н. Пыпин разошелся с М. И. Богдановичем и в определении главной цели реформ. По мнению ученого, она заключалась не в подготовке Уложения, а в составлении Конституции. «Речь шла о таком государственном устройстве, которое определяло бы законом круг действий верховной власти (и, следовательно, известным образом ее ограничивало) и в котором впоследствии должно было играть известную роль представительство». С этой точки зрения рассматривалась и министерская реформа. По мнению А. Н. Пыпина, при учреждении министерств имелась в виду конституционная идея об ответственности министров, которая гарантировала бы строгую законность управления.

В заключение А. Н. Пыпин предлагал извлечь уроки из неудачных конституционных опытов Александра I: «Неограниченная монархия слишком часто бывает враждебна общественной инициативе, и это составляет роковую, слабую ее сторону: истинные цели государства могут быть достигнуты только с развитием общественной силы; когда инициатива общества подавляется, внутренняя сила его гложет и остается непроизводительной; но стеснение общества вредно отражается потом на самом государстве, которое, наконец, начинает терять свой нравственный авторитет».⁴⁹

⁴⁸ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 264–280.

⁴⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 1–113; Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов. 1996. Позицию Пыпина по отношению к реформам Александра I в основном разделял и В. И. Семевский. См.: Семевский В. И. Из истории общественного движения в России в XVIII – начале XIX вв. // Историческое обозрение. Т. IX. М.,

Таким образом, одной из причин неудачи реформ начала XIX в. А. Н. Пыпин считал отсутствие гласности при их разработке, отказ обратиться к «просвещенной общественности» за помощью и поддержкой. Однако, ограничившись общей фразой, Пыпин не раскрыл того, что он понимал под понятием «просвещенная общественность». Поэтому невыясненным остается вопрос о том, можно ли было вообще опереться в проведении реформ на эту «общественность», что явилось существенным недостатком концепции Пыпина.

Концепция А. Н. Пыпина являлась господствующей в исторической науке вплоть до конца XIX в., когда историк охранительного направления генерал *Н. К. Шильдер* выпустил в свет четырехтомную биографию Александра I. По сути, это была попытка воскресить основные положения концепции М. И. Богдановича, но с учетом опубликованных документов; в частности записок П. А. Строганова о заседаниях Негласного Комитета, французский текст которых приводился в приложении к основной работе Н. К. Шильдера. Однако в концепции генерала-историка было и кое-что новое. Именно Шильдер впервые высказал мысль о влиянии на характер первых преобразований Александра участников дворцового переворота 11 марта 1801 г. Шильдер в русле своего мировоззрения сомневался в искренности либеральных начинаний императора (эпизод с отменой права представления Сената). По мнению Н. К. Шильдера, либерализм царя был показным и использовался им как средство укрепления личной власти, защиты ее от поползновений заговорщиков.⁵⁰

С момента выхода книги Н. К. Шильдера *вопрос об искренности реформаторских намерений Александра I* становится центральным. От ответа на этот вопрос зависела общая оценка характера реформ начала XIX в. И здесь мы можем четко выделить две точки зрения: А. Н. Пыпин, положительно отвечает на вопрос об искренности реформаторских настроений Александра I. Вторая точка зрения основывается на концепции Н. К. Шильдера, отказавшей императору и его ближайшему окружению в искренности реформ.

Исследования *великого князя Николая Михайловича*, опираясь на ряд новых документов, впервые введенных им в научный оборот, содержат вывод о пассивной роли Александра I. Ни одна из реформ начала XIX в. не исходила лично от Александра I, «все они были не без труда внушены ему, причем его согласие добывалось нередко с большими усилиями». Таким образом, получалось, что инициатором реформ был не император, а его «молодые друзья» из Негласного Комитета, которые чуть ли не силой пытались навязать Александру I свои взгляды.⁵¹ Причины же неудачи реформ Николай Михайлович видел, во-первых, в том, что «молодые друзья» опередили на целое поколение свое время и оказались потому непонятными современниками. Во-вторых, у них не было четкого плана действия, поэтому многие их решения имели непродуманный, сумбурный характер.⁵²

Оппонент вел. кн. Николая Михайловича *М. В. Довнар-Запольский* выступил против идеализации «молодых друзей». В «Протоколах Негласного Комитета» либеральный историк не нашел «следов серьезной работы, реальных проектов преобразований». По его мнению, «молодые друзья» вообще не собирались проводить никаких реформ. Главной их целью было установление личной опеки над Александром I в корыстных, корпоративных целях. Поэтому все разговоры о Конституции были, скорее всего, пустым звуком и велись с целью завоевать доверие царя, которому все эти разговоры доставляли определенное удовлетворение. Полную противоположность «молодым друзьям» представляли собой «екатерининские старики». По мнению Довнар-Запольского, они-то как раз и были сторонниками реформ, но реформ осторожных с учетом специфики исторического развития России.

1897.

⁵⁰ Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. II. С. 1–55, 93–116, 330–348.

⁵¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. II. С. II–XIX, 1–314.

⁵² Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. СПб., 1912. Т. I. С. 1–35.

«Исходя из мысли о необходимости издания некоторых коренных законов для всех граждан, они стремились превратить Сенат в представительное учреждение, которое явилось бы посредническим звеном между высшей властью и населением», гарантом законности.⁵³ По сути, М. В. Довнар-Запольский возродил в несколько измененном виде концепцию А. Д. Градовского, рассматривая преобразования начала XIX в. как борьбу «бюрократии» (Негласный Комитет) и «общественности» («екатерининские старики»). Отличие же заключалось в том, что бюрократизацию Довнар-Запольский рассматривал не как следствие неудачного заимствования западных конституционных идей, а как антитезу конституционному пути развития. Однако, Довнар-Запольский не пояснял, что конкретно он понимает под понятием «конституционное развитие», ограничившись лишь самыми общими рассуждениями.

Таким образом, объяснения дореволюционными историками причин перехода верховной власти к преобразованиям в начале XIX в. почти не выходили за рамки чисто умозрительного подхода. Реформы объяснялись исключительно личными взглядами Александра I, или настроениями группировок высшей аристократии при дворе, практически вне всякой связи с политическими и социально-экономическими процессами, объективно развивающимися во второй половине XVIII века. Исключение составляет разве что концепция А. Н. Пыпина.

Недостаток этот попытался устранить *М. Н. Покровский* на основе марксистской методологии. Взаимосвязь между политическими и социально-экономическими процессами он представлял достаточно упрощенно, игнорируя общественно-политический аспект. При этом он не усматривал в конституционных замыслах Александра I элементов буржуазного права.

Концепция Покровского исходит лишь из противопоставления интересов крупной аристократии и провинциального дворянства. Первая, по мнению ученого, будучи хорошо образованной, вполне осознала связь между развитием капитализма и невыгодностью крепостного труда. Поэтому она находила для себя экономически выгодным освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Непременным условием освобождения должна была стать выгодная, с точки зрения дворянства, конституция. Провинциальное же дворянство, а это, как правило, владельцы барщинных хозяйств, находило для себя освобождение крепостных невыгодным. Поэтому они, по Покровскому, выступали против отмены крепостного права и были абсолютно равнодушны к конституционным затеям аристократов. С этой точки зрения противопоставление «молодых друзей» и «екатерининских стариков» теряло всякий смысл, так как и те и другие принадлежали к крупной земельной аристократии. Единственным отличием заключалось в том, что «екатерининские старики» намеревались создать коллективный ограничительный орган в лице Сената, а «молодые друзья» предполагали удовлетвориться сохранением личного влияния на принятие важных государственных решений, т. е. фактически продолжали традиции политики фаворитизма. Провал преобразовательных планов дворянских верхов М. Н. Покровский объяснил полным равнодушием не только народных масс, но и подавляющего большинства дворянства к борьбе за влияние в высших сферах.⁵⁴

Что касается роли Александра I, то Покровский его как бы и не замечает, давая царю уничижительную характеристику: «... в то время император был совершенной безличностью, это был недоучившийся ученик отчасти Лагарпа, отчасти своего отца, наполовину швейцарский гражданин, наполовину прусский капрал».⁵⁵

⁵³ Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 года // Из истории общественных течений в России. Киев, 1905. С. 1–76.

⁵⁴ Покровский М. Н. Александр I // История России в XIX в. М., 1907. С. 34–66.

⁵⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. СПб., 1912. Т. III. С. 206–217.

Но М. Н. Покровский был первым, кто четко сформулировал идею о связи между дворцовым переворотом, приведшим к власти Александра I, и его внутренней политикой.

Оценивая взгляды М. Н. Покровского на события начала XIX века, нельзя не отметить очевидную новизну его подхода к проблеме. Однако, критикуя своих предшественников за схематизм и умозрительность построений, сам Покровский не избежал того же самого. Так, историк почти проигнорировал особенности политической борьбы начала XIX в., дав лишь ее самую общую схему, не подкрепленную конкретными фактами. Слишком упрощенной и пренебрежительной представляется и оценка личности Александра I.

Попытку преодолеть эти недостатки предпринял советский историк *С. Б. Окунь*, опиравшийся на труды основателей ленинградской исторической школы *С. Н. Валка*, *В. П. Семенникова*, *И. М. Троцкого*. Его концепция, изложенная в специальном лекционном курсе в 1939 году, преодолевала схематизм Покровского.

С. Б. Окунь исходил из того, что определяющим фактором внутренней политики самодержавия того времени было «наличие противоречий между развивающимся новым капиталистическим способом производства и господствующей крепостной системой». Окунь постарался учесть все особенности политической обстановки, вынудившей царизм встать на путь реформ. Причин этому он видел две. Первая – это боязнь повторения Французской революции, при этом царизм, по мнению Окуня, был не прочь воспользоваться некоторыми идеями Французской революции. Вторая причина заключалась в самих обстоятельствах прихода к власти Александра I, поставивших императора в сильную зависимость от участников заговора и, прежде всего, П. А. Палена и П. А. Зубова. Исходя из этого, он выделял не два, а три политических лагеря в правительственных верхах страны: руководителей антипавловского заговора (Палена и Зубова), «екатерининских вельмож» (братьев Воронцовых) и «молодых друзей» (Строганова и др.). Первые, по его мнению, добивались лишь власти от имени монарха. Вторые стремились получить определенные гарантии от возможной тирании монарха, используя Сенат, и в целях «сохранения господства ограниченной дворянской верхушки». Третьи пытались, используя ряд идей идеологии Просвещения, провести ряд мероприятий, связанных с реорганизацией структуры государственного управления с целью сохранения господства всего дворянства, как класса.

Совершенно по-новому рассматривал С. Б. Окунь личность Александра I, который на взгляд ученого, играл несомненно самостоятельную роль. Это был хитрый и умный политик, рядившийся в тогу показного либерализма, а на самом деле преследовавший цель добиться всемерного укрепления своей абсолютной власти. В реформах начала XIX в. ярко проявился внешний показной либерализм, который лишь прикрывал реакционную сущность внутренней политики царизма.⁵⁶

Однако, концепция С. Б. Окуня оставалась противоречивой. С одной стороны, показной либерализм, с другой – серьезное желание извлечь уроки из Французской революции, чтобы предотвратить революцию русскую. Видимо, сам историк чувствовал это противоречие и попытался устранить его в последующих изданиях своих лекций.

Позже он еще больше развил идею о влиянии дворцового переворота на внутривнутриполитическую деятельность Александра и неискренности его либеральных устремлений. Представляется очень важной идея С. Б. Окуня связать попытки преобразований начала XIX в. с особенностями царствования Павла I, которые заключались в более резком проявлении «относительной самостоятельности самодержавной власти», выразившейся в предельной централизации государственного аппарата, усилении роли бюрократии, что должно было привести к полной концентрации в руках Павла I всей полноты власти. Дворянская верхушка восприняла это как удар по своим сословным интересам. Как результат – дворцо-

⁵⁶ Окунь С. Б. История СССР: 1796–1856 гг.: курс лекций. Л., 1939. С. 80–89.

вый переворот против Павла. Александр I видел свою основную задачу в том, чтобы продолжить процесс укрепления абсолютизма, активно проводившийся его отцом. Однако ему пришлось учитывать сложившуюся обстановку и пойти на ряд уступок сановной оппозиции, чтобы выиграть время (указ Сенату 5 июня 1801 года). С этой целью он использовал Негласный Комитет, который сыграл роль своего рода заслона в борьбе с сановной фрондой. При этом и сами «молодые друзья» в новой концепции С. Б. Окуня, составляли часть этой самой фронды. Александр искусно столкнул две группировки друг с другом, при этом концентрируя все нити управления в своих руках. Постепенно он сумел избавиться от тех и других, а затем повернул в сторону откровенной реакции.⁵⁷

Концепция «заигрывания с либерализмом» была преобладающей в исторической науке на протяжении нескольких десятилетий и нашла отражение на страницах всех официальных изданий того времени.

В одной из последних статей С. Б. Окунь несколько смягчил свою позицию, подчеркнув, что в демагогической в целом политике «заигрывания с либерализмом» было и нечто прогрессивное. Заключалось оно не в кардинальных изменениях, а в определенном «движении вперед в буржуазном направлении».⁵⁸

Одновременно получил развитие и другой подход в освещении событий начала XIX в., восходивший к трудам А. Н. Пыпина. В начале 1924 г. вышла из печати книга А. Е. Преснякова «Александр I». Это было глубокое исследование, в основе которого лежало тщательное изучение уже введенных в научный оборот источников.⁵⁹ Исходной позицией для А. Е. Преснякова послужила идея назревших преобразований в начале XIX в., продиктованных социально-экономическим развитием страны. Далее автор настаивает на относительной самостоятельности самодержавия. Развитие в недрах старого режима новых буржуазных элементов ставило монархическую власть в противоречие с традициями безусловного классового господства дворянства. Павел I лишь попытался выйти из положения («дворянство через правительство управляет страной»), но он только расшатал корни самодержавия, не дав ему никакой другой опоры. Дворцовый переворот привел к усилению «дворянского конституционализма», в котором существовало два течения, представленные «екатерининскими стариками» и «молодыми друзьями». В представлении А. Е. Преснякова «старики» стремились «связать верховную власть «основными» законами дворянского господства под активным контролем Сената, избираемого из состава не столько вообще дворянства, сколько его вельможных слоев – правящих групп высшей дворянской бюрократии». Подобный конституционализм Пресняков оценивал как глубоко консервативный, т. к. он преследовал цель закрепить «преобладание дворянства над государственной властью». Члены Негласного Комитета тоже придерживались конституционных воззрений, но их конституционализм был другого плана. «Молодые друзья» стремились организовать работу верховной власти «не ослабляя ее самостоятельности в деле необходимых преобразований вне тормозов дворянского консерватизма, но в то же время с гарантией постепенности и умеренности реформ». Их мысль неизбежно наталкивалась на отрицание основ крепостничества и самодержавия и требовала перехода к буржуазному порядку и конституционному строю. Однако такие воззрения, полностью отвечавшие потребностям страны, в условиях крепостного строя практически не имели общественной опоры. Поэтому в этих условиях реформаторы были вынуждены с первых шагов практической деятельности приспособлять свои проекты к настроениям господствующего класса. В результате единственной реформой, получившей осуществление,

⁵⁷ Окунь С. Б. История СССР: 1796–1856 гг.: курс лекций. Л., 1947. С. 112–124.

⁵⁸ Окунь С. Б. К вопросу о сущности русского абсолютизма: (2-ая пол. XVIII – нач. XIX вв.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973. С. 110–117.

⁵⁹ Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 8–27, 43–81; См. также: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 16.

оказалось преобразование центрального управления с целью усиления самодержавной власти.

Самого же Александра I А. Е. Пресняков оценивал как идеолога-утописта, пытавшегося провести в жизнь выработанную им теорию «о законно-свободных учреждениях» как норме политического строя, предохраняющих мирное развитие страны как от революционных потрясений, так и от правительственного деспотизма. Коренная утопичность этой теории привела императора к полному разрыву с русской действительностью.

Исключительно важной и ценной представляется идея А. Е. Преснякова о невозможности проведения в начале XIX в. преобразований социально-экономической сферы в связи с незрелостью объективных предпосылок в стране. Крепостное хозяйство еще имело, по мнению автора, «крепкую объективную основу». Ему принадлежала ведущая роль в экономике, в колонизации малонаселенных областей, помещики оставались социальной опорой верховной власти. Самодержавие в правление Александра I как бы попыталось забежать вперед, но ничего не смогло сделать, оставив страну в прежнем политическом и экономическом положении.

Концепцию А. Е. Преснякова творчески развил А. В. Предтеченский. В 1957 г. он выпустил в свет монографию «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.», до сих пор остающуюся одним из самых обстоятельных исследований внутривнутриполитической жизни России начала XIX в. Главной задачей автор считал раскрытие причин неотвратимого перехода верховной власти к политике преобразований. Основная причина насущной потребности реформ заключалась в том, что «наиболее дальновидным представителям дворянства казалось невозможным для удержания власти в своих руках в обстановке обостряющейся классовой борьбы и экономических изменений оставлять в неприкосновенном виде существующие социально-экономические отношения и организацию аппарата управления». Поэтому правительство Александра I «обнаружило понимание того, что путь приспособления форм государственного управления и социально-экономических отношений к изменившимся внутренним условиям и изменившейся международной обстановке есть единственное средство удержать власть в руках господствующего класса».

Таким образом, в концепции Предтеченского Александр I предстает дальновидным реформатором, убежденным в необходимости пойти на частичные уступки, причем сознательные, новым развивающимся буржуазным отношениям с целью предотвратить повторение событий Французской революции в России. По его мнению, Александр I и члены Негласного Комитета действовали как единомышленники и являлись инициаторами всех реформ. Автор рассматривал подготовку реформ вне всякой связи с дворцовым переворотом в марте 1801 г., что, пожалуй, являлось существенным недостатком его построений. А. В. Предтеченский отказался от традиционного противопоставления «екатерининских стариков» и «молдых друзей», но зато ввел в конкретную историю подготовки реформ группировку открытых реакционеров, о существовании которой упоминал еще Н. К. Шильдер. Именно сопротивление представителей господствующего класса, выразителями которого стала эта группа вельмож, по мнению ученого, послужило причиной неудачи реформ. Александр I, видя это сопротивление, постепенно отказался от попыток продолжить реформы и взял курс на дальнейшую централизацию и бюрократизацию правительственного аппарата. При этом, если А. Е. Пресняков рассматривал реформу управления как создание средств для более успешного проведения реформ, то А. В. Предтеченский – как альтернативу всей политики реформ.⁶⁰

⁶⁰ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в 1-ой четверти XIX в. М., 1957. С. 1–25, 63–145, 200–208, 425–429.

Итак, к середине 1960-х годов в исторической науке сложилось две концепции, по-разному объяснявшие события начала XIX в. Первую – условно можно охарактеризовать как концепцию *«заигрывания самодержавия с либерализмом»*, наиболее яркий представитель которой С. Б. Окунь, вслед за В. И. Лениным, считал попытки реформ начала XIX в. насквозь фальшивыми, вызванными исключительно внешними обстоятельствами и заранее обреченными на провал. К сторонникам этой концепции относится и академик М. В. Нечкина и, с определенной долей условности, академик Н. М. Дружинин (его позиция по поводу «показного либерализма» Александра I была более мягкой, допускающей эволюцию самодержавия в сторону буржуазной монархии). Вторую концепцию условно можно охарактеризовать как *концепцию приспособления государственной власти к новым развивающимся буржуазным отношениям*. Ее сторонники считали главной причиной реформ осознание передовой частью общества вместе с императором Александром I необходимости реформ. Причины неудачи задуманных реформ виделись в сопротивлении господствующего класса и неспособности или нежелании правительства опереться на другие, более широкие слои населения. Помимо А. В. Предтеченского к сторонникам этой концепции следует отнести, из историков 60-70-х гг., С. С. Ланду⁶¹.

В целом же в 1960-е и, особенно, в 1970-е гг. проблема поиска и анализа предпосылок реформ начала XIX в. не особенно интересовала историков, специализировавшихся на изучении истории России 1-й половины XIX в. Положение изменилось в 1980-е гг., когда встал вопрос о необходимости реформирования самой советской системы. В поисках аналогий взгляд исследователей волей-неволей обращался к событиям начала XIX в., причем события эти рассматривались в ракурсе возможности и реальности реализации реформаторской альтернативы в то время.

Из серьезных исследований, посвященных этой проблематике, можно отметить работы Н. В. Минаевой, С. В. Мироненко и М. М. Сафонова.

Н. В. Минаева и С. В. Мироненко по сути выступили продолжателями линии, намеченной в трудах А. Н. Пыпина, А. Е. Преснякова и А. В. Предтеченского, рассматривая попытки реформ начала XIX в. как сознательный, хотя и вынужденный выбор правительства с целью приспособления устаревшей политической системы к новым общественным отношениям. Оба исследователя рассматривали проекты государственных реформ при Александре I (Жалованную Грамоту российскому народу 1801 г., проект М. М. Сперанского 1809 г., Уставную грамоту 1818–1820 гг.) как проекты *конституционные*, направленные на модернизацию государственного строя и политической системы России, предотвращение возможной революции. Все три проекта должны были привести к превращению России из абсолютной монархии в конституционную. Успеху этих реформ помешало сопротивление подавляющей части консервативно настроенного дворянства и недостаточная решимость довести начатое до конца у самого императора. Однако в трудах этих ученых конкретная борьба вокруг реформ начала столетия затрагивается лишь отчасти, т. к. они ставили перед собой другие задачи. Исследование Н. В. Минаевой было посвящено более широкой теме истории общественно-политической мысли 1-й четверти XIX в.⁶², а в центре внимания С. В. Мироненко находилась политическая борьба вокруг проектов М. М. Сперанского и Уставной грамоты 1818–1820 гг.⁶³

⁶¹ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–25 гг. М., 1975.

⁶² Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982;

⁶³ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С.103–113; Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России 1-ой половины XIX столетия. М., 1990.

Зато исследование *М. М. Сафонова* посвящено как раз периоду первых лет царствования Александра I и является, пожалуй, наиболее обстоятельной из всех работ, посвященных этому времени. Автор обработал огромный фактический материал, ввел в научный оборот неизвестные ранее источники. Являясь учеником С. Б. Окуня, М. М. Сафонов использовал и ряд идей сторонников концепции «приспособления». В результате ему удалось создать оригинальную концепцию, объясняющую причины, характер и результаты реформ начала XIX в. По мнению М. М. Сафонова, реформы непосредственно вытекали из предшествующего развития России, особенно из времен павловского царствования. Главной причиной перехода верховной власти к политике реформ он считал невозможность правительства старыми методами решить накопившиеся проблемы. Из конкретных причин выделяются две. Первая – это развитие просветительской идеологии, определенное влияние которой испытывал Александр I, мечтавший «отделать фасад абсолютизма на европейский манер» и считавший, что проведение в жизнь наиболее умеренных идей Просвещения предотвратит государство от потрясений как сверху, так и снизу. Вторая – это дворцовый переворот 11 марта 1801 г., вызвавший рост ограничительных настроений среди вельможной аристократии.

По мнению М. М. Сафонова, существовало три группировки в политических верхах начала XIX в. Наиболее активной среди них были «заговорщики» во главе с П. А. Зубовым. Именно им и принадлежала инициатива в проведении реформ. Две другие – это уже знакомые нам «екатерининские старики» и «молодые друзья». «Заговорщики» поставили на повестку дня вопрос об ограничении самовластия монарха, их инициатива вызвала брожение среди «екатерининских стариков», в свою очередь выдвинувших вопрос о реформе Сената и создании на его основе ограничительного коллективного органа вельможной бюрократии. Оценка роли «молодых друзей» у Сафонова почти не расходится с точкой зрения С. Б. Окуня, зато Александр I рассматривается совершенно по-новому. По мнению этого исследователя, новый император имел продуманную программу решения крестьянского вопроса путем постепенной ликвидации крепостного права и планировал именно с нее начать преобразования. Ключевую роль в развитии дальнейших событий играл П. А. Зубов. Он якобы предложил царю компромисс: Александр соглашается поставить законодательную деятельность монарха под контроль вельможных кругов (реформа Сената), взамен сановная оппозиция не будет препятствовать в проведении крестьянской реформы. По мнению М. М. Сафонова, император не был противником конституционных идей и потому в принципе был готов согласиться с отдельными элементами представительного правления. Но так как это представительство задумывалось как чисто дворянское, то неизбежно вставал вопрос, какую позицию займут представители дворянства при обсуждении общесословных мероприятий. Александр I и «молодые друзья» придерживались утопической идеи, считая, что дворянство добровольно пойдет по пути, указанном монархом. Но действительность опровергла эти наивные ожидания. В результате широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась, главным образом, к преобразованиям государственного устройства, причем реальное осуществление получили только те из них, которые способствовали централизации и бюрократизации государственного аппарата и дальнейшему укреплению самодержавия⁶⁴.

Концепция М. М. Сафонова достаточно убедительно объясняет ход развития событий в первые годы правления Александра I, однако ряд положений этой концепции представляется достаточно спорным. Так вряд ли можно согласиться с оценкой проекта «Жалованной Грамоты Российскому народу» 1801 года как феодальной хартии, так же как и с чрезмерным выпячиванием роли П. А. Зубова. Наконец, не лишена противоречий оценка действий

⁶⁴ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С.140–141, 142–146, 164–166, 236–242.

Негласного Комитета. С одной стороны М. М. Сафонов постоянно указывает на желание «молодых друзей» всячески затормозить реформаторскую деятельность Александра I, с другой – признаёт приверженность «молодых друзей» идеям конституционализма, причем общесловного характера.

Для отечественной *историографии 1990-х гг.* характерен некоторый спад интереса к рассматриваемой проблематике. Объясняется это, видимо, не столько исчерпанностью разработки данной темы, сколько общим разочарованием в возможностях успешного реформирования социально-экономической и политической системы страны путем соответствующих мероприятий и реформ «сверху».

Из работ, вышедших в начале 1990-х гг. и посвященных проблеме разработки проектов реформ в александровскую эпоху, следует отметить обстоятельную статью В. А. Федорова «Александр I» в журнале «Вопросы истории» № 1 за 1990 г., в которой сквозь призму биографии Александра I даётся глубокий анализ причин, побудивших Александра I начать разработку проектов конституционных реформ, а также причин неудачи этих попыток. При этом автор поддерживает концепцию приспособления самодержавия к новым общественным условиям⁶⁵.

Также определённый интерес представляет и статья в «Вопросах истории» в № 5–6 за 1995 год И. В. Волковой и И. В. Курукина, посвященная анализу феномена дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. Авторы высказывают оригинальную мысль, утверждая, что большая часть удавшихся и неудавшихся дворцовых переворотов сопровождалась попытками аристократических кругов ограничить самодержавную власть, в т. ч. и при помощи разработки соответствующих конституционных проектов. При этом данная тенденция рассматривается как закономерность политического развития России XVIII–XX вв.⁶⁶

Из монографических исследований 1990-х гг. следует выделить, прежде всего, обширный труд А. Н. Медушевского «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе», являющийся логическим продолжением его более ранней работы «Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование». Рассматриваемая монография – это плод многолетних изысканий автора, написанный на стыке истории и политологии. В центре исследования находится проблема перехода от авторитарных политических систем к демократическим. И на этом фоне обобщается весь опыт российского парламентаризма и конституционализма в сравнительно-историческом аспекте. Значительное внимание Медушевский уделяет становлению и развитию конституционных идей в России во второй половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. Разработку конституционных проектов на высшем уровне в правление Александра I А. Н. Медушевский считает вполне оформившейся и закономерной тенденцией политического развития России, уходящей корнями в XVIII век и имеющей источники как за рубежом (идеология Просвещения, Великая Французская революция), так и в России (проекты «верховников», конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина и т. д.). Но самое ценное в монографии Медушевского заключается в том, что автор выявляет типологию развития конституционализма в России⁶⁷.

⁶⁵ Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1.

⁶⁶ Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 43–47.

⁶⁷ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 281–326. См. также: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. Он же. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 69–78.

Значительный интерес представляют также монографии *А. Б. Каменского* «Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация» и *Ю. А. Сорокина* «Российский абсолютизм в последней трети XVIII века». Обе работы посвящены проблеме эволюции российского абсолютизма, причем оба исследователя особое внимание уделяют правлению Екатерины II и царствованию Павла I.

А. Б. Каменский, рассматривает весь XVIII в. в истории России, и в особенности его вторую половину, как сплошную череду реформ или попыток реформ «сверху», главная цель которых – модернизация абсолютистского режима и его приспособление к изменившимся социально-экономическим и особенно политическим условиям Нового времени. Хотя в центре внимания исследователя стоит поиск тенденций и закономерностей в развитии России в XVIII в., Каменский в конце работы делает ряд аналитических замечаний по поводу правления Александра I. По его мнению, эпоха Александра I – это история еще одного реформатора на троне, ставившего перед собой глобальные задачи и допускавшего перестройку всей системы управления, включая компетенцию императора в системе государственной власти. Главной проблемой для Александра I стало резкое сужение реформаторского пространства по сравнению со второй половиной XVIII в. Решение всех сколько-нибудь принципиальных вопросов упиралось в главную проблему крепостничества, а решительным образом эту проблему Александр I решить не смог⁶⁸.

В монографии *Ю. А. Сорокина* основное внимание уделяется правлению Павла I. Автор прослеживает эволюцию российского абсолютизма от «просвещенного» абсолютизма Екатерины II к «непросвещенному» абсолютизму Павла I, рассматривая их как два альтернативных варианта исторического развития страны. Значительное внимание Сорокин уделяет взаимоотношениям Павла с его наставником, известным политическим деятелем и конституционалистом Н. И. Паниным. При этом автор, на наш взгляд, не совсем обоснованно считает, что Павел и Н. И. Панин не были единомышленниками, и Павел Петрович никогда не придерживался конституционных взглядов⁶⁹.

В целом же, несмотря на ряд спорных утверждений, Ю. А. Сорокин выявляет влияние политики Павла I на внутреннюю и внешнюю политику России первой половины XIX в., т. е. усматривает преемственную связь реформаторских начинаний Павла I и императора Александра I.

Личность Павла I и спорные моменты его деятельности оказалась в центре внимания исследователей в 1990-е годы. Помимо монографии Ю. А. Сорокина нельзя не отметить очерк о Павле I *А. Г. Тартаковского*. Личностью Павла занимались также *Г. Л. Оболенский* и *А. М. Песков*. Для всех этих работ, разных по своему достоинству, характерно рассмотрение Павла I как сложной исторической личности, в которой совместились и реформаторские и консервативные устремления. В целом же Павел I расценивается как неудавшийся реформатор, но, тем не менее, заложивший основы будущего развития России в XIX в.⁷⁰.

Следует отметить и монографию *С. А. Омельченко*, посвященную проблемам становления концепции «просвещенного абсолютизма» в России при Екатерине II. Автор справедливо отмечает явные отличия этой концепции в интерпретации Екатерины от аналогов в странах Западной Европы, особенно в отношении крестьянского вопроса.⁷¹

В целом для историографии 1990-х годов характерно обращение многих исследователей к жанру *психологического портрета*. Помимо Павла I особой популярностью пользова-

⁶⁸ Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 299–300.

⁶⁹ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 5–6, 163–167, 184–185.

⁷⁰ Тартаковский А. Г. Павел I. М., 1998; Оболенский Г. Л. Павел I. М., 1994; Песков А. М. Павел I. М., 1999.

⁷¹ Омельченко С. А. Законная монархия Екатерины II. Просвещённый абсолютизм в России. М., 1993. Похожая оценка внутренней политики Екатерины II прослеживается в статьях Я. Е. Водарского. См. например: Водарский Я. Е. Екатерина II: от французской философии к российской реальности. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 48–61.

лась противоречивая фигура Александра I. Кроме уже упоминавшейся работы В. А. Федорова ему посвящены монографические исследования *А. Н. Сахарова*, *А. Н. Архангельского* и *Н. А. Троицкого*. А. Н. Сахаров рассматривает всю деятельность Александра I сквозь призму искупления греха отцеубийства. Он достаточно убедительно доказывает, что и переход к разработке конституционных реформ, и отказ от их осуществления можно объяснить психологическими факторами. Искренняя любовь к стране, стремление сделать лучше жизнь большинства населения, чтобы хоть как-то оправдать участие в заговоре против отца, являлись, по мнению А. Н. Сахарова, главными мотивами деятельности императора. Сомнения в правильности выбранного пути, опасения, что задуманные преобразования приведут к негативным результатам, стали главными причинами нереализованности конституционной альтернативы, искренним приверженцем которой был сам император. При этом автор считает достаточно правдоподобной версию о тайном отречении Александра I в 1825 г. («легенда о старце Федоре Кузьмиче»).⁷²

Монография *Н. А. Троицкого* «Александр I и Наполеон», написанная блестящим литературным языком, посвящена сравнительному жизнеописанию двух императоров. Автор сопоставляет их судьбы, оценивает их взгляды, деяния, а также смысл, возможные альтернативы и итоги их деятельности. Учитывая, что герои книги взаимодействовали и сталкивались, прежде всего, на международной арене, в центре внимания автора закономерно находятся внешнеполитические аспекты их деятельности. Но при этом Н. А. Троицкий уделил значительное внимание и внутрисполитическим вопросам, в частности, попыткам Александра I провести конституционные реформы. В их оценке он близок к сторонникам «теории приспособления» («реформы 1801–1804 гг. были закономерным результатом распространения в России конституционных идей, включая собственные воззрения Александра I»), но одновременно считает обоснованными и ряд доводов сторонников теории «заигрывания с либерализмом» («Александр I не испугался «последнего шага» по пути реформ, а почувствовал, что уже сделанными, т. е. именно промежуточными и половинчатыми, шагами он достаточно упрочил свое положение, примирив старую знать с новой, и не нуждается в дальнейших реформах»). В целом, оценивая Александра I как личность и политика, Н. А. Троицкий замечает, что после Наполеона по уровню способностей и интеллекта Александр был самым умным и умелым политиком, приводя при этом схожие слова самого Наполеона, сказанные им в конце жизни на острове Святой Елены: «Это, несомненно, самый способный из всех царствующих монархов».⁷³

Монография *А. Н. Архангельского* «Александр I» является, по сути, историко-беллетристическим произведением и, наверное, самым «психологическим» из написанных в жанре психологического портрета. Автор делает упор на выяснении мотивов деятельности императора, его поведения в частной и политической жизни. Главным из них Архангельский считает идею искупления вины за участие в заговоре против отца, а отсюда стремление «осчастливить» страну введением Конституции, правового кодекса, отменой крепостного права, чтобы оставить о себе добрую память и скрасить мрачные впечатления от обстоятельств прихода к власти. Однако с течением времени, реформаторский пыл Александра угас, расставаться с абсолютной властью ему все менее хотелось. В результате внутренний конфликт мотивов привел к тому, что император периодически возобновлял работу над проектом конституции, но в решающий момент отказывался сделать последний шаг. В целом концепция

⁷² Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. Данная монография является расширенным вариантом более ранней беллетристической работы автора. См.: Сахаров А. Н. Человек на троне. М., 1992.

⁷³ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994., С. 85–86, 292–293.

А. Н. Архангельского является по своей сути одной из разновидностей концепции «заигрывания с либерализмом».⁷⁴

Из работ, посвященных внешней политике России рассматриваемого периода, следует отметить статью *Г. И. Герасимовой* о внешнеполитической концепции графа Н. И. Панина и статью *О. А. Савельевой* о графе И. Каподистрии и его влиянии на проведение в жизнь политики «конституционной дипломатии» в 1814–20 гг., опубликованных в сборнике «Российская дипломатия в портретах».⁷⁵

Работа *В. И. Морякова* о русском просветительстве второй половины XVIII в. проливает свет на идеологическую основу павловского правления. Исследования *Н. М. Михайловой* о либерализме в России на рубеже XVIII и XIX вв. и несколько работ *Ф. А. Петрова* об университетской реформе 1804 г. и развитии университетского образования в первой половине XIX века внесли определённый вклад в рассмотрение проблем общественно-политического и культурного развития России на рубеже XVIII и XIX вв.⁷⁶

Для *историографии 2000-х гг.*, как и для историографии предшествующего периода, характерен некоторый спад интереса к проблеме конституционных реформ второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. С другой стороны, были предприняты первые попытки *концептуального осмысления* всего пути развития российского конституционализма с XVIII до начала XX века. Именно этой теме посвящены вступительные статьи *А. Н. Сахарова* и *А. Н. Медушевского* к уже упоминавшемуся сборнику конституционных проектов «Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв.», подготовленного в Институте Российской истории РАН в 2000 г. В статье «Конституционные и цивилизационные судьбы России» А. Н. Сахаров рассуждает о возможности иных альтернатив в российской истории. По его мнению, «теория альтернатив», давно существующая на Западе, вполне применима и к российскому историческому процессу, так как «человеческая история потому и оказывается историей, что она составлена порой не столько из уже свершившихся фактов и событий, сколько из нескончаемой череды великого множества альтернатив, их драматических отборов, оттеснений... что и составляет живую ткань исторического процесса». Нельзя не согласиться с автором, что обращение к конституционным проектам в истории России, и, прежде всего, проектам XVIII – начала XIX вв., пусть нереализованным, но обозначенным, позволяет ярче высветить всю политическую палитру России этого периода. По мнению А. Н. Сахарова, первые ростки конституционной альтернативы в России появляются еще в XVI веке в сочинениях князя А. Н. Курбского, затем во время событий Смутного времени («крестоцеловальная запись» Василия Шуйского при вступлении на престол). Ее окончательное оформление происходит в XVIII веке в проектах «верховников» и Н. И. Панина. С приходом к власти Александра I реализация этой альтернативы становится как никогда реальной благодаря особенностям мировоззрения молодого императора. Однако в решающий момент он отказался от воплощения им же самим задуманного, и Конституция в России так и не была принята. Одну из главных причин А. Н. Сахаров видит в неуверенности Александра I по поводу последствий принятия Конституции: «Каждый реформаторский шаг российских монархов постоянно и многократно взвешивался... и если баланс нарушался и грозил не просчитанными и далеко идущими вариантами, власть давала немед-

⁷⁴ Архангельский А. Н. Александр I. М., 2000.

⁷⁵ Герасимова Г. И. Северный аккорд графа Панина. Проект и реальность. // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 62–79; Савельева О. А. Греческий патриот на службе России. И. А. Каподистрия и Священный союз // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 135–151.

⁷⁶ Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII в.: из истории общественно-политической мысли в России. М., 1994; Михайлова Н. М. Либерализм в России на рубеже XVIII–XIX вв. // автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1998; Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX в. // автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1999; Его же. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования в России. М., 1998. Кн. 1.

ленный отбой». К тому же, получив в свои руки неограниченную власть, Александр I уже не очень-то хотел с ней расставаться. Несмотря на неудачу с реализацией конституционных проектов при Александре I, их значение, по мнению Сахарова, все равно было велико, так как свидетельствовало о переходе на иной, более прогрессивный уровень развития цивилизации.⁷⁷ Подобные же рассуждения приводятся и в статье А. Н. Сахарова «Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России», опубликованной в 2004 г. в журнале «Гражданин».⁷⁸ Большинство доводов Сахарова представляются достаточно убедительными, хотя в некоторых рассуждениях автора, на наш взгляд, присутствует излишняя модернизация, осовременивание образа мышления Александра I и его окружения с позиций сегодняшнего дня. Например, автор излишне часто использует термин «цивилизационный» (учет русскими монархами XVIII в. «цивилизационных параметров страны», «цивилизационной отсталости России», понимание Александром I «цивилизационного уровня страны» и т. д.).⁷⁹ Все-таки в то время термин «цивилизация» еще не был включен в научный и политический лексикон, поэтому Александр I и его соратники явно не могли мыслить подобными категориями.

А. Н. Медушевский в статье «Конституционные проекты в России» попытался выявить *специфические черты*, присущие российскому конституционализму.⁸⁰ К таковым автор относит заимствованный (с Запада) характер конституционных идей, немассовость сторонников конституционализма из-за отсутствия широкой социальной опоры в лице среднего класса, а отсюда его верхушечный характер. По мнению А. Н. Медушевского, в силу этих причин российский конституционализм так и не стал «реальной политической силой, способной трансформировать политическую систему абсолютистского государства», а остался «своеобразным интеллектуальным течением, отстаивавшим ограничение власти главным образом из чисто теоретических соображений, апеллируя при этом часто к самой власти». Представляется очень важной и правильной мысль ученого о том, что российский конституционализм отражает доминирующую тенденцию к рационализации, модернизации и европеизации российского политического строя и не может быть объяснен вне её. В связи с этим конституционные проекты XVIII–XIX вв. возникают в периоды крупных социально-политических реформ, связанных с осознанием правящей элиты факта отставания страны по отношению к странам Запада и стремлением преодолеть его с помощью заимствования западных политических институтов. Что касается оценки конституционных проектов 1-й четверти XIX в., интересующих нас, прежде всего, то в отличие от А. Н. Сахарова, Медушевский относит их к типичным проявлениям «мнимого конституционализма» бонапартистского образца, в которых выборы сводятся к фарсу, а парламент не обладает реальными законодательными полномочиями. По мнению Медушевского, реализация проектов Негласного Комитета, проекта М. М. Сперанского и Уставной Грамоты 1818–1820 гг. привела бы к созданию более рационализованной бюрократической администрации, возможно, ограничению произвола монархической власти, но отнюдь не к созданию конституционной монархии. При этом автор считает признаками конституционной монархии парламентский контроль над бюджетом, ответственность министров перед Парламентом, контрассигнацию министром подписи монарха. Ни одного из этих признаков в вышеназванных проектах он не обнаруживает.⁸¹

⁷⁷ Сахаров А. Н. Конституционные и цивилизационные судьбы России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 9–78.

⁷⁸ Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России. // Гражданин. 2004. № 3. С. 107–120.

⁷⁹ Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России. // Гражданин. 2004. № 3. С. 108, 110, 111–112.

⁸⁰ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 95–166.

⁸¹ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 115–120.

Подобное утверждение представляется весьма спорным. Указанные автором признаки конституционной монархии являются признаками парламентской монархии английского типа, но ведь существует и другой вид конституционной монархии – так называемая дуалистическая монархия, признаки которой как раз отчетливо обнаруживаются в проектах 1-й четверти XIX в. Однако Медушевский, видимо, не считает подобную монархию конституционной. На наш взгляд, здесь налицо чрезмерное сужение самого понятия «конституционная монархия». Ведь дуалистические монархии, в отличие от абсолютных, функционируют на основе и в рамках Основного закона государства, т. е. Конституции, следовательно, уже только на этом основании их можно с полным правом считать конституционными. Другое дело, что соотношение полномочий монарха и парламента в парламентской и дуалистической монархиях несравнимо. Более подробно наша точка зрения по этому вопросу будет освещена при анализе Уставной грамоты Российской империи 1818–1820 гг. Причины нереализованности конституционных проектов 1-й четверти XIX в. Медушевский видит в невозможности в условиях конкретной политической ситуации того времени одновременно решить вопрос о политическом переустройстве государственной системы и вопрос о крепостном праве. По его мнению, «ослабление монархической власти как единственной надсословной силы, способной провести крестьянскую реформу сверху, становилось в этих условиях деструктивным фактором социального развития».⁸² Подобное объяснение представляется убедительным и объективным.

Похожих взглядов придерживается *А. В. Гоголевский*, автор вступительной статьи к сборнику документов «Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии», вышедшего почти одновременно с «Конституционными проектами в России XVIII – начала XX вв.». Автор рассматривает российский конституционализм как сложное, многомерное явление государственной и общественно-политической жизни, принимавшее различные формы и содержание в зависимости от конкретно-исторических условий. Конституционные замыслы Александра I он считает вполне искренними, а причину их неудачи – в оторванности западной конституционно-демократической идеи от российских реалий, почти полном отсутствии социальной базы конституционных реформ.⁸³

Из монографических исследований этого периода следует отметить работы *М. М. Сафонова*, *Н. В. Минаевой*, *В. С. Парсамова* и *К. С. Чернова*.

Монография *М. М. Сафонова* «Завещание Екатерины II» посвящена политической борьбе в придворных кругах в 70–90-е гг. XVIII в. вокруг вопроса о престолонаследии. На основе многочисленных документальных источников, в том числе архивных материалов, автор вскрывает реальную подоплеку сложных, а затем и откровенно враждебных взаимоотношений Екатерины II и Павла Петровича и пытается по-новому осветить многие, казалось бы, давно известные события екатерининского царствования, например, связанные с наступлением совершеннолетия Павла и борьбой «панинской партии» за соправительство.⁸⁴

Книга *Н. В. Минаевой* «Век Пушкина» является своеобразным продолжением ее монографического исследования «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века» и повествует о событиях истории России 1-й половины XIX в., связанных с попытками модернизации российского абсолютизма. Причём все эти события рассматриваются сквозь призму жизни и деятельности А. С. Пушкина. В монографии нашел воплощение фактически весь круг научных интересов автора. При этом особое внимание уделяется анализу проектов конституционной и крестьянской

⁸² Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 119.

⁸³ Гоголевский А. В. Русский либеральный конституционализм. // Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000. С. 7–39.

⁸⁴ Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2001.

реформ в период правления Александра I и, в меньшей степени, Николая I. Огромное внимание Н. В. Минаева уделила личностному аспекту при анализе реформаторских проектов. В книге дается блестящая характеристика М. М. Сперанского, деятелей Негласного Комитета, П. Д. Киселева, Н. М. Карамзина и др. Особый научный интерес представляют приложения к монографии, в которых публикуются (некоторые впервые) документы, собранные автором в течение своей научной деятельности и свидетельствующие о реальной возможности реформирования российского государственного строя в 1-й половине XIX века (различные проекты и записки М. М. Сперанского, П. Д. Киселева, тексты Жалованной Грамоты Российскому народу 1801 г. и Уставной Грамоты Российской империи 1818–1820 гг. и др.).⁸⁵

Монография В. С. Парсамова «Декабристы и французский либерализм» является сравнительно-историческим исследованием идеологии декабристов и французского либерализма начала XIX в. В первой части работы затрагивается вопрос о реформировании государственного строя России в 1801–20 гг. В оценке проектов М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева позиция В. С. Парсамова в целом напоминает концепцию С. В. Мироненко и Н. В. Минаевой. Проекты эти оцениваются как умеренно-конституционные и как прямые предшественники конституционных проектов декабристов.⁸⁶

Монография К. С. Чернова «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи» посвящена, как видно из названия, анализу конституционного проекта, по сути, подводящего итоги всей реформаторской деятельности Александра I.⁸⁷

В этой работе наиболее интересна ее источниковедческая часть, особенно многочисленные приложения, в которых автор публикует свой собственный перевод с французского языка на русский первой и третьей редакции Уставной Грамоты, развернутую схему будущей структуры органов государственной власти, а также сравнительную таблицу статей второй редакции Грамоты с зарубежными и отечественными источниками.

Саму же Уставную Грамоту К. С. Чернов рассматривает не как проект Конституции, а всего лишь как проект административной реформы, цель которой – завершить процесс «институционализации российского абсолютизма». По мнению автора, никакого ограничения власти монарха не должно было произойти, народное представительство вводилось чисто фиктивно, принцип разделения властей сводился к формальному «отделению друг от друга различных частей административного управления», никаких элементов федерализма не вводилось, а раздел о правах и свободах личности является не свидетельством внедрения норм буржуазного права, а окончательной структуризацией сословных прав и привилегий.⁸⁸ Подобная оценка содержания Уставной Грамоты представляется, по меньшей мере, спорной. Вообще, бросается в глаза чрезмерная безапелляционность многих суждений автора, в тексте монографии слишком часто встречаются фразы типа «безусловно», «вне всякого сомнения», «однозначно» и т. д. В результате личное мнение автора, иногда весьма спорное, выдается чуть ли не за истину в последней инстанции.

Концепция автора явно страдает определенной заданностью, а в некоторых моментах и предвзятостью. К. С. Чернов, изначально являясь приверженцем концепции «заигрывания Александра I с либерализмом», уже в предисловии заявляет об отсутствии у него каких-либо серьезных реформаторских намерений, приверженности абсолютизму в чистом виде. Выдвинув этот тезис, автор пытается обосновать его фактами, а если они не подтверждают выдвинутое предложение, то начинается их интерпретация в нужном свете и подгонка под

⁸⁵ Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007.

⁸⁶ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

⁸⁷ Чернов К. С. «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007.

⁸⁸ Чернов К. С. «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007. С. 80, 95, 110–112.

готовую концепцию. В результате вывод опережает обоснование, из-за чего страдают логика и объективность всей концепции.⁸⁹

В историографии 2000-х гг. не остался без внимания и жанр психологического портрета. Из наиболее интересных работ можно отметить монографию *П. Д. Николаенко* о князе В. П. Кочубее⁹⁰, статью *М. А. Крисань* о князе Адаме Чарторижском⁹¹ и, особенно, статью *Н. В. Минаевой* о Н. И. Панине, в которой содержится не только характеристика личности героя очерка, но и дается развернутый анализ его деятельности, включая разработанные им конституционные проекты.⁹² Также следует отметить содержательную монографию *А. В. Дёмкина*, посвященную анализу внутренней политики Александра I в 1801–1805 гг. Автор достаточно подробно рассматривает деятельность Негласного Комитета и конкретные внутривластные мероприятия указанного периода.⁹³

Из зарубежной историографии в представленном исследовании использовались в основном работы по истории внешней политике России конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Из них особенно следует отметить монографии *Дж. Берти*, *П. Кеннеди-Гримстеда*, *Дж. Мак Найта*, *Н. Соула*, *Х. Рэгсдейла*, *М. Кукеля* и *Е. Скворонка*, посвященные различным аспектам политики «конституционной дипломатии» России в первой четверти XIX века⁹⁴.

Заслуги зарубежных историков по рассмотрению реформирования политического режима в России второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. гораздо скромнее отечественных. Из работ иностранных авторов можно отметить монографии *Р. Джонса* об изменении социальной психологии русского дворянства в годы екатерининского правления⁹⁵, *Б. Михана-Уотерса* о политической борьбе вокруг «кондиций» верховников в 1730 г.⁹⁶, *С. Бертолисси* о развитии конституционализма в России⁹⁷, а также биографические работы *Д. Л. Рансела* о Н. И. Панине, *Р. Е. Мак-Грю* о Павле I и *А. Валлотона* об Александре I⁹⁸.

Несколько особняком стоит работа американского историка *Марка Раева* «Планы политической реформы в Императорской России: 1732–1905 гг.», вышедшая в свет в 1966 г. и до настоящего времени не потерявшая научного интереса.

Монография основана на большом массиве источников и особенно интересна тем, что автор делает попытку выявить типологию развития конституционализма в России на основании изучения реализованных и нереализованных конституционных проектов на протяжении XVIII–XIX вв. вплоть до первой русской революции. При этом автор считает, что рос-

⁸⁹ Более подробно наши возражения на концепцию К. С. Чернова изложены в рецензии, опубликованной в журнале «Отечественная история». См.: Захаров В. Ю. Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи» (рецензия) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 190–195.

⁹⁰ Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.

⁹¹ Крисань М. А. Адам Чарторыйский. // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 58–65.

⁹² Минаева Н. В. Никита Иванович Панин. // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71–91.

⁹³ Дёмкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012.

⁹⁴ Берти Дж. Россия и итальянские государства в эпоху Рисорджименто. М., 1954; Kennedy-Grimsted P. Foreign Ministers of Alexander I. – Barkley. Los-Angeles. 1969; McNight J. L. Admiral Ushakov and the Ionian Republic. The Genesis of Russian's First Balkan Satellite. Ph. D. Dissertation. University of Wisconsin, 1965; Soul N. E. Russia and the Mediterranean. 1797–1807. Chicago. London, 1970; Kukiel M. Książe Adam. Warszawa. 1993; Scowronek E. Antynapoleonskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969. Scowronek E. Adam Jerzy Czartoryski. Warszawa. 1994; Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–25.

⁹⁵ Jones R. The Emancipation of the Russian nobility. 1762–1785. Princeton, 1973.

⁹⁶ Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy. The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982.

⁹⁷ Бертолисси С. Введение к изучению конституционных проектов в России XVII–XX вв. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 79–94; Bertolissi S. Il progetto costituzionale di N. N. Novosil'cev // Annali. Sezione storico-politico-sociale. XI–XII. Napoli, 1994.

⁹⁸ Ransel D. L. The Politics of Catherine's Russia. The Panin Party. New Haven, 1975; McGrew R. E. Paul I of Russia. Oxford, 1992; Валлотон А. Александр I. М., 1991.

сийский конституционализм (восточного типа) значительно отличался от западного (более последовательно буржуазного) и имел свои специфические особенности⁹⁹.

При этом следует иметь в виду, что М. Раев продолжает традиции А. А. Кизеветтера, любимого учителя академика Н. М. Дружинина. Также следует отметить фундаментальный вклад *Г. В. Вернадского* в разработку проблемы развития конституционных идей в России в XVIII–XIX вв., продолжавшего традицию отечественного либерального конституционализма¹⁰⁰.

Итак, на основе приведенного выше обзора историографии выявляются различные подходы, по-разному объясняющие причины, ход и результаты преобразований начала XIX века. Чрезвычайная сложность и противоречивость политической ситуации на рубеже XVIII и XIX вв., специфика источниковой базы (разработка конституционных проектов проходила в обстановке строжайшей секретности), позволяют предполагать, что многие тайные источники до нас не дошли. Пытаясь выявить глубинные побудительные мотивы деятельности того или иного участника событий, исследователь должен учитывать его социально-психологические характеристики, при этом опираясь на разрозненные и зачастую весьма противоречивые суждения современников, записи в дневниках и т. д. А это позволяет по-разному интерпретировать иногда одно и то же событие. И однозначно ответить, какая интерпретация является более истинной и достоверной, представляется не всегда возможным.

Большинство исследователей оценивают проведенные преобразования как попытку верховной власти приспособить государственный аппарат страны к новому уровню социально-экономических отношений. Однако в трактовке конкретных обстоятельств, обусловивших вступление правительства на путь реформ, мнения исследователей расходятся, что и отвечает задаче научного поиска.

В вышеприведенном историографическом обзоре были рассмотрены работы историков, связанные с изучением проблемы эволюции российского абсолютизма 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. и истории развития российского конституционализма, в которых были предприняты попытки ее общего концептуального осмысления. По более частным вопросам небольшие историографические обзоры будут даваться в каждой главе данной работы.

⁹⁹ *Raef M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. New-Jersey, 1966.

¹⁰⁰ *Vernandsky G.* La charte constitutionnelle de l'Empire Russe de l'an 1820. Paris, 1933.

Методология и задачи исследования

Методология исторического исследования включает в себя общие концептуальные представления о сущности и направлении исторического развития, а также совокупность конкретных приемов и методов изучения материала. При этом отбор конкретных методов исследования зависит, как правило, от выбранного концептуального подхода.

В настоящее время существует три основных макрообъяснительных модели исторического развития: *формационная, цивилизационная и модернизационная*. Причем первые две модели (или метатеории) не ограничиваются временными рамками и претендуют (естественно, каждая по-своему) на объяснение всей истории человеческого общества. Модернизационная модель ориентирована на анализ исторических событий с XVII–XVIII вв. по настоящее время. Поэтому к макрообъяснительным моделям ее можно отнести с известной долей условности.

В любом случае все три макротеоии задают *системность* в изучении конкретных исторических проблем. Они позволяют вписать конкретное общество, событие, процесс в контекст общемировой истории либо через универсальные закономерности общественного развития (формационный подход), либо через социокультурное своеобразие общества (цивилизационный подход).

Выбор макрообъяснительной модели зависит во многом от мировоззренческой позиции исследователя. С точки зрения исторического объективизма в каждой из этих макротеоий есть рациональное зерно, свои плюсы и минусы. Нельзя сказать, что в одной есть только достоинства, а в другой – только недостатки. К тому же следует учитывать, что история как наука имеет дело с длительным и незавершенным процессом, и то, что кажется истинным сегодня (исходя из принципа «настоящее есть критерий оценки прошлого»), может потребовать иных объяснений завтра. Мы склонны согласиться с мнением тех ученых, которые считают невозможным создание универсальной и законченной теории исторического процесса, хотя бы в силу его крайней сложности и многоплановости.

Исходя из этого, все три макротеоии следует рассматривать и применять не изолированно друг от друга, а как *взаимодополняющие*, позволяющие с разных сторон раскрыть и оценить ход исторического процесса. Поэтому на наш взгляд, наиболее плодотворным будет своеобразный *концептуальный синтез*, объединяющий лучшее из формационной, цивилизационной и модернизационной теорий. *Формационная теория*, как никакая другая, применима при *периодизации* исторического процесса во всемирном и национальном масштабе. С нашей точки зрения, такая периодизация необходима, она позволяет ориентироваться в многообразном историческом материале, четко структурировать во времени и пространстве собственные знания по конкретной исторической проблеме. Предложенная формационной теорией периодизация (во всяком случае, до 2-й пол. XIX в.), представляется нам наиболее объективной. Если отбросить излишнюю идеологизированность, присущую этому подходу в советский период, следует признать, что используемая им терминология является устоявшейся и научно верифицируемой. Такие понятия, как «феодализм», «капитализм», «рабовладение» в равной степени используются и отечественными, и зарубежными учеными, и понимается под ними практически одно и то же.¹⁰¹ В рамках периодизации, предложен-

¹⁰¹ Теория *формаций*, являющаяся одной из разновидностей стадийного подхода к историческому развитию человечества, была разработана К. Марксом на основе материала по истории Западной Европы. Тем самым в ней отражен, прежде всего, европейский исторический контекст и сделан упор на самостоятельный, первичный (эндогенный) переход общества с одного этапа на другой. На наш взгляд, к *сильным сторонам* этой теории можно отнести наличие *чёткого единого критерия* (социально-экономического или, еще конкретнее, отношений собственности), ярко выраженная *стадийность* (деление истории человечества на 5 формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистиче-

ной формационной теорией, вполне применимы разработки *цивилизационного подхода*. Они позволяют выявить *специфические особенности, своеобразие* каждого конкретного сообщества людей.¹⁰² Наиболее объективной и обоснованной нам представляется *векторно-стади-*

скую и коммунистическую с переходным социалистическим этапом), *логичность и простоту для понимания* (каждая новая ступень проистекает из предыдущей и является ее закономерным продолжением). Благодаря этим достоинствам формационная теория дает возможность моделировать исторический процесс и сравнивать различные общества по уровню развития. К *недостаткам формационного подхода* можно отнести *чрезмерный экономцентризм*, из-за чего факторы развития сводятся в основном к соотношению производительных сил и производственных отношений; явный *европоцентризм* (в результате чего, формационная модель оказалась с трудом применима или даже вообще не применима к цивилизациям Востока), а также *не оправдавшийся прогноз К. Маркса* о неизбежной ликвидации капитализма и переходе к социализму и коммунизму. Хотя Маркса вряд ли можно обвинять в необоснованном прожектерстве. Ведь он описывал и анализировал современное ему капиталистическое общество второй половины XIX в., а уровень социальных противоречий и конфликтности этого общества был настолько высок, что давал основания не только Марксу вполне обоснованно предположить неизбежный крах общества социальной несправедливости. Сторонники марксизма отрицают (и на наш взгляд, вполне обоснованно) и обвинение Маркса в заведомой ошибочности социалистической и коммунистической перспектив развития человечества. Современный капитализм настолько отличается от стихийного капитализма второй половины XIX в., что ставит под сомнение само его название. Скорее можно говорить о *конвергентном обществе*, в котором соединились черты и капитализма (в экономической сфере, да и то, с большими изменениями) и предсказанного Марксом социализма (в социальной сфере). Действительно, и постоянно растущий уровень социальной защищенности населения развитых государств, и планирование государством макроэкономических показателей, и участие работников предприятий в управлении ими через акционирование свидетельствуют о том, что не так уж и не прав был Маркс, делая свой научный прогноз о направлении развития человеческого общества в будущем. Другое дело, что путь этот оказался не насильственно-революционным, а скорее эволюционно-реформистским – такой возможности Маркс явно не учитывал. Что касается пресловутого европоцентризма Маркса, то сторонниками формационной теории в XX в. он более-менее успешно преодолен. На основе поздних работ Маркса, в которых упоминается так называемый «азиатский способ производства», основным элементом которого является государственная собственность на средства производства, в известную «пятичленку» была добавлена еще одна формация – «азиатская» или «древневосточная». Одновременно капиталистическая формация была разделена на 3 этапа: стихийного капитализма (XVII – 1-я пол. XIX в.), монополистического капитализма (кон. XIX – 1-я пол. XX в.) и современного или регулируемого капитализма (со 2-й пол. XX в.), достаточно серьезно различающихся между собой. Тем самым, в значительной мере была преодолена ограниченность первоначальной характеристики капиталистической формации К. Маркса, ограничивавшейся периодом до 1870-х гг. и догматически распространявшейся на последующий временной отрезок. Таким образом, современная формационная теория не является застывшей, она вполне жизнеспособна, и при условии её дополнения другими факторами, имеет ресурс для дальнейшего развития и применения в исторических исследованиях. Сторонниками формационного подхода в модернизированном и дополненном виде являются такие известные историки как В. И. Кузищин, Б. И. Семёнов, Н. И. Смоленский, Л. В. Милов. Последний в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» выступает за обогащение марксистской методологии (по его мнению, в принципе правильной и востребованной) российской дореволюционной историографической традицией, обращавшей особое внимание на географический фактор. // См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 3–4.

¹⁰² *Культурологический подход* (или *теория локальных цивилизаций*) был разработан в 1920-е – 30-е гг. О. Шпенглером, А. Тойнби, П. Сорокиным. В его основе лежит представление об истории как о нелинейном, многовариантном процессе. Цивилизация определяется через понятие «культура», «культурные ценности». Единая история человечества фактически отрицается. Исторический процесс сводится к возникновению, развитию и гибели разных типов культур или локальных цивилизаций, которые индивидуальны, неповторимы и самодостаточны. Тем самым в данной модели основной акцент делается на выяснении специфических, оригинальных признаков той или иной локальной цивилизации. Однако, *чётких критериев* выделения локальных цивилизаций сторонниками этой теории *выработано не было*. Каждый ученый исходил из собственных представлений о цивилизации. Отсюда полное разномыслие по поводу количества типов культур и локальных цивилизаций. Например, О. Шпенглер выделял 8 культурных форм, А. Тойнби – 21 локальную цивилизацию и т. д. Подобный *субъективизм* вряд ли можно отнести к достоинствам цивилизационного подхода. Близок к теории локальных цивилизаций так называемый *структурный* подход к определению понятия «цивилизация», восходящий к трудам русского историка Н. Я. Данилевского. По сравнению с предыдущим подходом понятие цивилизации формулируется более широко как совокупность экономических, политических, социальных и культурных элементов. При этом активно используются такие понятия как «культурно-исторический тип», «социокультурная система» и т. д. само же видение исторического процесса почти не отличается от теории локальных цивилизаций. Третьей разновидностью цивилизационной теории является *векторно-стадиальный* подход, основанный на признании единства в развитии человечества при многовариантной специфике его проявления в локальных цивилизациях. В качестве примера можно привести работы американского ученого С. Хантингтона и японского ученого Ш. Ито. Последний, в частности, признает существование более 20 локальных цивилизаций, что напоминает построения А. Тойнби. Однако видение исторического процесса в целом у Ш. Ито иное. По его мнению, все цивилизации в своем развитии проходят 5 стадий глобальных трансформаций или революций: антропную, аграрную, городскую, осевого времени и научную, а в недалёком будущем еще и экологическую. При этом глобальные трансформации создают предпосылки для заимствования культурного опыта из очагов преобразований, который влияет на стиль культуры локальных цивилизаций. Подробнее см.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991; Он же. Цивилизация перед судом истории. М., 1996; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск. 1993; Сорокин П. Система социологии. М., 1993.

альная модель цивилизационного подхода, довольно близкая по своему содержанию формационному подходу. Теория локальных цивилизаций, отрицающая единую всемирную историю, представляется искусственной умозрительной схемой, не учитывающей многообразные международные контакты и взаимовлияние отдельных цивилизаций.

При анализе исторических событий XVIII–XIX вв. особенно актуальной и применимой является модернизационная теория, позволяющая выявить все нюансы перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному.¹⁰³ Учитывая, что тема нашего исследования вписывается в эти рамки и касается, прежде всего, проблемы восприятия российским обществом западноевропейских политико-правовых идей, *концепции парциальной и многолинейной модернизации* представляются особенно востребованными.

Приступая к анализу конкретных методов, которые будут применяться в нашем исследовании, необходимо, хотя бы кратко осветить *предельно общее концептуальное авторское видение хода и особенностей российского исторического процесса*. Начнем с того общего положения, что Россия являлась и является, на наш взгляд, прежде всего, *европейской страной*, хотя бы в силу одинаковой религии с другими европейскими народами. Во-вторых, мы считаем более объективной точку зрения тех ученых, которые доказывают отсутствие цивили-

Т. 1; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004; Он же. Столкновение цивилизаций. М., 2006.).

¹⁰³ Теория модернизации прошла несколько этапов в своем развитии. На первом этапе (2-ая пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.) господствовала линейная модель модернизации (С. Блэк, У. Ростоу и др.). Суть её заключалась в том, что модернизация рассматривалась как единый глобальный процесс, заключавшийся в распространении современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру. Каждое общество должно было пройти путь от «традиционности» к современности (modernity), под которой фактически понималась европейская индустриальная цивилизация. Тем самым модернизация, по сути, сводилась к вестернизации неевропейских цивилизаций. Конечным результатом модернизации должна была стать унификация и постепенная конвергенция мировых сообществ. Сама модернизация представлялась как процесс необратимый, линейный и прогрессивный. *Линейная теория модернизации*, ориентированная на единый путь развития всего человечества почти сразу же стала подвергаться критике за примат вестернизации, явный неучёт специфики каждой незападноевропейской цивилизации, а также международного контекста. Главным критиком оказались сторонники *депендентизма*, т. е. теории отсталости, зависимости и зависимого развития (английский историк Т. Шанин и др.). В результате на втором этапе (1980-е гг.) вместо линейной была сформулирована *парциальная модель* модернизации (Д. Рюшмейер и др.). Суть её сводилась к тому, что модернизирующееся общество не всегда может пройти все стадии модернизации до конца. В силу ряда причин в некоторых обществах модернизационные и традиционные элементы могут сплетаться в причудливые структуры, которые могут носить временный характер, а могут и сохраняться на протяжении жизни нескольких поколений. Тогда общество как бы «застывает» на стадии *частичной модернизации*, возникают различные несоответствия между политическими, социальными и экономическими институтами и внутри них, и даже в сознании конкретной личности. В итоге общество останавливается на стадии «устойчивого фрагментарного развития» с многочисленными внутренними противоречиями. На третьем этапе (кон. 1980-х – нач. 2000-х гг.) парциальная модель модернизации под воздействием новых эмпирических данных была преобразована в модель *многолинейной модернизации* (А. Турен, У. Бек, П. Штомпка, Т. Пириайнен), которая в настоящее время пользуется наибольшей популярностью в научном сообществе. От предыдущих моделей модернизации её отличают, прежде всего, признание возможности проведения модернизации по *собственному оригинальному западному пути* с учётом и на основе *национальных особенностей*. Также признается огромная роль *социокультурного и внешнего факторов* (для успешной модернизации необходимо равновесие и гармония между принимаемыми и традиционными ценностями, важна степень и форма воздействия со стороны более развитых государств), учитывается также фактор *исторической случайности и субъективный фактор* (воздействие конкретных личностей на процесс модернизации). Сама модернизация больше не рассматривается как единый непрерывный процесс системной трансформации, признаётся возможность цикличности модернизации с различным, а иногда и противоположным поведением сегментов общества в ходе её проведения. Модернизация понимается как крайне сложный и противоречивый эндогенно-экзогенный процесс, т. е. происходящий под воздействием сложного сочетания внутренних и внешних факторов. Более подробно по вопросам теории модернизации см.: Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N. Y., 1966; Rostow W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1962; Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. // Экономическая история: обозрение. М., 2002. Вып. 8. С. 146–168. Проскуракова Н. А. Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании. // XIX век в истории России: современные концепции истории России и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 38–40; Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 6–21). Хорос В. Г. Восток-Запад-Россия: мировые цивилизации и современность. // Восток-Запад-Россия. Сб. статей к 70-летию Н. А. Симония. М., 2002. С. 36–66; Он же. Русская история в сравнительном освещении. Учебное пособие. М., 1996; Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 85–135.).

лизационной цельности в истории России (Н. А. Бердяев, А. Я. Флиер). В социокультурном и политико-правовом измерениях между разными этапами развития российского общества и государства скорее больше различий, чем сходств.

В период существования *Древнерусского раннефеодального государства (IX–XII вв.)* и в период *политической раздробленности* до монгольского нашествия русское общество развивалось примерно *по тому же пути, что и западноевропейское*, в некоторых аспектах даже превосходя его. Имеется в виду уровень культурного развития, уровень участия рядового населения в принятии политических решений и контроля за их исполнением («городская вечевая демократия», по образному выражению И. Я. Фроянова¹⁰⁴).

Монгольское нашествие стало переломным моментом в российской истории, серьезно *изменив вектор развития российского общества*. На развалинах Киевской Руси возникла фактически иная цивилизация, базировавшаяся на иных основаниях, многие из которых были заимствованы с Востока (отношения подданничества между правителем и населением, корпоративная структура общества, резкое снижение роли права в регулировании социальных отношений, увеличение деспотических тенденций в управлении государством, религиозная ортодоксальность и т. д.). Именно в XIII–XIV вв. наметилось *экономическое отставание от стран Запада* из-за ежегодной уплаты дани, с одной стороны, и *социокультурное отдаление* из-за изоляции и разрыва торговых связей – с другой. Эти процессы и предопределили особенности и противоречия дальнейшего исторического развития страны.

Россия не перестала быть европейской страной, но теперь в ней появились элементы восточного деспотизма. К тому же в социально-экономическом плане она значительно отстала от стран Запада.

С этого момента в развитии России преобладающим стал *внешний фактор* (вначале – достижение независимости от Золотой Орды и ликвидация ее остатков, затем – «догнать и перегнать Запад»). Фактически Россия превратилась в страну экзогенного, «догоняющего» развития, которое осуществлялось неравномерно и скачкообразно, ценой огромного напряжения людских и материальных ресурсов. Недостаточная развитость экономических факторов была компенсирована *резким повышением роли государства*, которое в XV–XVI вв. превратилось в главный системообразующий фактор во всех сферах общественной жизни. Одновременно возникла оригинальная внешнеполитическая тенденция – правящие круги, едва завершив длительный и мучительный процесс объединения, почти сразу перешли к *территориальной экспансии*, обосновывая ее необходимостью превентивной борьбы с внешними врагами. Ее идеологическим прикрытием стала концепция «Москва – Третий Рим», согласно которой православное Московское государство объявлялось правопреемницей не только Византийской, но и Римской империй. Тем самым уже в XVI в. обозначились *имперские тенденции* в российской внешней политике. Однако чересчур активная внешняя политика во время правления Ивана Грозного вместе с попыткой ввести самодержавное правление при помощи террора (Опричнина) привели к перенапряжению народных сил, тяжелейшему экономическому кризису, введению крепостного права и, как следствие, к Смутному времени, поставившему под вопрос само существование независимого российского государства. Сохранив суверенитет, Россия вышла из Смуты ослабленной и экономически, и политически, к тому же фактически изолированной от европейского сообщества. Пока шел длительный процесс восстановления, страны Запада ушли далеко вперед. Причем если раньше их развитие происходило в рамках феодального способа производства, то в XVII в. произошел переход на иную индустриально-капиталистическую стадию развития. Во 2-й половине XVII в. перед Россией возникла дилемма: либо дальнейшее медленное эво-

¹⁰⁴ Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Он же. Древняя Русь: опыт исследования социальной и политической борьбы. М., СПб. 1995.

люционный развитие на основе традиционной системы ценностей, что уже в ближайшем будущем могло привести к еще большему отставанию и превращению в полуколонию или даже колонию Запада, либо проведение радикальных преобразований на основе полного или частичного заимствования западного опыта и максимальной концентрации скудных ресурсов в руках государства с целью сокращения экономического отставания и достижения паритета в военной сфере.

При Петре I был избран второй вариант развития. Благодаря проведенным реформам был совершен гигантский рывок вперед, Россия за счет военных побед вошла в число «великих держав» Европы, приобрела официальный статус империи. Но какой ценой все эти успехи были достигнуты? Мы склонны согласиться с точкой зрения тех ученых, которые считают петровскую модернизацию *аномальной, некомплексной*, представлявшей собой выборочное заимствование в основном военных технологий и некоторых управленческих институтов. Модернизация Петра I почти не затронула социокультурную и политико-правовую сферы, привела к гипертрофированному усилению роли государства во всех сферах жизни, бюрократизации, сопровождалась уничтожением ростков гражданского общества, без наличия которого вряд ли возможно нормальное проведение этого процесса. Резко возрос уровень эксплуатации населения добуржуазными методами. Крепостничество, наоборот, не только сохранилось, но и усилилось. Предпринимательские элементы в экономике, которые только-только начали зарождаться, были грубо подавлены. С другой стороны, петровская модернизация, проводившаяся почти исключительно на феодально-крепостнической основе и феодальными методами, показала *эффективность* (пусть и временную) мобилизации и концентрации ресурсов в руках государства. В будущем петровская модернизация стала рассматриваться многими реформаторами как образцово-показательная.

В любом случае модернизация Петра I, пусть частичная и односторонняя, заложила мощный *фундамент* для дальнейшего развития страны. Однако преемники Петра I вплоть до Екатерины II оказались не способны в силу целого комплекса причин продолжить и завершить начатые Петром модернизационные процессы. Россия так и осталась на стадии *переходного периода*. Какое-то время государство могло развиваться на основе фундамента, заложенного реформами Петра, но до бесконечности это продолжаться не могло. К тому же западноевропейская цивилизация и в социально-экономическом, и в политическом плане сделала очередной рывок вперед. Дальнейшая эксплуатация наследия Петра I теряла всякий смысл. Чтобы сохранить имперский статус и не допустить чрезмерного отставания от Запада, необходимо было что-то предпринимать, как минимум, продолжить начатую Петром модернизацию, распространив ее на *социальную и политико-правовую сферы*, которые были ею почти не затронуты. Именно эти проблемы пришлось решать во 2-й пол. XVIII в. Екатерине II, Павлу I, а затем и Александру I, которые, на наш взгляд, в силу своих личных способностей, полученного образования и самообразования, широты политического кругозора, оказались *соответствующими своему высокому положению* (пусть иногда и полученному волею случая), способными осознать необходимость серьезных перемен, ответить на очередной вызов западноевропейской цивилизации. Продолжение модернизации – такова была насущнейшая потребность дальнейшего развития российского государства и общества.

Настоящая работа посвящена анализу попыток модернизации во 2-й пол. XVIII – 1-й четверти XIX вв. в *политико-правовой сфере*, затронутой реформами Петра в минимальной степени. Учитывая, что в Западной Европе главной тенденцией политического и правового развития стал постепенный переход от абсолютизма к *конституционным формам правления* (особенно ускорившийся во время и после Великой Французской революции), этот процесс *неминуемо должен был затронуть и Россию*. В центре внимания нашего исследования как раз и находится *процесс распространения конституционной доктрины в России и*

его результаты. С точки зрения автора, наиболее объективные и плодотворные результаты научного поиска могут быть достигнуты при рассмотрении темы исследования с позиций *теории модернизации.* При этом в центре нашего внимания оказывается несколько *блоков проблем.*

Первый из них, наиболее общий, касается *соотношения модернизации и традиционализма,* прежде всего, в *правовой и социокультурной сферах.* Учитывая крайне низкий уровень грамотности большинства населения и почти полное отсутствие их политической активности, степень восприятия новых ценностей и успех их применения на практике почти всецело зависели от *позиции дворянской элиты и самого императора как главы государства.* В этой связи нас будут интересовать следующие вопросы: почему конституционно-правовые идеи оказались востребованы в России; как происходил процесс трансляции и восприятия этих идей в разных слоях общества (дворянской элиты); было ли это заимствование в чистом виде или же западноевропейские конституционно-правовые ценности наложились на местную социокультурную и правовую традицию; насколько различалось понимание смысла этих идей у представителей разных слоев дворянской элиты того времени; какие цели преследовали субъекты этого процесса на разных его этапах.

Чтобы объективно и правильно ответить на эти вопросы, нужно иметь четкое представление о *смысловой сущности* самих понятий «конституция», «конституционализм», «конституционно-правовая доктрина», т. е. провести их научную верификацию. Это позволит отличить конституционные проекты от неконституционных. Учитывая, что и на Западе, и в России конституционные идеи возникли и развивались не сами по себе, изолированно, а в тесном взаимодействии с другими течениями общественной мысли (например, философией Просвещения и масонством), необходимо также четко определить место конституционализма в палитре политико-правовых и философских доктрин. Лишь в этом случае мы сможем ответить на вопрос, почему именно конституционно-правовая доктрина стала основой проведения модернизации в политико-правовой сфере.

Второй блок проблем связан с *модернизацией в политической сфере,* а конкретнее, с трансформацией государственно-политических институтов, самого государственного строя под влиянием внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных причин. Основными задачами являются *выявление «стартового» состояния* российской политической системы перед возобновлением модернизации при Екатерине II, анализ основных вариантов и направлений ее преобразования, причин постепенного усиления *конституционной составляющей политических реформ,* достигшей пика своего влияния в правление Александра I. В этой связи нельзя не затронуть и *вопрос о соотношении теории и практики,* т. е. насколько конституционно-правовая доктрина соответствовала российским реалиям, к каким результатам могла привести ее реализация в разных сферах жизни.

Третий блок проблем касается *социально-экономической стороны модернизации.* В Европе модернизация в этой сфере заключалась в постепенной (в случае проведения реформ «сверху») или ускоренной (в случае революции) ликвидации пережитков феодализма, переходе от натурального к товарному хозяйству, от аграрной экономики к индустриально-капиталистической.

Россия же во 2-й пол. XVIII в. находилась на стадии зрелого феодализма, предпосылки буржуазного развития были слаборазвиты. *Крепостное право* являлось фундаментом всего государственного организма. В этой связи политическая модернизация неизбежно должна была затронуть социально-экономическую сферу, т. е. *вопрос о дальнейшем существовании крепостного права.* Конституция и крепостничество – понятия несовместимые. Необходимость сочетать политическую модернизацию с социально-экономической при специфической социальной структуре российского общества *усложняло* и без того сложную ситуацию для реформаторов, делало ее почти тупиковой. Таким образом, вопрос о соотношении поли-

тических и социально-экономических преобразований будет одним из основных в нашем исследовании.

Помимо теории модернизации данная работа будет основана и на других концептуальных подходах. Одним из них является *проблемно-альтернативный подход* к изучению исторической реальности. Данный подход является следствием распространения в научном мире *синергетики*, ставшей одним из наиболее влиятельных направлений в философии и претендующей на роль новой общенаучной парадигмы. Синергетика отрицает однолинейность и строгую детерминированность развития любого явления. Процесс развития представляется как процесс самоорганизации материи, периодически проходящей состояние *бифуркации*, т. е. выбора из нескольких вариантов дальнейшего развития какого-либо одного направления (аттрактора) под влиянием различных факторов, включая и элемент случайности.

В проблемно-альтернативном подходе основной упор делается не на описании произошедшего события (нарративный подход), а на выяснении того, *почему* оно произошло, были ли иные варианты его развития и почему в итоге был избран именно этот. Подобный подход позволяет создать по-настоящему многостороннюю картину исторического процесса, приблизиться к максимальной эффективности в его освещении.

Для темы нашего исследования альтернативный подход особенно *актуален*, так как распространение в России 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. конституционных идей, создание на их основе конституционных проектов преобразования государственного строя были именно *альтернативным вариантом* дальнейшего развития страны, вполне реальном, хотя и не реализовавшемся в силу ряда причин.

Во-вторых, значительное место в нашем исследовании занимает *компаративный* (сравнительно-исторический) подход. Компаративистика позволяет устанавливать внешне схожие параметры социальных и политических систем, структур и функций в рамках исторического процесса (например, при сопоставлении юридических норм разных обществ), а также выявить общее и отличное в однотипных исторических явлениях, в данном случае, западноевропейского и российского конституционализма. Сравнение по определенным параметрам конституционных проектов в России с конституциями западноевропейских государств того же периода позволяет выявить *степень самостоятельности разработчиков российских конституционных проектов*, а следовательно, определить место российского конституционализма по отношению к европейским и иным аналогам.

В целом компаративный подход позволяет увидеть процесс исторического и государственно-правового развития в комплексе. Он способен быть инструментом интеграции знаний, позволяет видеть движение целого, влияние и взаимовлияние государственно-правовых систем.

В-третьих, одним из основных эпистемиологических принципов, применяемых в данной работе, является *междисциплинарный подход*. Учитывая специфику темы исследования (сравнительный анализ российских конституционных проектов и зарубежных конституций), востребованными оказались *понятия и методы историко-юридических наук* (история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история политических и правовых учений, теория государства и права). Прежде всего, это формально-юридический метод, использовавшийся при анализе структуры и содержания конституций и конституционных проектов, исходя из заранее разработанных критериев. На наш взгляд, сочетание методов исторической и юридической науки позволяет более точно конкретизировать и систематизировать данные из исследуемых источников, избежать голословности в утверждениях и выводах, приблизиться к большей объективности в реконструкции событий прошлого.

При этом была поставлена задача в максимальной степени следовать *принципу исторического объективизма*, понимаемого как отсутствие предвзятости и субъективизма, как

анализ источников в широком социально-политическом и мировоззренческом контексте изучаемой эпохи. Хотя нельзя не признать, что в исторических исследованиях, как и в других гуманитарных дисциплинах, большую роль продолжает играть субъективный фактор, т. е. мировоззренческие принципы, установки, ценностные ориентации, с позиций которых подходит к изучаемой проблеме исследователь. Тем более он уже знает, чем закончилось исследуемое событие, процесс, какая преобладающая оценка дается ему общественным мнением в данный момент. Исследователь живет в обществе и вряд ли может полностью абстрагироваться от господствующей системы ценностей и политической конъюнктуры (при этом он может занимать любую позицию). Тем самым субъективизм неизбежен, но, другое дело, он может быть сведен к минимуму. В качестве примера можно привести известного голландского философа Б. Спинозу с его «геометрическим методом», суть которого сводилась к тому, чтобы проблемы, связанные с человеком и обществом стараться рассматривать объективно и беспристрастно – так, как если бы это были геометрические проблемы, и по возможности исключить по-человечески понятное стремление принимать желаемое за действительное.

Поэтому в представленном ниже исследовании мы старались действовать по следующей схеме: постановка проблемы и конкретных задач исследования; отбор источников разных видов, которые прямо или косвенно относятся к теме исследования; их тщательный анализ с привлечением разных точек зрения из историографии по данному вопросу; Формулирование основных выводов по проблеме в целом и по конкретным задачам исследования в частности. При этом мы старались следовать следующему *принципу*: изучению источников и исторических фактов ни в коем случае не должна предшествовать уже сложившаяся концепция автора, иначе исследование сведется к подгонке фактов под заранее созданную теорию. А чтобы любой желающий мог проверить объективность и обоснованность выводов автора и его интерпретации анализируемых событий, в *Приложениях* к работе приведены тексты наиболее важных источников по теме исследования (конституции западноевропейских государств и российские конституционные проекты 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв.).

Что касается конкретных методов, то следует отметить, что в любом историческом исследовании может быть использован *комплекс методов*: *общенаучные* (к ним традиционно относят логические и эмпирические методы, историко-диалектический метод, метод моделирования и др.) и *частно-научные* (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и системный)¹⁰⁵.

При разработке настоящей темы исследования широко применялся *диалектический метод*, в основе которого лежит системный подход к анализу исторических явлений, рассмотренных не в статичном положении, а в динамике, взаимосвязи и взаимовлиянии с другими явлениями и процессами, а также были использованы практически все *специально-исторические методы*. Из них в наибольшей степени применялся *историко-генетический* метод, к примеру, при анализе развития конституционных идей в России от аристократического конституционализма второй половины XVIII в. к дворянско-просветительской конституционной мысли первой четверти XIX в. Естественно, что при выделении типов конституционализма по ряду существенных признаков (носители конституционных идей, характер выдвигаемых требований, их объективная направленность и т. д.), использовался и *историко-типологический метод*. Рассматривая неизбежность и закономерность появления конституционных идей в России во второй половине XVIII в., их источники, нельзя было пройти мимо сложных процессов, происходивших в это время в странах Западной Европы. В этом случае применялся *историко-сравнительный метод*. Он же активно применялся и при

¹⁰⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

проведении сравнительного анализа российских конституционных проектов 1-й четверти XIX в. с конституциями Франции 1790-х гг. и европейскими конституциями периода Реставрации.

Применение *системного метода* отразилось в рассмотрении изучаемых явлений не в отрыве друг от друга, а комплексно, а также в системе правового поля России и Западной Европы Нового времени. Например, один из главных источников нашего исследования «Жалованная Грамота российскому народу» 1801 г. был вначале подвергнут *структурному анализу* (содержательный анализ документа, анализ эволюции целей его авторов от первой редакции к последней, а также выявление взаимосвязи с предшествующими и последующими конституционными проектами, с одной стороны, и общей политической обстановкой в стране, с другой), а затем и *функциональному анализу* (рассмотрение проекта «Грамоты» в контексте общих тенденций развития конституционализма в России, исходя из особенностей политической ситуации в стране и в мире в это время, с учетом целей, скрытых и явных, которые преследовали политические группировки при Императорском Дворе в начале XIX в.).

Кроме того, на основе изученного материала была предпринята попытка *моделирования*, что произошло бы, будь приняты «Жалованная Грамота» 1801 г., проект М. М. Сперанского 1809 г., Уставная грамота 1818–1820 гг. и созван Парламент, то есть была создана своего рода *имитационно-альтернативная модель развития событий*.

Таким образом, применение системного подхода и моделирования позволило углубить понимание исторической действительности и увидеть некоторые её стороны в несколько другом ракурсе, нежели представлялось до этого.

В настоящем исследовании поставлены следующие *задачи*:

Определить *сущность конституционализма* как течения общественной мысли в общетеоретическом аспекте; выявить его соотношение с другими общественно-политическими течениями – идеологией Просвещения, либерализмом и масонством.

Выявить *причины кризиса традиционных абсолютных монархий* в Европе во 2-й половине XVIII века и основные варианты преодоления этого кризиса.

Проследить на примере конституций революционной Франции в 1790-е годы и конституций европейских государств эпохи Реставрации *основные тенденции развития западноевропейской конституционной мысли и их влияние на развитие российского конституционализма*.

Выявить *причины появления и основные тенденции развития конституционной мысли России* во 2-й пол. XVIII – начале XIX вв., а также проследить возможные варианты эволюции российского абсолютизма во 2-й пол. XVIII – 1-й четверти XIX вв. в сравнении с западноевропейским абсолютизмом.

На основе текстологического анализа российских конституционных проектов 1-й четверти XIX в. выявить *степень влияния на них западноевропейского конституционного опыта, а также степень обратного влияния*.

Проследить связь конституционных проектов 1-ой четверти XIX в. с *основными тенденциями внутриполитического курса Российской империи и её внешней политики в правление Александра I*.

Проанализировать *причины отказа от реализации конституционных проектов 1-й четверти XIX века*.

Глава I. Конституционализм как течение общественной мысли

§ 1 Возникновение конституционализма, основные этапы его развития, типология

Центральным понятием в данной работе является понятие конституционализма как общественно-политического течения. Этимологически понятие «конституционализм» происходит от понятия «конституция» (от лат. *constitutio* – «устройство») – основного закона государства, определяющего общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования представительных органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан.

Таким образом, в определении понятия «конституция» основной упор делается на определение компетенции и структуры законодательной ветви власти, наличие фундаментальных законов, прав и свобод граждан. Именно эта триада обязательно должна присутствовать в любой конституции. Основное внимание в большинстве конституций уделяется именно законодательной ветви власти, так как исполнительная и судебная ветви власти существовали всегда, начиная с образования первых государств. Законодательная же власть как отдельная и независимая от других ветвей власти – явление сравнительно новое во всемирной истории, восходящее к идеологии Просвещения XVIII в. Поэтому вполне понятен повышенный интерес разработчиков конституций (особенно первых) именно к этой ветви власти.

Поэтому *конституционализм* можно охарактеризовать как общественно-политическое течение, направленное на введение Конституции как высшего закона государства, основанного, прежде всего, на трех составляющих: создание законодательной ветви власти воплощенной в представительном органе (Парламент, Национальное Собрание и т. д.), отделенной от других ветвей власти и ограничивающей единовластие монарха (применительно к XVII–XVIII вв.); принятие фундаментальных законов, обязательных для всех, в том числе и для монарха, включая и избирательный закон; наконец определение неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей граждан.

Сторонники конституционализма прошли долгий путь борьбы, прежде чем сумели добиться введения Конституции. На первом этапе развернулась борьба за введение фундаментальных законов, которые бы исключили произвол монархической власти. При этом даже создание представительного органа власти с совещательными функциями, но хотя бы с правом утверждения бюджета, могло бы считаться большим успехом. В тесной связи с борьбой за созыв представительного органа власти всегда стояла и борьба за избирательный закон, по которому выборы были бы основаны на новом буржуазном принципе имущественного ценза, что явно шло вразрез с прежними феодальными принципами строгой сословности, присущими устаревшей социальной структуре общества.

Причем во всех странах Европы прослеживалась тенденция демократизации избирательного закона в направлении перехода от сословного принципа к принципу имущественного ценза, а в будущем к всеобщему избирательному праву. Так как практически во всех странах широкое развитие конституционализма наступило лишь с появлением, а затем усилением роли буржуазии в социально-экономической жизни феодального общества, то, следовательно, имеется достаточно оснований считать классический конституционализм бур-

жуазным посвоей направленности общественно-политическим и общественно-правовым движением¹⁰⁶.

Однако, в исторической ретроспективе в Англии, Франции и других странах, естественно в разные временные отрезки, наблюдается типичная историческая ситуация: достаточно широкие круги дворянской аристократии начинают бороться за ограничение власти монарха, принятие фундаментальных законов. Инициатива при этом исходит именно от этой части общества. Примеров можно привести множество, начиная от борьбы английских магнатов с Иоанном Безземельным за принятие Magna Charta в 1215 г. и заканчивая созывом Генеральных Штатов по инициативе французской аристократии накануне Великой Французской революции. Поэтому приходится признать, что поначалу в большинстве стран борьбу за введение Конституции ведет аристократия и дворянство, тогда как формирующееся третье сословие в силу своей политической зависимости и приниженного положения даже не пытается поначалу заявить о своих правах, а если и пытается, то его требования зачастую умереннее соответствующих требований дворянства и аристократии. Такое положение было характерно для Западной Европы вплоть до второй половины XVIII в... Особенно типичны в этом отношении Английская и Голландская буржуазные революции, где самым революционным классом, особенно в Англии, было дворянство, правда, так называемое «новое дворянство», втянувшееся в предпринимательские отношения. Именно оно стало, по сути, инициатором этих революций. При этом требования его по существу были буржуазными, поэтому и революции в Голландии и Англии привели к победе буржуазного пути развития¹⁰⁷.

Поэтому при определении типов конституционализма необходимо руководствоваться не только социальным составом участников в качестве критерия, но и, главное, *содержанием выдвигаемых требований*, их социальным характером. На основе этих критериев можно предложить следующую классификацию типов и основных этапов развития конституционализма¹⁰⁸.

Аристократический или олигархический конституционализм. Для него характерна борьба феодальной верхушки общества за введение олигархической конституции, создание ограничительного органа из высшей правительственной аристократии, доступ в который будет закрыт не только представителям третьего сословия, но и подавляющей части дворянства. Таков, например, Государственный Баронский Совет по английской Magna Charta Libertum. В целом аристократический конституционализм господствовал в Европе, начиная с XIII в. до середины XVIII в. и конституционализмом его можно назвать лишь условно, так как ни фундаментальных законов, ни предоставления избирательных прав гражданам он по сути не предусматривал, зато имелось некоторое подобие определения прав личности, но права эти находились в прямой зависимости от сословной принадлежности человека. Поэтому Magna Charta Libertum и является не конституционным документом, а лишь феодальной хартией, регламентирующей права сословий. Таким образом в аристократическом конституционализме соблюдается лишь один принцип конституционализма классического, да и то с известной долей допущения – определение прав личности в их сословном понимании.

Дворянско-просветительский конституционализм.

¹⁰⁶ См. например Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 11–44; 94–97; 173–179.

¹⁰⁷ Барг М. А. Английская революция в портретах её деятелей. М., 1991. С. 5–149.

¹⁰⁸ Предлагаемая типология конституционализма основана на обобщенном анализе научных работ, посвященных данной проблеме. См. к примеру: Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России начала XIX века. Саратов, 1982; Москаленко Н. В. Место либерализма в истории русской общественно-политической мысли начала XIX в. // Вопросы истории. Минск, 1984. Вып. II. С. 117–126; Попов Н. Дворянский либерализм в первой четверти XIX в. // Вопросы гражданской истории России. Л., 1935. Вып. I. С. 89–159; Из истории реформаторства в России: философско-исторические очерки. М., 1989; и другие.

В большинстве европейских стран он господствовал с середины XVIII в. до середины XIX в. От аристократического он отличается тем, что в идеологии сторонников этого движения присутствуют все три компонента классического конституционализма: фундаментальные законы, законодательная власть в лице Парламента и избирательный закон, основанный на имущественном цензе, права и обязанности всех граждан безотносительно к их сословной принадлежности. Преимущество отдается дворянству как более образованному и влиятельному сословию, хотя в целом их требования выражали буржуазные интересы и объективно способствовали буржуазному развитию тех стран, в которых они действовали. Характерным отличием этого типа конституционализма является то, что во всех конституционных проектах этого времени в ограничительный орган (Совет, Парламент) входят не только потомки правящей аристократии и бюрократическая элита, но и достаточно широкие круги дворянства, а затем и буржуазии на основе имущественного ценза, хотя привилегированное положение аристократии сохраняется (например, наследственная Палата Лордов в Англии или Палата Пэров во Франции по Конституционной Хартии 1814 года).

Буржуазно-демократический конституционализм вытекает из предыдущего этапа. Изменения касаются перехода преобладающей роли в этом движении от дворянства к буржуазии, а также демократизации избирательного закона и расширения прав и свобод личности. Хронологически этот этап начинается в середине XIX в. и существует в ряде стран мира и в настоящее время.

Разумеется, предложенная классификация не претендует на полную исчерпанность, она имеет целью лишь упростить систематизацию и анализ многочисленных конституционных проектов российской общественно-политической мысли второй половины XVIII – начала XIX веков, а также наметить магистральную линию развития конституционных идей в России XVIII–XIX вв.

Помимо предложенной классификации можно привести и другие типологии конституционализма. Наиболее оригинальными являются классификации известного российского политолога и историка А. Н. Медушевского и американского историка Марка Раева.

А. Н. Медушевский выделяет три основных типа конституционализма:

Первый тип, это классический конституционализм в английском варианте конституционной монархии, который представляет собой по существу завуалированную форму парламентской республики. Для него характерна «коалиция между всевластным Парламентом и безвластным монархом, что позволяет народному представительству осуществлять действенный контроль над правительством и всей административно-бюрократической системой»¹⁰⁹.

Второй тип характеризуется А. Н. Медушевским как **промежуточный** тип конституционной монархии, при котором Парламент и монарх имеют одинаковые prerogatives в области законодательной, а отчасти и исполнительной власти, осуществляя взаимный контроль и сдерживание. «Данный режим возникал в ряде государств Западной и центральной Европы как результат неустойчивого исторического компромисса двух начал после крупных революционных потрясений и имел тенденцию эволюционировать в направлении укрепления монархической власти»¹¹⁰.

Третий тип – это **монархический** или **мнимый конституционализм**. По мнению Медушевского в нем в полной мере реализовалась коалиция монарха и бюрократии против Парламента. Историческая же функция данного типа состояла в сохранении монархической системы в новых условиях путем формального изменения структуры власти и формы правления без изменения её фактической сущности. Характерной чертой мнимого конституци-

¹⁰⁹ Медушевский А. Н. Указанное сочинение. С. 172.

¹¹⁰ Медушевский А. Н. Указанное сочинение. С. 173.

онализма признается разрыв между конституционными гарантиями демократических прав и свобод и реальной практикой политического режима, а также тенденция к слиянию всех видов власти в одном центре, реальный приоритет исполнительной власти (в лице монарха или диктатора) над законодательной или судебной, которая используется в качестве прикрытия, принятие основных политических решений вне конституционно зафиксированной процедуры, подмена открытой политической дискуссии закулисной интригой и т. д. ... В целом мнимый конституционализм рассматривается как особая форма авторитаризма, при которой впервые был применен принцип правового обоснования антиправовых действий. По мнению Медушевского, именно этот тип конституционализма и развивался в России со второй половины XVIII в.¹¹¹

Сходную типологию предлагает и Марк Раев. Он выделяет два типа конституционализма: **классический, западный конституционализм**, свойственный странам Западной Европы с их парламентаризмом и буржуазно-демократическими свободами, в которых политические изменения происходили органично, основываясь на соответствующем развитии экономических отношений; и **бюрократический, восточный конституционализм**, свойственный странам с догоняющим развитием, при котором реформы проводятся «сверху» монархом с опорой на бюрократический аппарат, а не на общественные силы. Этот тип конституционализма, считает он, присущ странам Центральной и Восточной Европы (Пруссия, Австрия, Россия), отстававшим от передовых стран и вынужденным ориентироваться на их исторический опыт. При этом во главу угла ставились имперские амбиции, стремление не потерять статус «великих держав». Поэтому конституционные реформы носили не органичный, а вынужденный, часто формальный характер, затрагивая только внешний фасад государства.¹¹²

По сути, восточный бюрократический конституционализм М. Раева соответствует мнимому конституционализму в концепции А. Н. Медушевского.

Однако на наш взгляд, обе эти концепции страдают чрезмерной обобщенностью и являются типологиями более политологическими, нежели историческими. Они позволяют дать сравнительную характеристику развития конституционализма в разных странах, но практически не применимы для анализа отдельных этапов развития конституционализма внутри одной страны, имеющей свои исторические особенности. Поэтому анализируя развитие российского конституционализма XVIII–XIX вв., предпочтительнее пользоваться первой из предложенных типологий, в которой выделяются аристократический, дворянско-просветительский и буржуазно-демократический типы конституционализма. При этом следует отметить, что конституционализм едва ли можно считать каким-то реликтом прошлого. Это движение далеко не исчерпало себя, а лишь вступило в новую фазу, перейдя от борьбы за чисто внешнее, формально-атрибутивное введение Конституции к борьбе за соблюдение и реальное гарантированное исполнение конституционных норм. Цель этого современного этапа конституционализма можно определить как построение истинно-конституционного, правового государства, в котором конституционные нормы будут по-настоящему соблюдаться, будет действовать система гарантий, препятствующая нарушению этих норм, где, наконец, будет осуществлена фактически, а не формально идея о верховенстве власти законов над властью отдельных людей, где политические решения будут приниматься только путем конституционно зафиксированной процедуры, а не путем ее обхода или фальсификаций в рамках какого-либо узкого неформального центра власти, о чем мечтало не одно поколение конституционалистов – теоретиков и практиков, начиная с Томаса Джефферсона.¹¹³

¹¹¹ Медушевский А. Н. Указанное сочинение. С. 173, 202–206.

¹¹² Raef M. Plans for political reform in Imperial Russia. 1732–1905. New Jersey, 1966. P. 23–104.

¹¹³ Согрин В. В. Томас Джефферсон. Политический портрет. М., 1989. С. 273–277.

§ 2. Конституционализм и идеология Просвещения

Рассматривая развитие конституционных идей в России, нельзя пройти мимо такого феномена, как *идеология Просвещения*, все более настойчиво становившаяся ведущей идеологией середины – второй половины XVIII в. в Европе. Соотношение конституционализма и философии Просвещения является непосредственным предметом рассмотрения при анализе идей русского конституционализма.

Появление Просвещения как идейного течения глубоко закономерно и вытекает из всего предшествовавшего развития общественной мысли, причем источники этого идейного течения многообразны.

Прежде всего, это *теория «государства общего блага»*, восходящая к трудам знаменитых правоведов XVII–XVIII вв. *Гуго Гроция* и *Самуэля Пufендорфа*. Согласно этой теории благо всех подданных может быть достигнуто только в том случае, если все сословия и каждый подданный в отдельности будут служить государству, а само государство будет управляться хорошо продуманными законами.

Затем – это наследие культуры Возрождения с ее антиклерикализмом, гуманизмом, культом человека и верой в силу его разума.

Наконец, это знаменитая теория «естественных прав личности», разработанная английскими философами, мыслителями и публицистами XVII в. *Томасом Гоббсом (1588–1679 г.г.)* и *Джоном Локком (1632–1704 г.г.)*. Им же принадлежит концепция общественного договора и, частично, идея разделения властей¹¹⁴.

Именно принципы «естественного права», признававшего равенство и свободу всех людей от рождения и, следовательно, их одинаковые права, лежали в основе идеологии Просвещения. Современное же им общество просветители считали противным разуму и несправедливым. Существует же оно только потому, что непросвещенный народ не понимает всей его несправедливости и неразумности. Следовательно, требуется просвещение народа, как первое условие реформирования неразумного общества.

Такова была основа Просвещения. Но в конкретных мерах реализации своих проектов, в политической ориентации единства не было. В целом можно выделить четыре политические концепции Просвещения:

Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер) (1694–1779) и его последователи предполагали, что все необходимые преобразования на разумных началах осуществит «просвещенный монарх», «философ на троне». Фундаментальные законы, реформы судопроизводства, финансов, секуляризация церкви, создание светских школ, отмена крепостного состояния – таким виделся Вольтеру идеал «истинной монархии». А так как этот идеал не предполагал существенного ограничения власти монарха, то идеи Вольтера были наиболее популярны среди европейских королевских Дворов.¹¹⁵

Шарль Луи Монтескье барон де ла Бред де Секонда (1689–1755) – его политическим идеалом была ограниченная конституционная монархия английского образца. Именно он в работе «О духе законов» (1748), независимо от Вольтера, разработал концепцию «истинной монархии» и трех форм государственного правления: деспотии, монархии и республики. Республика, по Монтескье, теоретически имеет преимущество, но возможна только в маленьких по территории государствах. Для большинства европейских стран больше подходит монархия, но она лишь тогда будет «истинной», когда будет основана на фундаментальных законах, которые будут преградой произволу властей, а также принципе разделе-

¹¹⁴ Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1965; Локк Д. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. I–II.

¹¹⁵ Вольтер Ф.-М. Бог и люди: статьи, памфлеты, письма. М., 1962.

ния властей на независимые и контролирующие друг друга инстанции: законодательную, исполнительную и судебную. Монтескье считал эти черты присущими идеализированной им английской монархии и предлагал перенести их во Францию.¹¹⁶

«Эгалитаристы» (*Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), Анж Гудар (1720—1791) и др.*) являлись сторонниками республики, основанной на политическом равноправии, «естественных правах» и свободах личности, «народном суверенитете и праве народа на сопротивление тирании» (работа Руссо «Об общественном договоре, или принципы Политического права», 1762). Но помимо реформ политического устройства, «эгалитаристы» шли дальше и предлагали ряд социальных реформ: парцеллярное равное распределение земельных богатств, ограничение права частной собственности и т. д. При этом для «эгалитаристов» характерно отрицательное отношение к частной собственности как к источнику социальных конфликтов (Ж.-Ж. Руссо «О политической экономии», «Рассуждение о происхождении и основах неравенства среди людей», 1754; А. Гудар «Политическое завещание Луи Мандрена»)¹¹⁷

Радикальное направление просветительства – Жан Мелье (1664—1729), Э.-Г. Морелли, Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785). Все они делали акцент на социальном преобразовании общества, в котором не будет ни частной собственности, ни классов, ни сословий. Подлинной демократией они считали общество, основанное на началах общественной собственности и обобществленного труда, организованное «согласно законам природы». При этом политический строй не имел особого значения.¹¹⁸

Первые три направления включают в себя так или иначе конституционные идеи. Наиболее ярко они выражены у Монтескье, чья «истинная монархия» была несомненно именно конституционной. Вольтер, хотя и был приверженцем «просвещенного абсолютизма», тоже имел в своей концепции ряд конституционных идей (фундаментальные законы, права и свободы личности). Руссо же хотя нигде и не говорит напрямую о Конституции, но его республиканский идеал несомненно содержит в себе конституционную основу. Недаром во время Французской революции нашли свое воплощение именно идеи Монтескье и Руссо.

Таким образом, конституционные идеи очень тесно связаны с идеологией Просвещения и являются одной из главных её составляющих.

Вместе с тем следовало бы отметить удивительный феномен идей Просвещения. Пожалуй, ни одно идеологическое течение за всю историю человечества не имело такого громадного авторитета, не пользовалось столь огромным влиянием, не было столь широко распространено, как Просвещение. Причем не только среди простых подданных, но и среди коронованных особ почти всех государств Старого, а затем и Нового Света. Мир стал свидетелем настоящей «реформаторской горячки», поразившей царствующие дома Европы в 60–80-е гг. XVIII в. В литературе эти десятилетия известны как годы «союза монархов и философов».

В итальянских государствах *Пьемонте, Парме и Ломбардии* с 1760-х годов были упразднены или ограничены налоговые привилегии дворянства и духовенства, введено государственное начальное образование. В *Неаполе* запрещено дальнейшее расширение церковного землевладения, упразднена инквизиция. В 1773 г. Папа Римский был вынужден запретить Орден Иезуитов. В *Тоскане* герцог *Петр Леопольд* в 1760–80-х гг. согласно идеям знаменитого просветителя Ч. Беккариа издал уголовный кодекс с отменой пыток, смертной казни, расширил местное самоуправление, отменил средневековую систему налогообложения крестьян и впервые в Европе опубликовал государственный бюджет страны.

¹¹⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

¹¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

¹¹⁸ Подробнее об их взглядах см.: Мабли Т. Избранные произведения. М.-Л., 1950; Мелье Ж. Завещание. Л., 1954. Ч. I; Морелли Э.-Г. Кодекс природы или истинный дух её законов. М.-Л., 1947 (Первое издание вышло в свет в 1755 г.).

В Испании реформаторская деятельность в духе «просвещенного абсолютизма» была связана с именами *министров короля Карла III (1759–1788) Педро Родригеса Кампаноса, графа Аранды и графа Хосе Флоридобланки*, которые отменили внутренние таможенные барьеры и монопольные права Месты, ограничили церковное землевладение, конфисковали владения ордена иезуитов, отменили средневековый запрет дворянству заниматься торгово-промышленной деятельностью, наконец, провели реформу колониального управления, позволившую сохранить американские колонии ещё на полстолетия.

Сходные реформы были проведены в *Португалии* маркизом *Помбалой* – первым министром при короле *Жозе I (1750–1777)* и в *Швеции* королем *Густавом III (1772–1792)*, прославившемся еще и в качестве покровителя науки и искусств.¹¹⁹

Активизация политической жизни коснулась и *Англии*. Пришедшие к власти в 1783 г. «молодые тори» *Уильяма Питта – младшего* проводили достаточно либеральный политический курс. Была предоставлена парламентская и судебная автономия Ирландии и даже внесен на рассмотрение Парламента билль об избирательной реформе, который, правда, так и не был принят.

В *США* события приняли и вовсе революционный оборот. В результате Войны за независимость бывшие британские колонии объединились в государство с республиканской формой правления. Декларация о Независимости 1776 г. и Конституция 1787 г., основанная на принципе разделения властей, наряду с английской парламентской системой, стала объектом подражания для всех реформаторов континентальной Европы.

По сходному сценарию разворачивались события в *Польше*. 3 мая 1791 года после длительной политической борьбы победили сторонники реформ, была принята Конституция, отменившая принцип *liberum veto* и установившая конституционную монархию. Однако в развитие событий вмешались внешние силы, началась интервенция Пруссии, Австрии и России, закончившаяся разделами страны в 1793 и 1795 гг.

Наиболее же глубокие реформы, правда, с разным результатом, были проведены в Дании, Пруссии и Австрии. В этих странах монархи, проводя реформы в духе Просвещения, нередко действовали вопреки мнению своей главной социальной опоры – дворянства.

В *Дании* реформы были связаны с именем *И. Струэнзе (1770–72)* – личного врача и по совместительству первого министра при короле. В ходе реформ была введена полная свобода печати, независимость суда, свобода торговли, началась постепенная отмена крепостного права. В результате государственного переворота Струэнзе был арестован и затем казнен, но его политика вызвала удивление и восхищение всей Европы и стала примером для подражания.

В *Пруссии* политика «просвещенного абсолютизма» была связана с именем *Фридриха II (1740–1786)*. Помимо военной реформы, этот монарх реорганизовал финансы и судопроизводство, запретив процессы ведьм и пытки, подтвердил свободу вероисповедания, ввел обязательное начальное образование. Пытался он решить и крестьянский вопрос, отменив крепостное право в Померании и предоставив крестьянам право наследственного владения земельными участками. Однако реформа эта не была доведена до конца, а крепостное право по всей стране было отменено лишь в 1807–1811 гг. Тем не менее подводя итоги деятельности Фридриха II, следует сказать, что из всех попыток проведения реформ в Европе того времени эта была наиболее успешной.¹²⁰

По-иному сложилась судьба реформаторских начинаний у современника Фридриха *австрийского императора Иосифа II (1780–90)*. Его принято считать идеальным «просвещенным монархом». В административных реформах Иосиф II пошел на прямой конфликт с

¹¹⁹ Андерсон И. История Швеции. М., 1951.

¹²⁰ Эшштейн А. Д. История Германии от средневековья до революции 1848 г. М., 1961. С. 264–301.

дворянством и духовенством в целях укрепления государства. Он лишил дворянство налоговых привилегий, изъял из его ведения осуществление исполнительной власти на местах, была проведена частичная секуляризация церковных земель, издан Толерантный патент о свободе вероисповедания. В 1781–1785 гг. было отменено крепостное право в наследственных землях Габсбургов. Недовольное дворянство выступило против политики Иосифа II. Путем интриг был искусственно раздут конфликт в Венгрии и Чехии, плелся заговор и в самой Вене, Иосифу II реально угрожал дворцовый переворот.¹²¹ Хотя перед смертью он по настоянию наследников отменил практически все свои реформы за исключением Толерантного патента и отмены крепостного права в коронных землях, деятельность Иосифа II оказала огромное влияние на дальнейшее развитие империи и, возможно, предотвратила не менее мощную революцию, чем во Франции, учитывая чрезвычайную остроту национальных и социальных противоречий в Австрийской империи.

Реформы не затронули практически только *германские княжества и Францию*. Правила последней оказались на редкость недалекими. В 1774–1776 гг. известный экономист-физиократ *Р. Тюрго* был назначен суперинтендантом финансов и попытался провести ряд реформ. Была отменена регламентация хлебной торговли, упразднены цеховые корпорации, крестьяне освобождены от дорожной повинности, которая была заменена денежным налогом, падавшим на все сословия. Кроме того, Тюрго разработал проект отмены за выкуп ряда феодальных повинностей. Но, вскоре, Тюрго попал в немилость и был отправлен в отставку, а все его реформы были отменены. В 1787 г. вторая попытка реформ была предпринята новым суперинтендантом финансов *Ж. Неккером*. Однако почти все его проекты остались нереализованными. Единственное, что удалось ему сделать, это отменить наконец-то дорожную барщину, заменив её денежным налогом, и отменить средневековый обычай пыток при допросах. Этими мерами реформы и ограничились. Бурбоны упорно не желали прислушиваться к мнению и советам идеологов Просвещения. Поэтому не удивительно, что именно во Франции разразилась мощная буржуазная революция, насильственным путем ликвидировавшая остатки Средневековья.

На основе приведенного выше обзора не может не возникнуть вопрос, в чем же причина столь высокой популярности и огромного влияния идей Просвещения? Ответ видится в следующем.

Во-первых, идеологи Просвещения обращались к разуму монархов и очень чутко уловили главную их слабость – боязнь потерять власть. Линия их рассуждений проходила примерно следующим образом: «если не хотите потерять власть завтра, – обращались они к монархам, – то проводите реформы сегодня, даже если они противоречат сиюминутным интересам высших классов. В будущем это воздастся Вам сторицей, избавит подвластную Вам страну от грядущих потрясений из-за неразумного государственного устройства, а мудрость Вашу будут прославлять потомки».

Большинство монархов попадали под влияние, как им казалось неопровержимых идей, строго логичных построений просветителей.

Именно в этом, скорее всего, кроется причина увлечения монархов просветительскими идеями во второй половине XVIII века, несмотря на, казалось бы, почти полное отсутствие объективных причин во многих странах, где феодализм еще был достаточно жизнеспособен, и секрет того, что часто монархи, напуганные угрозой предсказанной в будущем кровавой революции, действовали зачастую даже вопреки сиюминутным интересам своей главной социальной опоры – дворянства, как, например, Иосиф II в Австрии или Павел I в России.

¹²¹ Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II: её сторонники и враги (1780–90 гг.). СПб, 1907.

Ну и, *во-вторых*, предлагаемый просветителями набор реформ (в основном в духе вольтерьянской концепции «философа на троне») не посягал на саму монархию, её политическое господство и даже, что тоже немаловажный факт, укреплял её.

Таким образом, идеология «Просвещения» является источником конституционализма в его классической форме. Просвещение явилось своеобразным *философским обоснованием* конституционных идей. Философия Просвещения имела ярко выраженную политико-правовую, практическую направленность. Она рациональным, логическим путем обосновывала необходимость изменения изживавшего себя феодального строя и его замены новыми государственными формами, основанными на разумных (рационалистических) принципах.

§ 3. Конституционализм и либерализм

Следующим ключевым понятием является *либерализм*. Сам термин «*либерализм*» для обозначения особого течения общественной мысли впервые был употреблен в 1810 году в Испании – стране, которая не была ни оплотом, ни даже сколько-нибудь влиятельной выразительницей либеральной идеологии. В тех же странах, которые по праву считаются главными носителями либеральной традиции, в первую очередь в Великобритании и США, это понятие стало употребляться значительно позже. Однако, либерализм как особый тип идеологии зародился намного раньше, а свою завершенную форму приобрел, так же, как и конституционализм, в конце XVIII – первой половине XIX вв. Идейные истоки либерализма, прообразы его классических концепций, восходят к античности. К этому времени принадлежат такие вполне четко выработанные понятия, как право, правовая личность, субъективные права личности, также некоторые учреждения, в рамках которых граждане участвовали в управлении государством и особенно в законодательной деятельности. Но все же о зарождении либерализма в подлинном смысле можно говорить только относительно завершающего этапа эпохи средневековья. По единодушному мнению исследователей подлинным отцом – основателем либерализма признается буржуазный класс независимых, самостоятельных и, по большей части имевших определенное состояние обитателей западноевропейских городов, выступивших против феодально-монархического строя. При этом либеральная идеология рассматривается как идейное оформление и обоснование развивающихся в недрах старого феодального строя капиталистических отношений. Так американский исследователь Х. Ласки рассматривает либерализм как широкий общеевропейский феномен, возникший при переходе от средневековых феодальных порядков к Новому времени, отмеченному развитием капитализма.¹²²

Каковы же были основные принципы либерализма к моменту его оформления в общественно-политическое движение? В научной литературе до сих пор не существует единой точки зрения касательно перечня основополагающих принципов либерализма. По сути, у каждого исследователя теоретических проблем либерализма имеется свое мнение по данному вопросу.

Так известный исследователь российского либерализма В. В. Леонтович, автор книги «История либерализма в России. 1762–1914 гг.», считает главным принципом либерализма – *индивидуализм*. Он подчеркивает, что «именно человек, отдельная личность в либерализме стоит на первом месте, а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека и способствуют осуществлению цели отдельных субъектов».¹²³ Второй главнейший принцип – *это принцип невмешательства государства* в существующие жизненные взаимоотношения людей и какое-либо нарушение привычных жизненных форм. Поэтому согласно либеральному мировоззрению, считает В. В. Леонтович, исторические долиберальные государственные формы нельзя разрушать революционным переворотом, их нужно только преобразовывать. Из этого автор делает два главных вывода: во-первых, следует четко отличать либерализм от радикализма и настоящим либерализмом считать лишь либерализм консервативный; во-вторых, само существование либерализма как идеологии и политической практики зависит от того, насколько он будет придерживаться эволюционных методов

¹²² Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 87–88; Согрин В. В. Либерализм Запада XVII–XX вв. М., 1995. С. 85.

¹²³ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914 гг. М., 1995. С. 3.

преобразования уже существующих структур¹²⁴. Тем самым Леонтович формулирует третий основной принцип либерального мировоззрения: **принципиальный отказ от насильственных методов при проведении преобразований**.

Сходной точки зрения придерживаются и современные исследователи теории и практики либерализма С. Секиринский и Т. Филиппова. В монографии «Родословная российской свободы» они связывают появление либеральной идеологии с началом процесса гражданского раскрепощения общества. По сути, они формулируют четвертый принцип либерализма – **стремление к максимальному самоуправлению гражданского общества** на всех уровнях, при этом самоуправляющееся гражданское общество противопоставляется бюрократическим тенденциям в механизме государственной власти. Также авторы понимают либерализм не как определенное политическое движение, а как особый тип цивилизации, противостоящий традиционной, как особый тип мышления; русские либералы в этой связи рассматриваются как носители нового индустриального типа сознания¹²⁵. Одновременно значительное внимание уделяется экономическим проблемам либерализма. Сущность их заключается во всемерном отстаивании права частной собственности как необходимого условия экономического роста и политической свободы, принципов невмешательства (или крайне ограниченного вмешательства в случае необходимости) государства в экономику, фритредерства и частного предпринимательства. Самостоятельность, опора на собственные силы, индивидуализм и **свободная конкуренция** стала основой экономической концепции либерализма. С полным основанием её можно считать пятым основным принципом либеральной идеологии.

Что касается зарубежной историографии, то по поводу теоретических основ либерализма до сих пор идут нескончаемые споры. В целом здесь можно выделить два основных направления: современный постклассический либерализм и так называемый «коммунитарный» либерализм. Сторонники *постклассического либерализма* Джон Роулз, Рональд Дворкин, Исайя Бёрлин добавляют к уже известным принципам либерализма ещё два: **принцип справедливости** и **принцип нейтральности**. Основное содержание принципа справедливости, разработанного Д. Роулзом состоит в обосновании того, что люди в исходной позиции выберут принцип равных свобод и принцип, состоящий из двух частей: принципа дифференциации и принципа равных возможностей. Согласно принципу равных свобод, «каждый человек имеет право на максимально широкую систему равных основных свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех»¹²⁶. По-Роулзу, каждый человек выбирает общество, обеспечивающее максимальную индивидуальную свободу, поскольку такая свобода служит основным источником его социальных надежд. Вторая часть принципа справедливости Роулза формулируется так: «Социальные и экономические неравенства должны быть сглажены таким образом, чтобы они вели к наибольшей выгоде наименее преуспевающих» (принцип дифференциации) и «чтобы связанные с ними должности и посты в обществе были открыты для всех при условии честного соблюдения равенства возможностей» (принцип равных возможностей)¹²⁷. Таким образом, по-Роулзу, человек в исходной позиции должен выбрать общество, в котором наименее преуспевающие окажутся в положении наилучшем из возможных. Указанные принципы образуют строгую систему приоритетов: первый принцип имеет приоритет над вторым, а принцип дифференциации имеет приоритет над принципом равных возможностей.

¹²⁴ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914 гг. М., 1995. С. 3–5.

¹²⁵ Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 243–251.

¹²⁶ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass, Harvard Univ. Press, 1971. P. 302.

¹²⁷ Роулз Дж. Идеи блага и приоритет права. // Современный либерализм. М., 1998. С. 76–108; а так же см. предисловие Л. Б. Макеевой к этой же книге. С. 7–18.

При этом, принцип справедливости не опирается ни на какое определенное истолкование блага, не предполагает никакого конкретного представления о достойном образе жизни и ценностях. Принцип справедливости задает структуру основных прав и свобод, в рамках которой отдельные индивиды – каждый со своими целями, интересами и убеждениями – получают возможность следовать и воплощать в жизнь свои представления о благе. Отсюда следует, что задача государства состоит в том, чтобы поддерживать эту справедливую социальную структуру и *не навязывать своим гражданам определенный образ жизни и определенную систему ценностей*. Это означает, к примеру, что государство должно гарантировать свободу слова на том основании, что она позволяет людям формулировать свои собственные взгляды и выбирать свои собственные цели, а не в силу того, что подобный образ жизни предпочтительнее безразличия к общественным делам или что свобода слова увеличивает общее благополучие. Государство должно выступать нейтральным арбитром между индивидами, имеющими различные и часто конфликтующие представления о благе, не отдавая предпочтения ни одному из них. Этот принцип *нейтральности* государства является наиболее важной частью концепции Д. Роулза и его сторонников¹²⁸.

Подобный подход подвергся резкой критике сторонниками *«коммунитарного»* или *социального либерализма* Майклом Сэнделом, Чарльзом Тэйлором и другими. Они считают, что в теории Д. Роулза и его последователей личность понимается как то, что дано «до и отдельно» от каких бы то ни было ценностей, целей, социальных связей и отношений, как некий «чистый субъект», лишенный всех определяющих его качеств. В результате игнорируется включенность человека в разнообразные общественные отношения и его «нагруженности» разными социальными ролями. Концепция личности Д. Роулза неизбежно оборачивается и социальным индивидуализмом, для которого общество является не более чем результатом договоренности между индивидами, цели которых определены заранее, при этом игнорируется тот факт, что социальные связи имеют самостоятельную ценность, помимо их важности как средства достижения других, чисто индивидуальных целей¹²⁹.

Таким образом, сторонники «коммунитарного» либерализма в целом признают наличие в классическом либерализме принципов индивидуализма и нейтральности государства, однако, резко критикуют их как ошибочные и не соответствующие реальной ситуации в обществе.

Итак, на основе приведенных точек зрения попытаемся выделить основные черты либерализма как общественно-политического течения. На наш взгляд, они следующие:

Ярко выраженный индивидуализм, провозглашение автономии личности, ее самооценности;

Главная цель либерализма, исходя из первого принципа – это достижение полной свободы личности – как политической, так экономической и духовной;

Принцип нейтральности или невмешательства государства в существующие взаимоотношения людей;

В экономическом отношении отстаивание принципов свободы экономической деятельности, неприкосновенности частной собственности, свободной конкуренции, невмешательства государства в экономику;

Принцип правового государства и максимального самоуправления гражданского общества, которое противопоставляется государству;

Принципиальный отказ от революционного способа преобразований, вывод в связи с этим о возможности перемен в общественном строе только мирным путем – путем реформ «сверху».

¹²⁸ Роулз Дж. Указ. соч. С. 79–80.

¹²⁹ Макеева Л. Б. Указ. соч. С. 14.; Sandel M. Liberalism and the limits of Justice. Cambridge, 1982. P. 1–12.

Итак, мы видим, что «либерализм» – *понятие более широкое, чем «конституционализм»*, оно включает в себя не только конституционно-правовые идеи и принципы, но и экономический аспект – требование свободы предпринимательства и т. д. При этом следует отметить, что если конституционализм может быть аристократическим, дворянским, буржуазным, исходя из состава участников и их конечных целей, то либерализм – это чисто буржуазное течение общественной мысли по своим целям и задачам именно благодаря своему экономическому аспекту. *Конституционализм же – это политико-правовая часть либеральной идеологии*, причем аристократический конституционализм к либерализму не относится.

Глава II. Масонство и конституционализм

§ 1. Происхождение, содержание и основные этапы развития масонства

Одной из самых интересных и до сих пор малоизученных проблем истории конституционализма является его соотношение с масонством. Существует ли вообще связь между этими течениями общественной мысли? И если существует, то в какой степени? На эти и ряд других вопросов мы попробуем ответить в этой главе.

В настоящее время существует огромный массив литературы по истории масонства – как мирового, так и российского. Однако большинство из них посвящено изучению вопросов, связанных с истоками и происхождением масонства, этапами его становления и развития, особенностями различных масонских систем. Вопрос о *соотношении масонства с конституционным движением* оказывается как бы вне поля зрения большинства ученых-исследователей истории масонства. Тем самым изучение этой проблемы вдвойне представляет познавательный и научный интерес.

Из всего многообразия литературы по истории масонства в данной работе были использованы прежде всего работы дореволюционных авторов *Г. Шустера* «Тайные общества, союзы и ордена», *А. Н. Пыпина* «Русское масонство в XVIII – 1-й половине XIX вв.», *Г. В. Вернадского* «Русское масонство в царствование Екатерины II», *С. П. Мельгунова* и *Н. П. Сидорова* «Масонство в прошлом и настоящем»¹³⁰ и особенно работы замечательной исследовательницы российского масонства *Т. О. Соколовской*, выполненные на высоком научном уровне и не утратившие поэтому своей актуальности в наше время¹³¹. Следует отметить также и труды современных исследователей, прежде всего *Т. А. Бакуниной*, *В. С. Брачева* и *Д. Э. Харитоновича*, в которых дается обстоятельный анализ основных этапов развития российского масонства.¹³²

Рассмотрение проблемы соотношения конституционализма и масонства следует, на наш взгляд, начать с краткого анализа *происхождения, содержания и основных этапов развития масонства*. Родиной его является Англия, но история происхождения масонства окутана легендами. Так как масонский Орден изначально являлся тайным обществом, документальные сведения о нем крайне скудны и отрывочны. Причем настолько, что даже сам факт создания масонского ордена и первоначальные события, связанные с его существованием, исследователи установили не без труда.

В настоящее время с достаточной точностью установлено, что у масонства как особого идеологического течения общественной мысли было несколько *источников*. *Во-первых*, по своей структуре масонские организации восходят к *строительным организациям средневековья*, функционировавшим по цеховому принципу. Сами масоны видели в каменщиках (по англ. masons) единственную в своем роде категорию рабочих, выделявшуюся в

¹³⁰ Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордера. Т. 1–2. СПб., 1905–1907; Пыпин А. Н. Русское масонство в XVIII – 1-й половине XIX вв. Пг., 1916; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.

¹³¹ Соколовская Т. О. Материалы по истории русского масонства (сборник). М., 2000; её же О масонстве в прежнем русском флоте. СПб., 1907; её же В масонских ложах (1817–1822). Пг., 1914; её же Новые данные для истории русского масонства по рукописям Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь, 1912; её же Устав вольных каменщиков (XVIII–XIX вв.): из материалов для истории русского масонства. СПб., 1907; её же Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). М., 2000.

¹³² Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М., 1991; Брачев В. С. Масоны и власть в России. М., 2003; Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001.

«мрачные» средние века своей культурностью, связью с цивилизованными странами арабского Востока, знанием истории античного мира. Среди масонов XVIII в. была широко распространена гипотеза о могущественном союзе строителей, разъезжавших по всей Европе со специальными полномочиями, полученными от папы, и воздвигавших дворцы и соборы по принципам тайной архитектурной науки, привезенной основателями братства с Востока во время Крестовых походов (XII–XIII вв.). Предками современных масонов объявлялись средневековые каменщики, с автономным братством которых в Страсбурге связывали возникновение готического стиля в архитектуре. В XIV веке это братство проникло в Шотландию и Англию и там, усилиями живших в Англии немецких и местных философов, преобразовалось в XVII веке во всемирный социально-филантропический союз.¹³³

Современные исследователи в целом не отрицают такую гипотезу, добавляя лишь дополнительные штрихи к ней. Так, например, современный отечественный исследователь истории масонства *Д. Э. Харитонович* считает, что возникновение организаций каменщиков в широком масштабе приходится на время после Ключинской церковной реформы (с конца X века), которая способствовала повышению религиозности населения и привела к расширенному церковному строительству. На этой волне в Западной Европе возникают артели строителей (вначале монахов, потом мирян), которые странствовали от монастыря к монастырю, от города к городу, занимаясь возведением храмов. Жили они в построенных на месте строительства домах-ложах (англ. lodge, фр. loge – домик, избушка). В XIV веке появляются первые уставы артелей каменщиков. А после перехода к оседлости (с XV в.) название «ложа» переносится на саму артель.¹³⁴

В XV в. благодаря особой значимости профессии, каменщики (или «оперативные» масоны в отличие от идейных масонов) получают ряд привилегий: освобождаются от ряда налогов, обязанности нести службу ночной стражи и т. д. Отсюда и появляется название *франкмасон*, т. е. свободный каменщик (от фр. frank mason, англ. free mason). Хотя существует и другое объяснение такого термина. Согласно ему, строители высших категорий назывались freestone's masons (т. е. каменотесами свободных камней), т. к. занимались обработкой мягких каменных пород типа мрамора и известняка (free stones), использовавшихся для тонких барельефных работ.¹³⁵ При этом отмечаются следующие особенности масонских (строительных) лож. В отличие от обычных цехов, в них не было единственного полноправного руководителя – мастера. Вместо него существовало несколько мастеров разного ранга: надзиратели (англ. wardens) следили за непосредственным ходом строительных работ, мастера-магистры осуществляли общее руководство по строительным специальностям (сами руками не работали), наконец, подмастерья и ученики, которые занимались непосредственно строительством. Впоследствии это нашло отражение в структуре и количестве рангов-степеней в масонстве. *Вторая особенность* заключалась в том, что испытание подмастерья на звание мастера происходило не путем создания изделия, повторявшего общепринятый образец (шедевр), а *в форме вопросов и ответов*, к тому же тайно, чтобы посторонние не вывели секреты ремесла. Отсюда и особый ритуал в форме вопросов и ответов при принятии в идейное масонство, и особая таинственная, секретная обстановка.

Кроме того, так как каменщики больше других профессий были связаны с церковью, то это наложило отпечаток и на знания и на мировоззрение: это и ремесленные приемы, и богословские принципы, и даже основы мистической философии и символизм.¹³⁶

¹³³ История масонства. Смоленск, 2001. С. 7.

¹³⁴ Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 12–15.

¹³⁵ История масонства. Смоленск, 2003. С. 6.

¹³⁶ Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 15–16.

Во-вторых, к источникам масонства следует отнести *деятельность алхимиков и ученых-утопистов XVI–XVII вв.* с их проектами всемирных союзов и планами преобразования человечества. И если старые организации каменщиков были номинальными предками масонства, то истинными духовными предтечами были именно эти представители европейской интеллигенции. Прежде всего, к ним следует отнести *учение розенкрейцеров*.¹³⁷

Известия о Розенкрейцерах произвели настоящий фурор в Европе. Виднейшие ученые пытались отыскать следы таинственного Ордена и попасть в его ряды. Сейчас сложно установить, была ли это сплошная мистификация или подобная организация и в самом деле существовала. Но факт остается фактом: тенденции, пронизывающие розенкрейцеровство реально существовали и были в то время в европейском обществе очень сильны и, прежде всего, это вера в преобразовательную силу знания и стремление служить человечеству посредством науки. Этим стремлением были проникнуты все утопические романы XVI–XVII вв., начиная с «Утопии» Томаса Мора и заканчивая «Новой Атлантидой» Фрэнсиса Бэкона. Одним из наиболее ярких примеров подобных воззрений является учение сподвижника И. В. Андреа известного чешского педагога и философа *Яна Амоса Коменского* (Комениуса) (1592–1670 гг.), переехавшего в 1641 г. В Англию. Им был разработан проект создания идеального общества будущего, основанного на «здании Мудрости, на принципах Верховного Строителя (Бога) и открытом для всех, рожденных людьми».¹³⁸

Таким образом, *источниками масонства в организационном плане являлись строительные братства, в идеологическом – проекты европейских мыслителей о всемирном тайном ученом обществе, цель которого – совершенствование человечества на основе универсальных межконфессиональных ценностей*. Идея подобного тайного сообщества, которое должно преодолеть раскол и объединить лучшие силы человечества ради достижения всеобщего блага, буквально витала в воздухе и в начале XVIII века в Англии нашла свое практическое воплощение. Именно в этом, на наш взгляд, причины феноменальной популярности масонства среди высокоинтеллектуальных слоев европейского общества и его чрезвычайно быстрого распространения в XVIII веке почти во всех странах Европы.

Однако самих масонов подобные «приземленные» причины возникновения их учения, видимо довольно быстро перестали удовлетворять и уже в первой половине XVIII в. появляются многочисленные *легенды*, которые «удревляют» историю масонства.

Во-первых, это так называемые «строительные легенды». По *первому варианту* возникновения масонства восходит к временам царя Соломона, который поручил архитектору *Хираму* (по другой версии сборщику податей *Адонираму*) построить в Иерусалиме храм бога Яхве. Мудрый Хирам (или Адонирам) разделил рабочих на три разряда во главе с мастерами, а также ввел особые знаки и символы, чтобы они могли узнавать друг друга. Отсюда будто бы и ведет свое происхождение традиция устанавливать степени масонства, а также особый символический язык членов масонских лож.¹³⁹

¹³⁷ Первые известия о нем датируются началом XVII в., когда в Германии появилось анонимное сочинение под довольно странным названием «Химическая женитьба Христиана Розенкрейца», а затем еще два трактата, посвященные тому же Розенкрейцу: «Всеобъемлющая и всемирная реформа человечества» и «Сущность реформации». Как выяснилось впоследствии, автором всех трех произведений являлся скорее всего лютеранский богослов и проповедник Иоганн Валентин Андреа. В этих трактатах рассказывалось об Ордене (Братстве) Розового креста (или Розы и Креста), будто бы основанного еще в XIV веке немецким дворянином Христианом Розенкрейцем. Он много путешествовал по миру, побывал на Востоке, где изучил тайны персидских и египетских магов и, возвратившись в Европу, передал их своим ученикам, создав вместе с ними тайное общество, которое существует под покровом глубокой секретности до сих пор. Его особо посвященные участники живут в разных странах, обладают огромной мудростью, общаются между собой при помощи особых знаков и символов, свободно перемещаются в пространстве, обладают телепатией и т. д. Главная цель Ордена Розенкрейцеров – бескорыстное служение человечеству (бесплатное лечение больных, просвещение и т. д.). // История масонства. Смоленск, 2001. С. 8–10.

¹³⁸ История масонства. Смоленск, 2001. С. 18.

¹³⁹ По другому варианту легенды, масонство восходит к временам правления вавилонского царя Нимрода – организа-

Во-вторых, это рыцарские легенды. Они также сохранились в двух вариантах. Согласно *первому варианту* масонский орден возник в Палестине во времена Крестовых походов. Создателями его были *рыцари-иоанниты* (Орден св. Иоанна Иерусалимского или Мальтийский Орден); отсюда, мол, и название первых трех степеней масонства – иоанновские. Мальтийские рыцари перенесли масонство в Германию, Италию и Францию, а оттуда в Шотландию. Первым эту легенду пустил в оборот английский авантюрист *Майкл Эндрю Рэмси* в 1737–38 гг., по совместительству являвшийся воспитателем «молодого претендента» Карла Эдуарда – внука Якова II, изгнанного из Англии в ходе Славной революции в 1688 г. Рэмси, видимо, хотел показать, что масоны близки к католицизму и не являются врагами папского престола (папа Климент VII в 1738 г. официально предал масонов анафеме). Однако католический Мальтийский Орден буквально сразу отмел все домыслы об их связи с масонами.

Поэтому гораздо более популярным и «живучим» оказался *второй вариант рыцарской легенды* – о связи масонов с *Орденом Тамплиеров (Храмовников)*, благо этого ордена в XVIII в. официально не существовало и ни подтвердить, ни опровергнуть факта связи тамплиеров с масонами никто не мог. Легенда утверждала, что последний магистр Ордена Жак де Молэ, находясь во французской тюрьме, перед смертью учредил 4 тайных капитула (ложи) тамплиеров: Неаполитанскую для Востока, Эдинбургскую для Запада, Стокгольмскую для Севера и Парижскую для Юга. Тайный преемник де Молэ Пьер д'Оман скрылся в Шотландии, где объединился с местными масонами. Тем самым мудрость каменщиков соединилась с тайными знаниями тамплиеров.¹⁴⁰

Данная легенда оказалась очень популярной и способствовала созданию так называемых рыцарских высших степеней во французском, немецком и шведском масонстве.

Учитывая, что в этих странах масонами были в основном дворяне, становится понятной популярность тамплиерской легенды. Таинственность, рыцарственность, возвышенный романтизм как нельзя лучше соответствовали мировоззрению дворянства и аристократии.

Ответить на вопрос, были ли на самом деле масоны как-то связаны с тамплиерами, на данный момент не представляется возможным. Источники по этой проблеме крайне скудны и поэтому современные исследователи склоняются к мысли, что ни подтвердить, ни опровергнуть факт связи масонов с тамплиерами невозможно. Однако, в любом случае, необходимо учитывать, что в большинстве европейских стран масонство и в XVIII, и в XIX в. развивалось под большим влиянием тамплиерской легенды.

Теперь, выяснив основные источники масонства, перейдем к его реальной истории и попытаемся *реконструировать основные этапы* его развития в странах Европы с момента возникновения и до 1-ой четверти XIX века. Заодно мы попытаемся найти ответ на вопрос, связано ли масонство с конституционным движением этого периода.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что Орден свободных каменщиков, являясь потомком старого масонского братства, возник в *Англии* не ранее второго десятилетия XVIII в. *Почему именно в Англии и почему именно в это время?* Ответ на первый вопрос, на наш взгляд, очевиден. Англия в начале XVIII века просто – напрасно дальше всех других европейских стран продвинулась по пути экономической и политической модернизации. В экономике активно развивались буржуазные отношения, а в политической сфере,

тора строительства Вавилонской башни, его знания в свою очередь восходят к тайным доктринам египетских и халдейских жрецов. Нимрод передал эти тайные познания о семи свободных искусствах праотцу Аврааму, тот в свою очередь – Евклиду и Моисею. Во время строительства храма Соломона вся мудрость была записана на двух колонах храма, прочесть и расшифровать эти надписи никто не мог кроме Пифагора и Гермеса Трисмегиста. Много позднее св. Альбан перенес эти тайные знания в Англию, где перед смертью написал первый устав вольных каменщиков. Его обнародовал и поддержал король Ательстан, а затем его сын Эдвин, создавший в Йорке первую масонскую ложу. // *Харитонович Д. Э. Указ соч. С. 22–23.*

¹⁴⁰ *Харитонович Д. Э. Указ соч. С. 58–60.*

в общих чертах, сформировалась конституционная монархия: постоянно действовал Парламент, существовали, пусть и в усеченном виде, основные права и свободы личности (достаточно вспомнить Habeas corpus act 1679 г.); умеренная веротерпимость. Д. Э. Харитонович прямо считает появление масонства в Англии следствием итогов Славной революции 1688 г.¹⁴¹ Так что вполне закономерно, что масонство, идея которого, что называется, уже давно витала в воздухе, оформилась именно в Англии как самой передовой стране Европы того времени.

*Ответ на второй вопрос, почему масонство оформилось именно во 2-м десятилетии XVIII в., можно найти в «Новой книге масонских конституций» Дж. Андерсона (1738 г.). Джеймс Андерсон – один из руководителей английских масонов и составитель сборника масонских уставов и ритуалов – так описывает обстоятельства основания «Великой Лондонской ложи»: «После торжественного въезда в Лондон короля Георга I и усмирения в 1716 г. восстания якобитов, сторонников династии Стюартов, четыре лондонские ложи решили сплотиться вокруг одного Великого Мастера (Гроссмейстера) как центра единения и гармонии... Было решено каждые 3 месяца устраивать собрания Великой ложи, т. е. всех должностных лиц каждой ложи во главе с великим мастером и великими надзирателями, а один раз в год – общее Собрание всех четырех лож». 24 июня 1717 г. в день святого Иоанна Крестителя были проведены выборы высших должностных лиц Великой лондонской ложи.*¹⁴²

Таким образом, оформление масонства в 1717 г. выглядит как прямое следствие *стремления английского общества к умиротворению и согласию* после десятилетий смут и ожесточенной политической борьбы. С другой стороны, за эти самые десятилетия наиболее образованная часть населения Англии привыкла к активной общественной жизни, по отзывам современников, «в людях возникла страсть к кружкам и клубам, которые создавали иллюзию серьезного дела.¹⁴³ И первоначально Великая Лондонская ложа напоминала такой общественный кружок «по интересам», пусть и осененный возвышенными целями. Таковых в одном Лондоне было несколько десятков. Тем удивительнее быстрый рост популярности английского масонства, в ряды которого буквально хлынули представители высших слоев общества. Попробуем разобраться в причинах этого феномена.

На первое место, по нашему мнению, следует поставить *привлекательность целей и основных положений* новой идеологии. Что же они собой представляли? Общий ответ мы найдем, обратившись к первоисточнику. В 1721 г. уже упоминавшимся пресвитерианским пастором и доктором богословия *Джеймсом Андерсоном* был подготовлен Устав Масонской организации – так называемая «*Книга конституций*», т. е. сборник основных установлений масонства. В 1723 г. она была издана как официальное руководство для братьев лондонских лож, живущих в Лондоне и его окрестностях; впоследствии не раз переиздавалась. Состояла она из трех частей: «*Обязанностей франкмасона*» (Charges of free-mason), «*Истории масонства*» и «*Масонского регламента*». В первом параграфе «*Обязанностей франкмасона*» определялись основные цели масонства: «Масон подчиняется законам морали и не может стать ни бессмысленным атеистом, ни лишенным нравственности нечестивцем. В старые времена масоны поневоле придерживались в каждой стране ее местной религии, какова бы она ни была, но в наше время человек свободно выбирает себе веру, и лишь одна

¹⁴¹ Харитонович Д. Э. Указ соч. С. 44. Существует, однако, и иное мнение, согласно которому появление масонских лож в Англии восходит к 1650–60-м гг., когда Карл II активно боролся за возвращение на английский престол. См., например, Пытин А. Н. Указ. соч. С. 35; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XX вв. Саратов, 1982. С. 46–47.

¹⁴² История масонства. С. 22; Минаева Н. В. Никита Иванович Панин. Исторический портрет // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 73 (По мнению автора, первая «Книга Конституций» Андерсона 1723 г. вобрала в себя «лекции» и «уставы» немецких «вольных каменщиков» 1459 г. В то собрание вошли и другие документы XV и XVI вв., воплощавшие нравственные идеалы европейского масонства.).

¹⁴³ История масонства. С. 22–23.

религия действительно обязательна для всех – это та *всеобщая, объединяющая всех людей, религия*, которая состоит в обязанности каждого из нас быть добрым, верным долгу, быть человеком чести и совести, каким бы именем не называлось наше вероисповедание и какие бы религиозные догматы не отличали нас от других людей. Верность этим началам *превращает масонство в объединяющий центр, поможет ему связать узами искренней дружбы людей, доселе бывших друг другу чужими*». ¹⁴⁴

Таким образом, идеологи английского масонства выступали *противниками религиозных и национальных распрей*, ставили цель объединения всех прогрессивно мыслящих людей на началах *общехристианских ценностей, принципов добра, истины, взаимопомощи и справедливости, максимальной терпимости друг к другу*. ¹⁴⁵

Те же принципы *умеренности, терпимости и лояльности* проводятся и относительно *политической позиции масонства*: «Масон является мирным подданным гражданской власти, где бы не приходилось ему жить и работать. Он не должен быть замешан ни в каких замыслах против мира и блага народа... и никогда не должен переступить обязанностей относительно высших властей». Если же кто – либо из членов ложи окажется в числе «мятежников против государства, он не может рассчитывать в своей политической деятельности на поддержку со стороны братьев, которые могут лишь пожалеть его как человека, постигнутого несчастьем». Но если он не совершил других преступлений (имеются в виду уголовные), то «хотя в силу своей преданности государству и для избежания неприятностей со стороны правительства братство обязано заявить о своей несолидарности с ним», но тем не менее такой заблудший собрат «*не может быть исключен из ложи, т. к. связь его с ней нерасторжима*». ¹⁴⁶

Вышеприведенный *принцип максимальной терпимости* по отношению к политическим взглядам представляет значительный интерес. На наш взгляд, он определил всю дальнейшую историю развития масонства, стал его краеугольным камнем, способствуя притоку людей с самыми разными политическими воззрениями. Этот принцип позволял уживаться и сосуществовать под крышей масонства и монархистам, и республиканцам, и консерваторам, и либералам, и даже в будущем, социалистам; он способствовал приучению людей разных взглядов к *взаимной терпимости и поиску компромиссов*, не доводя разногласия до открытого вооруженного столкновения.

В то же время масонская доктрина определяла *нежелательность* противодействия исторически сложившейся политической системе. Так видный масонский деятель Филалет писал: «... наша политика есть лучшая из политик – *лояльность перед законом и подражание Христу*, который не разрушал никакого правительства и признавал за Кесарем законную власть...». ¹⁴⁷

В одном из масонских трактатов говорилось, что никакие общественные отношения (пусть и самые идеальные) не могут даровать всемирного благополучия людям, которым неведомо чувство любви и сострадания к ближнему. Поэтому масоны полагали достичь рая на земле (Царства Астреи, по их терминологии) путем *нравственного, умственного и физического* совершенствования каждой отдельной личности. Как каменщики заботятся о том, чтобы привести в совершенство каждый отдельный камень, обтесать его, обработать и затем уже приступить к кладке здания, так и вольные каменщики должны обращать первооче-

¹⁴⁴ Цитировано по: История масонства. Смоленск. 2003. С. 25.

¹⁴⁵ В том же § 1 «Книги Конституций» говорится: «никакая частная ненависть или препирательства не должны вноситься в дверь ложи, а ещё того менее препирательства о религии или о народах... Как масоны, мы исповедуем только упоминавшуюся всеобщую религию и принадлежим ко всяким народам, наречиям и языкам, объявляя себя врагом всякой политической распри». // Цитировано по: Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 45–46.

¹⁴⁶ История масонства. С. 28–29.

¹⁴⁷ История масонства. С. 24.

редное внимание на перевоспитание в духе истин масонского учения каждого отдельного брата.¹⁴⁸

Итак, если суммировать *первоначальные гуманитарно-философские цели и положения масонства*, то они выглядят примерно следующим образом:

- претензии на объединение всех прогрессивно настроенных людей (а в перспективе не только элиты, но и большинства человечества) на основе *высоких моральных и общечеловеческих ценностей* (добра, братской любви, справедливости, взаимопомощи и т. д.);
- стремление к *личному самосовершенствованию*, подражание главному идеалу – Иисусу Христу;
- национальная и религиозная терпимость;
- законопослушность, лояльность государственной власти;
- взаимопомощь и благотворительность.

Итак, *первая причина* быстрого распространения масонства в Англии и за ее пределами – привлекательность масонской идеологии, которая соответствовала обстановке в стране и отвечала умонастроениям интеллектуальной элиты английского общества. *Вторая причина*, на наш взгляд, заключалась в таинственности и определенной романтичности масонской организации. Секретность собраний, особый ритуал, заимствованный у старого «оперативного» масонства, тайные знаки и пароли, отдельные для мастеров, подмастерьев и учеников, особые масонские одеяния и символы (циркуль, наугольник, молоток) – все это не могло не вызвать элементарного любопытства со стороны широких слоев общества, и особенно английского дворянства, которое в большинстве своем еще не забыло рыцарские ценности и принципы иерархичности. К тому же идея межнационального объединения человечества в определенной степени перекликалась с идеей господства Британской империи на возможно большей территории земного шара, т. е. в принципе некоторые положения масонской доктрины могли с выгодой использоваться английскими правящими кругами. Поэтому вряд ли стоит удивляться вступлению в ряды масонства многочисленных представителей высшей аристократии в 1720-х – 30-х гг. Ну и, наконец, в 1730-х гг. масонство стало попросту модным явлением общественной жизни со всеми вытекающими последствиями (и не в последнюю очередь, благодаря вступлению в масонство представителей аристократии). В 1721 г. гроссмейстером Великой ложи становится герцог Монтегю, затем герцог Уортон, граф Долькес и т. д. После 1723 г. и в составе «великих надзирателей» не осталось лиц ниже звания сквайра (сельский дворянин).¹⁴⁹

Успехи новой идеологии были очевидны. В 1729 г. в состав Великой лондонской ложи входило уже 54 ложи (вместо 4 первоначальных), из них 12 находились в провинции. Одновременно стали основываться заграничные ложи.¹⁵⁰

При этом не все новые ложи признали авторитет Великой лондонской ложи. Часть из них сохраняла полную независимость, а некоторые образовывали новые центры – новые Великие ложи, чаще всего по национальному признаку. В 1725 г. возникла Великая ложа Ирландии, а в 1736 г. – Великая ложа Шотландии в Эдинбурге. Еще в 1726 г. возникла вторая Великая ложа в самой Англии – на эту роль претендовала *Йоркская ложа*, правда безуспешно.

¹⁴⁸ История масонства. С. 315.

¹⁴⁹ История масонства. С. 24.

¹⁵⁰ В 1728 г. появилась английская ложа в Мадриде, в 1729 г. – в Гибралтаре, в 1732 – в Париже, затем – в Гамбурге, Лиссабоне, Лозанне и других городах. Появились английские ложи и вне Европы – в азиатских и особенно, в американских колониях – в Филадельфии (1730), на Ямайке (1742), в Канаде (1760) и Индии (1762). В 1749 г. общее число примыкавших к Великой лондонской ложе заграничных лож достигло уже тринадцати, причем в них входили не только англичане, но и местные жители. // История масонства. С. 30.

Стоит отметить, что стремление руководства Великой лондонской ложи привлечь в свои ряды возможно большее количество влиятельных аристократов вызвало довольно противоречивые последствия. *Во-первых*, пришедшие в масонство аристократы очень скоро стали высказывать недовольство чрезмерной простотой масонской организации (всего 3 степени, к тому же почти неотделенные друг от друга – в частности по первоначальным уставам мастеров избирали рядовые масоны). В результате уже к 1740 г. высшая степень мастера была полностью отделена от остальных масонов, посвящение в звание мастера сделалось привилегией лишь нескольких так называемых «мастерских лож», усложнился ритуал. Мало того, олигархические тенденции ярко проявились в том, что была создана еще одна «высшая» степень «*Мастера Королевской Арки*» (Master of Royal Arch), куда доступ простым неродовитым масонам был фактически закрыт. Все эти нововведения полностью противоречили первоначальной демократичности масонской организации.

В результате в 1750 г. в английском масонстве произошел *раскол*. В Лондоне образовался новый масонский центр – *Великая Английская ложа Старинных Уставов* (according to ancient institutions). Ее сторонники, число которых быстро росло, получили название «*старых масонов*». Они выступали за возврат к первоначальной «простой» (а по сути демократической) организации масонства, отрицали высшие степени, но в то же время требовали уменьшить «радикализм» Книги Конституций в религиозном вопросе (требование исповедовать только англиканскую веру). Кроме того, «старые масоны» выступали за полную «*аполитичность*», чтобы масонские ложи не использовались в качестве прикрытия в политической борьбе различных группировок.¹⁵¹

Постепенно социальный состав обеих Великих английских лож становился все более однородным, и там и там в руководстве стал преобладать великосветский элемент. В 1797 г. начались переговоры об объединении, которые, однако, завершились только в 1813 г., когда гроссмейстерами обеих Великих лож стали два брата короля, герцоги Кентский и Суссекский. Формально вроде бы победили старые масоны, т. к. новая Великая ложа именовалась *Великой соединенной ложей старых масонов Англии* (United grand Lodge of Ancient Freemasons of England), но фактически прежнее противостояние завершилось принятием *компромиссного решения*. В структуре масонской организации признавались обязательными лишь три степени – ученика, подмастерья, мастера, но при этом «высокий Орден священной Королевской Арки» признавался как возможный, но не обязательный институт. Не отрицались и рыцарские степени, но только как добавочные, необязательные. Пункт же о религии и Боге в новом издании Книги Конституций был сформулирован в духе «новых масонов»: «та или иная религия и способ поклонения божеству не может быть поводом к исключению кого бы то ни было из общества франкмасонов, лишь бы он веровал в славного Архитектора Вселенной и практиковал священные обязанности морали».¹⁵²

Подводя итоги развития английского масонства в XVIII – 1-й четверти XIX в., следует отметить, что несмотря на все попытки отказаться от участия в политической жизни и сосредоточиться на нравственном самосовершенствовании и филантропии, осуществить это английским масонам не удалось. Возвышенные идеалы внутренней организации масонских лож также оказались нарушенными. Проникновение великосветского аристократического элемента привело к развитию тенденции превращения масонских лож в олигархические организации, хотя в силу ряда причин до конца этот процесс не дошел. Кроме того, заявляя о высоких нравственных принципах, масонское руководство очень часто им не следовало. Многие ложи оказались в плену интриг, мелочных склок и борьбы честолюбий. Но

¹⁵¹ Требования эти, видимо, соответствовали чаяниям большинства масонов, т. к. влияние Великой ложи Старинных уставов постоянно росло: в 1754 г. она уже имела в своем ведении 28 лож, в 1760–83, а в 1800 г. – 167 (примерно 2/3 всех английских лож). // История масонства. С. 36–38.

¹⁵² История масонства. С. 39–40.

с другой стороны, активно занимаясь благотворительностью и взаимопомощью, масонские ложи приобрели значительную популярность в английском общественном мнении, что обеспечило постоянный приток новообращенных масонов.

Примерно то же самое происходило и за рубежом. Первоначально ложи там создавались местными англичанами, но затем они постепенно приобретали ярко выраженные *национальные особенности*. Яркими примерами служит становление и развитие масонства в США, Франции и Германии, где на него очень сильно воздействовала специфика местной политической обстановки. В Америке и Франции масонство с самого начала оказалось очень *политизированным*.

§ 2. Особенности развития масонства в США, Франции и Германии

В *США* масонство первоначально развивалось под полным влиянием метрополии – Англии. Первая ложа возникла примерно в 1730 г. в Филадельфии, а затем довольно быстро ложи были основаны и в других городах. *Характерной чертой* американского масонства XVIII в. было *отсутствие единого центра*. В каждой из 13 колоний действовали свои Великие ложи, при этом они не были самостоятельными и рассматривались только как филиалы Великой лондонской ложи.

После раскола английского масонства в 1750–51 гг. в американских колониях ложи также разделились на «старые» и «новые». Причем перевес постепенно переходил к ложам «старого устава», которые отличались *большой демократичностью и доступностью*; тогда как ложи «новых» ограничивали свой состав почти исключительно представителями высшего света. Ложи же «старых» масонов охотно принимали в свой состав простых офицеров, купцов и даже ремесленников и фермеров. Вообще *большой демократизм состава и упрощенность ритуала* стали еще одной характерной особенностью американских лож.

Одновременно с английскими в колониях действовали и филиалы шотландских и ирландских Великих лож. В одну из шотландских лож в 1752 г. вступил будущий первый президент США *Джордж Вашингтон*, в то время майор королевской армии.¹⁵³

Перед началом Войны за независимость начался процесс оформления местных Великих лож, независимых от Англии. К 1775 г. их насчитывалось восемь (две в Массачусетсе, по одной в Пенсильвании, Нью-Йорке, Вирджинии, Джорджии, Северной и Южной Каролине), причем почти все они были *политизированы и оппозиционно настроены* к колониальному правительству, особенно масоны «старых уставов». Это еще одна особенность американского масонства.

Во время Американской революции большинство масонов действовало очень активно в борьбе за независимость. Масонами были почти все известные политики того времени – Бенджамин Франклин (с 1731 г.), Джордж Вашингтон (с 1752), Томас Джефферсон, Джеймс Отис, Самуэль Адамо, Джозеф Уоррен, Джон Маршал, Александр Гамильтон и др. То же касается и народных представителей, подписавшихся под Декларацией Независимости.¹⁵⁴ Видимо, следует согласиться с мнением исследователей, считающих, что масонские ложи в североамериканских колониях стали *своеобразным координирующим центром* в борьбе за независимость, а многие принципы масонской идеологии (свобода, братство, политическое равенство, достижение народного счастья и общего блага в реальной земной жизни и т. д.) нашли отражение в Декларации Независимости и Конституции США 1787 г.¹⁵⁵

На примере образования США, на наш взгляд, хорошо просматривается тесное взаимодействие масонства и конституционализма, их взаимное проникновение под воздействием уникальной политической обстановки.

Масонские ложи, взявшие на себя роль своеобразной организационной оболочки, координирующей действия патриотических прогрессивных сил, не утратили своего влияния и после обретения независимости, позволяя сглаживать острые углы политических конфликтов, не допуская их перерастания в открытую вооруженную борьбу. Правда, не всегда это удавалось – достаточно вспомнить Гражданскую войну 1861–65 гг. Тем не менее, масонские ложи сыграли, да и, наверное, до сих пор играют своеобразную цементирующую роль

¹⁵³ История масонства. С. 133.

¹⁵⁴ История масонства. С. 134.

¹⁵⁵ См. например: *Согрин В. В.* Томас Джефферсон человек, мыслитель, политик. М., 1989.

в политическом развитии США. Но выявление этих тенденций требует отдельного исследования и не входит в круг задач нашей работы.

Во **Франции** развитие масонства также было связано с политикой, но пошло несколько по иному пути, чем в США, что было связано и с иным политическим режимом, и с иной социальной структурой общества. Во Франции 1-й половины XVIII в. безраздельно господствовало дворянство, а в политической сфере – абсолютистский режим с явным полицейским уклоном. Достаточно сказать, что собрания частных лиц считались подозрительными и не допускались. Даже главная социальная опора режима – дворянство – не имела права в количестве больше 20 собираться без специального разрешения короля. И хотя после смерти Людовика XIV во время регентства Филиппа Орлеанского режим несколько смягчился, все равно ощущалось недовольство своим положением среди всех слоев населения. Поэтому общественный и политический строй Англии того времени казался почти идеальным как французской аристократии и дворянству, стремившимся восстановить бывшее положение и участвовать в принятии политических решений, так и укреплявшейся буржуазии, жаждавшей сравняться с высшими классами.¹⁵⁶ Тем самым английское масонство попадало на благодатную почву и постепенно стало своеобразным *центром притяжения* для всех недовольных существующим положением вещей.

Характерной особенностью французского масонства было то, что с самого начала руководящее положение в нем заняла *аристократия*, привыкшая к пышным ритуалам и церемониям. Поэтому довольно простое 3-х степенное английское масонство почти сразу перестало их устраивать. Этим и объясняется огромный успех во Франции так называемого «*шотландского масонства*», которое на самом деле к Шотландии имело самое отдаленное отношение. Его изобретателем считается *Майкл Эндрю Рэмси* – человек темной биографии, близкий к якобитам (сторонникам династии Стюартов, свергнутой в 1688 г.), одно время бывший воспитателем «младшего претендента» Карла Эдуарда Стюарта, но в то же время имевший свободный пропуск в Англию. Судя по всему, это был типичный авантюрист и двойной агент, работавший одновременно и на Ганноверскую династию и на якобитов (Стюартов), обосновавшихся в 1730–40-е гг. в Париже. В 1737 г., видимо, стремясь обосновать предполагавшееся вторжение Карла Эдуарда в Шотландию (и в самом деле состоявшееся в 1745 г.) и заодно использовать местных масонов, не подчинявшихся Великой лондонской ложе, он выступил с заявлением о том, что масоны являются наследниками крестоносцев. Предшественниками масонов он объявил вначале рыцарей Мальтийского Ордена, а после их протеста – тамплиеров. Преемник казненного магистра ордена Жака де Молэ якобы тайно скрылся в Шотландии, примкнул для безопасности к организации каменщиков и передал им тайные знания тамплиеров и старый символический ритуал.¹⁵⁷ Соратник Рэмси барон Генрих Чуди, бывший одно время, кстати, секретарем И. И. Шувалова,¹⁵⁸ создал на основе этих высказываний довольно стройную систему, получившей название *Клермонской* – то ли в честь Клермонского иезуитского колледжа в предместье Парижа Сен-Жермен, бывшего центром якобитов, то ли в честь Луи де Бурбона, графа Клермонского, избранного 16 парижскими ложами в 1743 г. пожизненным Великим мастером. Одновременно была окончательно оформлена «Великая Английская ложа Франции», вскоре ставшая совершенно независимой от английского масонства.

В 1755 г. было официально признано особое положение «шотландских мастеров», их право «наблюдать и наставлять» в обычных иоанновских ложах (первые три степени). В результате Клермонская система стала состоять из двух видов степеней – «символиче-

¹⁵⁶ История масонства. С. 28–29.

¹⁵⁷ История масонства. С. 34–35, 48–49.

¹⁵⁸ История масонства. С. 49.

ских» (или «иоанновских», которых, как и в Англии, было три, и которые должны были заниматься нравственным самосовершенствованием братьев – масонов и благотворительностью) и «умозрительных» (или шотландских), которых было четыре и которые должны были заниматься поиском высших сокровенных знаний об окружающем мире и Боге.¹⁵⁹ Официальное признание высших степеней, являвшихся якобы носителями тайных мистических знаний, как нельзя лучше соответствовало стремлению французской аристократии к демонстрации своей сословной исключительности и особой роли в масонстве.

Появилось и еще одно *отличие* от английского масонства. По уставу 1755 г. необходимым условием вступления в масонскую ложу стало *исповедание римско-католической веры*. Тем самым французское масонство становилось на путь полного приспособления к местным порядкам. Символично, что с 1755 г. главная ложа стала называться *Великой ложей Франции*. Правда, контролировала она меньше половины всех французских лож. Масонская разноголосица, идейные разброд и шатания были намного большими, чем в Англии. И это еще одна *особенность французского масонства*.

Ну а поиск тайной высшей мудрости, многостепенные системы привели к проникновению в ряды французских масонов многочисленных *авантюристов* типа графа Сен-Жермена или Калиостро, подрывавших репутацию масонства в глазах общественного мнения.¹⁶⁰

Но, тем не менее, несмотря на похождения подобных авантюристов, масонство в 1780-х гг. становилось все более популярным во французском обществе. В немалой степени этому способствовало два момента. *Во-первых*, широкая *благотворительная деятельность*, которой занимались масоны (помощь нуждающимся, содержание сиротских домов и т. д.). *Во-вторых*, приток в масонские ложи известных ученых и общественных деятелей. Например, в 1769 г. астроном Ж.-Ж. Лаланд основал *ложу Наук*, в которой состояли Вольтер, Кондорсе, Франклин, изобретатели воздушного шара братья Монгольфье, будущие деятели Французской революции Бриссо, Демулен, Дантон, Мирабо, воспитатель П. Строгонова математик Ж. Ромм. Научными исследованиями занималась и основанная в 1789 г. «Энциклопедическая ложа» в Тулузе.¹⁶¹

В 1785 г. происходит организационное объединение Большинства Французских масонов в *Великий Восток Франции*. Его гроссмейстером стал герцог *Филипп Шартрский* (в будущем *Орлеанский*), что полностью соответствовало аристократическим тенденциям французского масонства. Одновременно был принят и единый Устав, признававший 7 степеней – 3 английских (иоанновских или символических) и 4 высших: Избранного Рыцаря, Шотландского Рыцаря, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрейцера. Тем самым сложилась так называемая «*французская система*», явившаяся компромиссом между классическим английским масонством и рыцарско-мистическим (которое особенно импонировало французским аристократам).

Почти все исследователи отмечают в 70–80-х гг. XVIII в. рост *политизированности* французского масонства, ставший впоследствии его характерной особенностью. Объясняется этот процесс, на наш взгляд, неудовлетворенностью части масонов, представлявших, по сути, элиту французского общества, абсолютистским режимом, который упорно не проводил назревших преобразований и по – прежнему не допускал к участию в управлении страной даже просвещенное дворянство. Выражением этого недовольства стало быстрое распространение среди французских масонов так называемого *мартинизма*. Его основоположником считается некий *Мартинес Паскуалис*, человек неясной биографии, судя по всему,

¹⁵⁹ История масонства. С. 53.

¹⁶⁰ История масонства... С. 98–99; См. также: *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII–XIX столетий. СПб., 1884; *Строев А.* Авантюристы Просвещения. М., 1998.

¹⁶¹ История масонства... С. 60–61.

авантюрист, о котором известно лишь то, что он жил во Франции. В 1754 г. он основал особое масонское послушание «Избранных Кохенов». Суть его учения сводилась к тому, что после грехопадения человек отпал от Бога, но постоянно стремиться снова с ним слиться (это исходит из самой природы человека). Достигнуть этого состояния можно якобы при содействии особых духов, обрести помощь которых можно посредством особых обрядов, медитаций и т. д. В 1765 г. Великая ложа Франции объявила это учение ложным, но у него появились многочисленные сторонники, в частности известный мистик аббат Фурнье, просветитель и материалист, барон Гольбах и особенно маркиз *Клод Луи де Сен-Мартен*, по имени которого и названо это учение. В 1774 г. он анонимно выпустил книгу «О заблуждениях и истине», имевшей огромный успех в самых разных странах.¹⁶²

Во многом полумистические, полуэлитарные идеи Сен-Мартена перекликались с эгалитаристской концепцией Жан-Жака Руссо, не имевшей к мистике никакого отношения и базировавшейся на доктрине Просвещения. В целом доктрина Сен-Мартена напугала правящие круги Европы (и небезосновательно) и на рубеже 1770–80-х гг. в большинстве европейских стран, включая Россию, мартинизм был официально запрещен.

Тем не менее, мартинизм нашел отражение и в официальной масонской доктрине. В одном из масонских трактатов того времени говорилось, что «...цель франкмасонства – возвратить человечество к *первоначальному равенству* (выделено нами) и установить между масонами *союз общности*, отменяя различия, порождаемые среди нас рождением, сословием и должностями... Титул брата не пустое обращение: все сообщая (т. е. и дворяне и буржуа) наслаждаются приятностями братства. Заслуги и таланты выделяются, но все, кто имеет счастье обладать ими, проявляют их без страха и гордости чтобы те, кто лишен этого преимущества, не чувствовали ни унижения, ни зависти».¹⁶³

Как видим, эгалитаристские настроения были более чем выражены в доктрине французских масонов и явно напоминали лозунги будущих якобинцев.

В связи с этим, хотелось бы остановиться на *проблеме соотношения французского масонства и Великой французской революции*. Еще в 1797 г. французский эмигрант иезуит *Огюст Баррюэль* издал книгу «Памятные записки по истории якобинства», в которой доказывал, что Великая французская революция была организована масонами. Ему вторил английский публицист *Джон Робинсон*, утверждавший о существовании заговора франкмасонов и иллюминатов против всех религий и правительств Европы.¹⁶⁴ Их аргументы были следующими. *Во-первых*, девиз Французской революции «Свобода, равенство, братство» является масонским лозунгом. *Во-вторых*, по мнению Баррюэля, к моменту начала революции количество масонов во Франции превысило якобы 600 000 человек, они заняли ключевые позиции в системе местного управления и только и дожидались сигнала Центрального Комитета о начале восстания. *В-третьих*, Якобинский клуб по своей структуре очень напоминает масонскую ложу. *В-четвертых*, все ведущие деятели революции Демулен, Бриссо, Мирабо, Лафайет, Дантон, Кутон, Робеспьер (хотя о его принадлежности к масонству мнения разделились) являлись масонами. Наконец, *в-пятых*, глава французских масонов герцог Филипп Орлеанский принял самое активное участие в революции, отказался от родового

¹⁶² Суть его учения заключалась в том, что, по его мнению, все общественные беды (несправедливые законы, неразумные действия правительства, ложные религии) происходят из-за того, что человек утратил естественное состояние всеобщего равенства. Его можно восстановить, если подчинить всех людей принципу деятельной и разумной любви. Но так как пока большинство людей не способны подняться над своими эгоистическими устремлениями, то естественное равенство должно быть восстановлено путем передачи власти избранным, которые смогли возвыситься над своими себялюбивыми инстинктами и хотят сделать людей счастливыми, тем, кто способен любить людей и может научить этому других. // Харитонович Д. Э. Указ. соч. С. 66–67; Le Forestier R. Franc – maçonnerie templière et occultiste au XVIII–XIX siècles. Paris Table d' Eneade. 1987. Т. 1.

¹⁶³ Цитировано по: Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 77–78.

¹⁶⁴ История масонства. С. 61.

титула, принял имя Филиппа Эгалитэ (от фр. «равенство»), вступил в Якобинский клуб, по списку которого был избран в Конвент, где голосовал за казнь короля. По мнению Баррюэля, его план заключался в намерении сместить старшую ветвь Бурбонов и самому придти к власти, основав новую династию (в 1830 г. его сын Луи Филипп и в самом деле стал французским королем).

Что ж, аргументы достаточно серьезные и обоснованные. Но мы склонны согласиться с точкой зрения современного исследователя истории масонства Д. Э. Харитоновича, который считает, что гипотеза о «масонском заговоре» как главной причине Французской революции абсолютно несостоятельна, так как никакого революционного заговора (масонского или немасонского) просто не существовало. Революция представляла собой массовое и во многом стихийное движение, заставшее врасплох и сами масонские ложи. К тому же самих масонов было не больше 5–6 тысяч даже при самой широкой экстраполяции (хотя, конечно, можно сказать, что дело не в количестве, а в качестве), и во время революции большинство лож никакой активности не проявляли, видимо, дезориентированные стремительно развивавшимися событиями. Мало того, в декабре 1792 г. Великий магистр Филипп Эгалитэ сложил с себя свои полномочия, заявив, что он вступил в свое время в масонство и возглавил его, так как «оно являлось неким подобием равенства...», но теперь он решил «покинуть призрак ради действительности», тем более, что «республика, особенно в начале своего учреждения, не должна допускать никакой тайны и никаких тайных обществ». Тем самым он нанес французскому масонству существенный удар, подорвав его организационное единство. И уж совсем противоречит теории «масонского заговора» тот факт, что его лидеры (те же Бриссо, Демулен, Дантон, Робеспьер) зачем-то перессорились и поубивали друг друга. Кстати, и сам бывший Великий магистр Филипп Эгалитэ был казнен во время террора в ноябре 1793 г. Мало того, в 1794 г. несколько лож, например, в Дижоне, были вообще закрыты комиссарами Конвента «как возбуждающие подозрение и нетерпимые при республиканском режиме, когда свобода сделалась всеобщим достоянием, пользование коим не нуждается во мраке таинственности».¹⁶⁵

Таким образом, французские масоны скорее не выиграли, а наоборот, *проиграли* от событий Великой Французской революции. По нашему мнению, вполне возможно, что на первом этапе революции (1789–91 гг.) масоны действительно могли играть роль *координирующего центра* антиправительственных выступлений, но затем *инициативу они потеряли*, т. к. события стали развиваться стихийно и неуправляемо. Масонские же лозунги о свободе, равенстве и братстве, о религиозной терпимости, о единстве всех народов и т. д. и в самом деле стали лозунгами Революции.

Что же касается руководителя французских масонов герцога Филиппа Орлеанского (Эгалитэ), то более чем вероятно, что он и в самом деле намеревался заменить собой Людовика XVI, но события постепенно вышли из-под его контроля и он сам стал их жертвой.

Факт остается фактом, в 1793–99 гг. масонские ложи во Франции переживают явный кризис и бездействуют. Преодоление этого кризиса связано с именем *Реттье де Монтало*, которому в 1795 г. удалось объединить ложи и Великого Востока и более консервативного Верховного Совета Великой ложи Франции, а в 1799 г. заручиться поддержкой первого консула Наполеона Бонапарта. И хотя в годы Первой империи, масонство официально признано не было, но оно и не запрещалось. Мало того, Наполеон, в конце концов, назначил Великим магистром своего брата Жозефа, а в помощники ему отрядил своего сподвижника Камбасереса.

В итоге большинство французских лож горячо поддерживало Наполеона (его цель – создание общемировой империи – явно перекликалась с масонской идеей единства всех

¹⁶⁵ Харитонович Д. Э. Указ. соч. С. 85–88. *Segur de L. – Ph. Memoires, souvenirs et anecdotes*. Paris, 1859. Т 1. Р 97.

народов), занимаясь в основном благотворительной и военно-патриотической пропагандой. Религиозно-мистические тенденции в это время окончательно ослабели и единственным требованием для вступления в масонство становится признание бессмертия души и вера в Великого Архитектора Вселенной, как бы он ни назывался, что способствовало широкому притоку в ряды масонов нехристиан, в т. ч. евреев.

После падения Первой империи деятельность масонских лож временно приостановилась, но в 1820-е гг. возобновилась. Причем политические тенденции явно возобладали. В период Реставрации большинство масонских лож занимали умеренно-оппозиционную позицию, а ряд околomasонских организаций, пользовавшихся негласной поддержкой французских масонов (например, карбонарии или «Филики Этерия»), шли еще дальше и сочетали масонскую символику и организационную структуру с подпольной и даже террористической деятельностью, направленной на борьбу за освобождение. Италии и Греции. В событиях 1830 и 1848 гг. французские ложи сыграли, видимо, такую же роль, что и во время начала Великой Французской революции, т. е. роль координирующего центра. Во всяком случае, большинство лож Великого Востока Франции новые революции встретило сочувственно.

Перейдем теперь к анализу развития масонства в *Германии*. Здесь сразу бросается в глаза то, что масонство, проникнув поначалу из Англии, приобрело совершенно особые черты и стало развиваться совершенно по иному пути, нежели в самой Англии, США и Франции.

Характерными особенностями германского масонства являлась его *мистическая направленность*, еще большая *сословность и аристократизм* и еще большая *раздробленность, разветвленность и отсутствие единства*, чем во Франции. Объясняются эти черты особенностями общественно-политической обстановки в самой Германии, которая продолжала переживать период политической раздробленности, была разделена на десятки в основном мелких государств (за исключением Пруссии и Австрии), в которых по-прежнему господствующие позиции занимало дворянство, буржуазные отношения были слабо развиты, очень сильны были пережитки средневековья, особенно в идейной сфере. Поэтому масонские идеалы терпимости, гуманности, всеобщего братства и свободы довольно быстро оказались оттесненными на второй, а то и третий план представлениями о дворянской исключительности, католическими привычками к чинопочитанию и монашеству, послушанию (особенно на юге Германии) и чисто средневековыми потребностями в мистических откровениях, стремлениями выделиться из толпы простых смертных, получить власть над ними за счет приобщения к неким высшим мистическим оккультным знаниям, которые заодно помогут разом проникнуть и в тайны мироздания. К тому же масонство в Германии сразу стало использоваться местными правителями в собственных политических интересах, в целях распространения своего влияния на соседние территории или наоборот предотвращения такового. Поэтому немецкое масонство сразу же приобрело не только аристократический, но даже *придворный характер*. Начало этой тенденции положил прусский король Фридрих II, который в 1744 г. даже принял титул Гроссмейстера берлинской ложи «Трех глобусов», вскоре его примеру последовали правители Брауншвейга, Саксонии, Саксен-Кобурга, Веймара и т. д. В высших кругах принадлежность к масонству стала считаться признаком хорошего тона.¹⁶⁶

Постепенно немецкое масонство становилось все более дворянским и аристократическим, а активная борьба честолюбий привела к росту взаимной нетерпимости. В итоге уже к 1760-м гг. немецкое масонство, погрязшее во взаимных распрях, очень мало напоминало

¹⁶⁶ История масонства... С. 68–71.

собой первоначальное масонское учение, заимствованное из Англии. По сути, оно стало развиваться в противоположном направлении.

В своем развитии немецкое масонство прошло *несколько этапов*.

1-ый этап можно условно датировать *1720–1750-ми годами*. Он характеризуется основанием масонских лож почти во всех крупных городах Германии. Первым немецким масоном считается граф Шаумбург – Липпе, принятый в масоны в Лондоне. В 1733 г. появляется первая чисто немецкая ложа в Гамбурге. В 1741 г масонство в Пруссии берет под свое покровительство Фридрих II. До середины 1740-х гг. все немецкие ложи подчинялись Великой Лондонской ложе, но с 1744 г. после принятия берлинской ложей «Трех глобусов» титула «Великой» начинается процесс самостоятельного организационного оформления, который завершился к середине 1750-х г. К этому моменту на территории Германии функционировало около десятка конкурирующих Великих лож, независимых от Англии. Причем к этому моменту возобладали еще одна тенденция, а именно: огромную популярность приобрело так называемое «*шотландское (или рыцарское) масонство*», заимствованное из Франции. Это было явно данью средневековым феодальным традициям, все еще сохранявшимся во многих районах Германии. Отсюда и пышные рыцарские ритуалы, огромное количество степеней, занятия алхимией и оккультизмом. К тому же не следует забывать и о местных традициях существования мистических тайных обществ, в частности розенкрейцеров. В 1710 г. силезский пастор *Самуил Рихтер* разработал подробный устав Ордена Злато-Розового Креста из 52 пунктов, в котором главным требованием было безусловное послушание братьев. Розенкрейцеровство распространялось вначале параллельно с масонством, главной целью ставило поиск высшей тайной мудрости. Организационное оформление окончательно произошло в 1750–60-х гг., когда розенкрейцеровские кружки появились во Франкфурте-на-Майне (1757 г.), Праге и Карлсбаде (1761 г.), Нюрнберге, Гамбурге и др. городах. С 1775 г. центром розенкрейцеровства становится Вена. И в это же время оно окончательно сливается с масонством, превратившись в одно из его подразделений.

2-ой этап развития немецкого масонства можно условно датировать *с 1760 по 1782 год*. Он характеризуется попытками *объединения масонских лож в общегерманском масштабе*. Можно выделить как минимум три такие попытки.

Первая относится к деятельности барона *фон Гунда*. Это был романтически настроенный человек, всю жизнь носившийся с мыслью возродить средневековое рыцарство, что он и попытался сделать под прикрытием масонства, в ряды которого вступил в 1740-е гг. в Париже. В начале 1760-х гг. он начал активную пропаганду в целях создания в Германии единой масонской организации. Фон Гунд утверждал, что, будучи в Париже, он был назначен начальниками шотландских тамплиеров, имена которых он не называл, главой всех немецких масонов и что никто, кроме него, не уполномочен посвящать в высшие масонские ложи. Введенная им система получила название «*Строгого Наблюдения*» или «*Строгого Чина*» (Stricte Observanz), т. к. требовала безусловной покорности от всех принявших ее. В «Строгом наблюдении» Гунда была введена еще более сложная градация степеней, чем во французской Клермонской системе. Усложнен был и ритуал ордена, приближенный к обычаям средневековых рыцарей. «Строгое наблюдение» к началу 1770-х гг. приобрело господствующее положение в Германии, к нему примкнули более половины всех немецких лож.

Однако далее началась обычная для немецких масонских лож борьба за власть. У Гунда оказалось много соперников (к примеру, пастор *Штарк*, основавший в 1767 г. некий «Тамплиерский клерикат»). К тому же упорное нежелание Гунда раскрыть имена таинственных тамплиерских начальников (вполне возможно он их выдумал и они никогда реально не существовали) привело к подрыву его авторитета. К тому же в «Строгом Наблюдении» появилось несколько владетельных князей, гораздо более знатных и родовитых, чем сам Гунд. В итоге на масонских конгрессах 1773–75 гг. в Коло и Брауншвейге Гунд потерял свои полномо-

чия, а Гроссмейстером «Строгого Наблюдения» был избран герцог *Фердинанд Брауншвейгский*. Сама структура организации была несколько демократизирована. Во главе «Строгого Наблюдения» была поставлена Великая ложа, состоящая из выборных уполномоченных от отдельных лож, а сама организация переименована в «*Соединенные немецкие ложи*». Тем не менее, бывшее «Строгое Наблюдение» стало клониться к упадку, никаких высших знаний рядовые масоны от руководства не добились, серьезных работ не велось. В результате в 1776–77 гг. начался отток масонов из бывшего «Строгого Наблюдения», а инициативу по объединению немецкого масонства перехватила так называемая *Циннендорфская система*. Ее основателем являлся *И. В. Элленберг*, который позднее получил дворянский титул и новое имя *фон Циннендорфа*. Медик по образованию, он в 1765 г. возглавил все медицинское дело в Пруссии, что позволило ему впоследствии использовать свое знакомство с Фридрихом II в собственных целях в борьбе за власть в масонских ложах.¹⁶⁷ В борьбе за первенство были напрочь забыты масонские идеалы терпимости и братства. Методы, применяемые Циннендорфом в борьбе за власть, напоминали иезуитские. В своем властолюбии он дошел до того, что возбудил перед правительством Пруссии ходатайство о предоставлении «Великой Земской ложе» права подвергать цензуре все масонские сочинения и даже газетные статьи, появляющиеся в Пруссии.

Что же касается *особенностей Циннендорфской системы*, то можно выделить два основных положения. *Во-первых*, она не была чисто шведской. В классической шведской системе (о ней речь пойдет впереди) было 10 степеней, в Циннендорфской же их количество было в несколько раз больше, причем по замыслу Циннендорфа каждая из них должна была открывать ее обладателям все новые высшие знания. Именно это и привлекало сторонников Циннендорфа, потворствуя их честолюбивым замыслам. *Во-вторых*, циннендорфская система довольно оригинально объясняла собственную структуру и обосновывала необходимость высших степеней.¹⁶⁸ Однако после смерти Циннендорфа в 1782 г. у него не нашлось достойного преемника и влияние Циннендорфской системы стало падать, тем более что Вильгельмсбадский масонский конгресс 1782 г. признал неочевидной связь масонства с Орденом тамплиеров. Тем не менее, Циннендорфская система оставалась достаточно влиятельной и в 1780–90-е гг. объединяла до 30 % всех масонских лож в Германии. Ориентировалась она по-прежнему на так называемое «*шведское масонство*».

Раз уж мы о нем заговорили (хотя к Германии оно чисто географически отношения не имеет), попробуем выявить *характерные черты шведского масонства*, тем более что оно оказало огромное влияние на развитие масонства российского.

¹⁶⁷ Циннендорф еще в молодые годы увлекся масонством, поочередно примыкал к разным системам, но быстро из них уходил, потому что не получал обещанных высших тайных знаний. В конце концов он познакомился с видным шведским масоном Эклефом и договорился с ним о создании лож шведского образца в Германии под своим руководством. В 1770 г. действовало уже 12 таких лож, объединенных вскоре в «Великую Земскую ложу всех каменщиков Германии». В 1778 г. под ее руководством значились уже 34 ложи, в т. ч. в Австрии, Саксонии, Померании и даже в России. Циннендорф был очень энергичным, но притом крайне честолюбивым и неразборчивым в средствах человеком. Претендуя на роль общегерманского лидера масонов, Циннендорф вступил в ожесточенную борьбу с фон Гундом, объявив его «Строгое наблюдение» «пустым обманом и бессмысленным фантазерством, не имеющим ничего общего с масонством». // История масонства... С. 87.

¹⁶⁸ Суть этого объяснения сводилась к тому, что Иисус Христос, помимо известного всем учения, изложенного в Евангелиях, сообщил избранным из своих апостолов некоторые тайные знания, которые затем, передаваясь преемственно, перешли к ордену тамплиеров, а от них к современным масонам шведской системы. Причем основы этих тайных знаний якобы идут еще с дохристианских времен; ими обладала секта ессеев, в кругу которых воспитывался и провел большую часть своей жизни Иисус Христос. Он заимствовал у ессеев эти знания, значительно их расширив. Таким образом, проводилась четкая связь между масонством и Иисусом Христом, который объявлялся чуть ли не основателем масонства. Подобные идеи, видимо, должны были по мысли Циннендорфа способствовать притоку в ряды масонов правоверных католиков южной половины Германии, которые до этого весьма сдержанно и даже настороженно относились к масонству, памятуя тот факт, что еще в 1738 году римский папа Климент XII объявил масонов, по сути, еретической сектой. Полностью планы Циннендорфа не были реализованы, но сама его идея отождествления масонства с христианством действительно способствовала росту влияния самого Циннендорфа и его системы. // История масонства... С. 88–89.

По разным данным, шведская система была создана в 1773–74 гг. шведским королем *Густавом III* и его братом герцогом *Карлом Зюдерманландским* на основе французской, Клермонской системы, о которой речь шла выше, и с чисто *политическим расчетом*. По своей внутренней структуре система была *компилятивной* и соединяла самые популярные масонские системы того времени в одно целое (английское или иоанновское масонство, «шотландское» (а по сути французское) или андреевское масонство, тамплиерство и, наконец, розенкрейцерство).

Шведская система состояла из *10 степеней*, соединявших 3 части (системы) масонства.

1) *Иоанновское масонство*, в котором главной целью провозглашалось достижение «*золотого века Астреи*», т. е. рая, полного благоденствия на Земле путем усовершенствования каждой отдельной личности. Делилось оно на 2 отдела:

1-ый отдел – 3 *иоанновские (английские)* степени (ученик, подмастерье, мастер), их главная цель – внутреннее самосовершенствование;

2-ой отдел – еще 2 степени: *шотландские или андреевские* (ученик – подмастерье и шотландский мастер), их главная цель – пропаганда масонского учения и «уловление» в ряды масонов возможно большего количества непосвященных (профанов).

2) *Рыцарские степени или тамплиерство*. Их главная цель – борьба с врагами христианства, со злом, насилием, деспотизмом в любом облики. Составляли они *3-й отдел и 4 «высшие» степени*:

– братья – Стюарты или Рыцари Востока и Иерусалима;

– братья – избранники царя Соломона (подразделялись на рыцарей Храма, Запада и Ключа);

– братья Белой ленты или ближние св. Иоанна;

– братья Пурпурной ленты или ближние св. Андрея.

При этом Рыцарями могли стать только дворяне как минимум в четвертом поколении.

3) *Розенкрейцерство*, главная цель которого – поиски высших мистических знаний (теософия, алхимия, каббала и т. д.), составляло высшую *10-ую степень*, подразделявшуюся на 3 *класса*; члены которых составляли Высший Просветленный Капитул:

• члены Капитула, не занимающие в нем должностей;

• высшие должностные лица Капитула;

• Великий правящий мастер (им стал шведский король Густав III, затем переуступивший это звание своему брату Карлу Зюдерманландскому).

Практически все исследователи сходятся во мнении, что, создавая эту систему, *Густав III* стремился сделать ее *максимально приемлемой* для всех масонов, учтя практически все тенденции в масонстве того времени.¹⁶⁹ К тому же он преследовал *конкретную политическую цель*: сплотить вокруг себя шведскую аристократию и вообще всех мало-мальски влиятельных людей в рамках масонства и затем попытаться *восстановить режим абсолютной монархии*, что ему довольно быстро и удалось сделать. А вот дальше Густав III, видимо, замахнулся на намного большее. Стремясь восстановить былое величие Швеции, скорее всего он решил *использовать масонство для установления своего влияния в ближайших странах*, прежде всего в Германии и России. И временно это ему действительно удалось сделать. О России речь еще пойдет впереди, а вот в Германии в 1779 г. Карл Зюдерманландский был избран Великим провинциальным Гроссмейстером тех же лож, в которых раньше Гроссмейстером был фон Гунд, а подчиненное ему «Строгое Наблюдение» на несколько лет превратилось в филиал шведского масонства. Сторонником шведской системы был и Циннендорф, хотя организационно сохранял самостоятельность. Тем самым распростране-

¹⁶⁹ Соколовская Т. О. Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). М., 2000. С. 14–15; Минаева Н. В. Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 72–73.

ние шведской системы в Германии вполне обоснованно можно считать *третьей попыткой* (наряду со «Строгим Наблюдением» и Циннендорфской системой) *объединения* всех немецких масонов. Но, как и две предыдущие, она окончилась неудачей. Шведские масоны не открыли немецким ничего принципиально нового, не предъявили им никаких документов, удостоверяющих их особые знания и притязания. В результате уже через 3 года в 1782 г. на общемасонском конгрессе в Вильгельмсбаде (Гессен) наступило разочарование в шведской системе. Видимо, многие масоны в принципе были готовы слепо повиноваться некоему неизвестному руководству (а этого требовали и система Гунда, и система Циннендорфа и шведские масоны), но в надежде в скором времени получить обещанные тайные знания. И что в итоге? Проходит несколько лет – и никаких следов тайных знаний. Ждать элементарно надоело, поэтому в 1782 г. большинство делегатов общемасонского конгресса (на который явились представители не только Германии, но и Франции, Италии и России) принимают резолюцию о сохранении в принципе высших степеней, но с лишением тамплиерства особого положения в масонстве. Было заявлено, что масонство древнее Ордена тамплиеров, который лишь временно хранил учение великой мудрости и значение тамплиеров лишь в том, что их Орден был «одним из звеньев никогда не разрывавшейся цепи великого тайного знания»¹⁷⁰. Признать или не признавать высшие рыцарские степени стало теперь делом добровольным для каждой ложи.

С 1782 г. начинается *третий этап развития немецкого масонства*, который характеризуется, с одной стороны, *попытками некоторой демократизации* масонской организации, а с другой – еще большим *усилением мистицизма*. Первая тенденция связана с деятельностью масонских лож во Франкфурте и Веймаре, объединившихся в 1783 г. в «*Эклектический союз*», который выступал за реформирование немецкого масонства на началах братства, свободы и терпимости, признавал обязательными только 3 степени, а также равенство и полную независимость лож друг от друга. По тому же пути пошли гамбургские масоны во главе с *Ф. Л. Шредером* (другом известного немецкого писателя Гердера) и ряд берлинских лож во главе с *И. А. Фесслером*, уехавшим в 1802 г. в Россию и принявшим самое активное участие в деятельности российского масонства. Целью масонства они считали достижение *идеала гуманности*, который понимали в духе просветительской философии XVIII в.: «гуманность – это просвещенный враг всяческих предрассудков, она устраняет перегородки, которые воздвигли между людьми религиозные, государственные и сословные различия, она – драгоценное наследие первоначальных прав человечества – объединяет чуждых прежде людей в братский союз, она впервые научила людей истинной терпимости».¹⁷¹

Подобные воззрения очень сильно перекликаются с идеями выдающихся немецких писателей 2-ой половины XVIII в. *Лессинга*, *Гердера* и *Гёте*, которые в 1770-е гг. сами вступили в масонство, хотя и редко посещали заседания лож (кроме Гёте, видимо, в связи с пристрастием к таинственному).¹⁷²

Таким образом, тенденция к реформированию немецкого масонства на началах демократизации и отказа от мистицизма к таинственности победить к началу XIX в. не смогла. По сути, верх одержала вторая тенденция – *мистическая*, связанная прежде всего с деятельностью немецких розенкрейцеров *Бишоффсвердера* (1741–1803) и особенно *И. Х. фон Вельнера* (1732–1800). В 1782 г. Вельнер выпустил книгу «Обязанности членов Ордена Злато-Розового Креста старой системы», в которой объявлял розенкрейцерство высшей ступенью масонства, по отношению к которой тамплиерство и обыкновенное масонство являются только «преддверьем и воспитательной школой». Книга Вельнера была проникнута

¹⁷⁰ Харитонович Д. Э. Указ. соч... С. 62.

¹⁷¹ История масонства. С. 110.

¹⁷² История масонства. С. 104–114.

высшей степенью нетерпимости по отношению к масонским системам, не признававшим розенкрейцерство; на них он обрушился с проклятиями в духе католических анафем. Вскоре Бишоффсвердеру и Вельнеру удалось втереться в доверие к наследнику прусского престола Фридриху-Вильгельму, отличавшемуся особой склонностью к мистицизму. Когда тот стал королем (в 1786 г.), розенкрейцерство стало самым влиятельным и популярным масонским течением в северной части Германии. Вельнер был назначен министром юстиции, народного просвещения и духовных дел и, используя свое политическое влияние в Пруссии, повел ожесточенную борьбу с конкурирующими масонскими течениями в духе крайней нетерпимости и обскурантизма. Масонство при нем подверглось полному извращению. Как писал немецкий историк Боос, «заблуждение зашло так далеко, что масонство, которое первоначально совершенно изгоняло из своего храма политику и религию, теперь стало основанием политической и церковной системы».¹⁷³ И хотя после смерти Фридриха Вильгельма IV в 1797 г. розенкрейцерство постепенно потеряло свое влияние, тем не менее, именно увлечение *мистицизмом и оккультизмом* стало господствующим направлением в немецком масонстве на протяжении почти всего XIX в. Одновременно наметилась и еще одна тенденция к политизации масонства, стремлению определенных кругов общества (причем как представителей правящих кругов, так и оппозиции) использовать масонские организации в политических целях, что несколько напоминало тенденции развития французского масонства.

Примерами этой тенденции могут служить деятельность уже упоминавшегося фон Вельнера и особенно история *Ордена иллюминатов*, наделавшая шума в Европе в 1780-х гг. Остановимся на этом эпизоде чуть более подробно. Основателем Ордена иллюминатов («просветленных») был молодой профессор Ингольштадтского университета в Баварии *Адам Вейсгаупт* (1748–1830). Он рано остался без родителей и с 8 лет воспитывался в иезуитском колледже, в 20 лет он благодаря своему таланту становится доктором канонического и естественного права. Увлечшись идеями нравственного совершенствования, он постепенно приходит к мысли вступить в тайное общество. Однако, масонство его разочаровало пустотой внутреннего содержания масонских работ, а также бессмысленными, по его мнению, алхимическими и мистическими изысканиями. Видимо, прочитав сочинения Сен-Мартена и, находясь под влиянием его идей создания диктатуры избранных и просветленных для ускорения продвижения человечества к царству всеобщей любви, Вейсгаупт в середине 1770-х гг. приходит к мысли создать собственное тайное общество, целями которого должны были стать совершенствование людей и созидание человеческого счастья. Общество, получившее название иллюминатов, т. е. просветленных, создавалось по образу и подобию Ордена иезуитов, т. е. на началах абсолютного повиновения руководству, жесткой централизации, проникновения во все сферы общественной жизни, привлечения в свои ряды влиятельных людей. Сказалось, видимо, иезуитское воспитание Вейсгаупта. Конечные цели общества (борьба с врагами человечества и разума, чтобы создать царство свободы, справедливости, морального и умственного совершенства) могли быть открыты многим, а конкретные пути, ведущие к этому, только избранным.¹⁷⁴

Устав Общества иллюминатов был принят только в 1781 г., хотя вербовка в члены Общества активно велась уже несколько лет. В нем формально не содержалось никаких революционных и вообще радикальных идей и призывов, неоднократно подчеркивалось, что орден не преследует никаких целей, вредных для государства, религии и добрых нравов, подчеркивался исключительно нравственно-просветительский характер Общества (нравственное самосовершенствование, гуманность, защита добродетели, поддержка достойных людей, распространение полезных знаний и т. д.). Тогда что же так напугало в Ордене иллю-

¹⁷³ История масонства. С. 103.

¹⁷⁴ Харитонович Д. Э. Указ. соч. С. 68–70; Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975.

минатов вначале правительство Баварии, а затем почти все монархические режимы Европы? Да еще так, что название Ордена стало символом политического экстремизма и чуть ли не синонимом Революции? Причины, на наш взгляд, две.

Во-первых, это обстоятельства, связанные с созданием Общества иллюминатов и его довольно оригинальная структура. Общество вроде бы не преследовало политических целей, но в то же время было тщательно *законспирировано*. Вступающие в Орден должны были знать только своего непосредственного руководителя, высшее руководство именовалось ареопагом и состояло из 9 человек во главе с Вейсгауптом. Предполагалось, что их имена рядовым членам общества будут неизвестны. По своей структуре Орден иллюминатов состоял из 3 классов: подготовительного, символического масонства и высшего, который был в Уставе 1781 г. только намечен и не подверглся детальной разработке. Возникал естественный вопрос: раз Орден не предусматривает каких-то антиправительственных целей, то *к чему такая таинственность*? И зачем Орден стремится любой ценой включить в свой состав людей знатных, богатых и могущественных? А зачем новый календарь, новое летоисчисление (персидское), особые названия для городов и государств, заимствованные из древней географии и истории (например, Бавария – Ахайя, Австрия – Египет, Мюнхен – Афины и т. д.)? Почему члены Ордена принимают имена героев из античной древности (сам Вейсгаупт принял имя Спартака)? Все это вызывало *подозрения* вначале в Баварии, а затем и в других государствах Европы.

Во-вторых, следует учитывать особенности политического момента и особенно изменения направленности целей Ордена, связанные с агитационной деятельностью барона А. фон Книгге (1752–1796), который хотел того или нет, но привнес в деятельность иллюминатов политический подтекст. Ревностный масон Адольф фон Книгге, познакомившись с Вейсгауптом и его идеями, проникся ими и стал главным миссионером и пропагандистом иллюминатов. Обладая ораторским даром и огромной энергией и целеустремленностью, фон Книгге сумел привлечь в Орден около тысячи человек, включая даже коронованных особ, таких как герцоги Эрнст и Август Саксен-Готские, Карл Август Саксен-Веймарский (друг Гёте), Фердинанд Брауншвейгский и другие. Мало того, судя по переписке с друзьями, фон Книгге планировал подчинить Ордену иллюминатов все немецкое масонство и на его основе создать *единую естественную религию*, которая без всякой революции объединит все человечество в единый союз. В политическом плане предполагалось на этой основе объединить всю Германию, а затем и Западную Европу под эгидой римского папы и австрийского императора Иосифа II (с ним велись тайные переговоры о вступлении в Орден иллюминатов).¹⁷⁵ По сути, фон Книгге разработал своеобразный план объединения Европы под эгидой иллюминатства (правления особой элиты «просветленных»). А вот именно эта-то идея и вступала в полное противоречие с положением вещей в Германии того времени. Десятки самостоятельных государей явно не желали расставаться со своим статусом пусть маленьких, но суверенных правителей. К тому же ставка на Иосифа II, враждовавшего с баварским курфюрстом Карлом Теодором, вызвала вполне понятное недовольство последнего. Да и руководители конкурирующих масонских систем Германии достаточно враждебно встретили планы фон Книгге об объединении. Терять самостоятельность они тоже не хотели. Все вышеперечисленные моменты были использованы врагами иллюминатов для подрыва их авторитета в глазах баварского правителя Карла Теодора. Опасаясь за свою власть, в 1784–85 гг. он издает серию указов о запрете Ордена иллюминатов и вообще всех тайных обществ.

Вейсгаупт бежал к своему покровителю герцогу Эрнсту Саксен-Готскому, где прожил до 1830 г. Сам же Орден был разгромлен.

¹⁷⁵ Харитонович Д. Э. Указ. соч. С. 70–71; История масонства. С. 121–123.

Во время и после Великой французской революции ее сторонники и особенно враги вспомнили об иллюминатах, и под их пером орден приобрел характер тайного политического общества, преследующего революционные цели.¹⁷⁶

Следует также отметить, что представления об иллюминатах как о тайных ниспровергателях тронов не то что сильно преувеличено, но и вообще вряд ли соответствовало действительности. Иллюминаты стали удобным символом, на который можно было свалить все, что угодно. Многие обвинители иллюминатов в революционности (включая и российскую императрицу Екатерину II) крайне слабо представляли суть их учения (а то и вообще не представляли). Иллюминатство превратилось в своеобразный *политический миф*, который использовался правителями многих европейских стран для борьбы с реальными политическими противниками. В какой-то степени, виноваты в этом и сами иллюминаты, в агитационных целях преувеличивавшие свои связи и реальное могущество. В общем, все это можно охарактеризовать как *искусный блеф* с обеих сторон: и иллюминатов, и их противников.

Мы столь подробно остановились на истории немецкого масонства, потому что *российское масонство* в XVIII веке развивалось под очень большим влиянием немецкого. Германия (как один из крупнейших оплотов масонства) была ближайшим соседом, и все новые веяния проникали в Россию в основном оттуда.

К тому же и в России, и в Германии были очень сильны пережитки феодальных отношений и средневековых культурных ценностей, дворянство по-прежнему составляло наиболее политически активную часть населения и задавало тон в различных общественных движениях. В социально-экономических и общественно-политических системах России и германских государств 2-ой пол. XVIII века было больше сходств, чем различий. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что *масонство в России развивалось в основном по тому же пути, что и немецкое масонство* (особый интерес к высшим мистическим знаниям, иерархичность, аристократизм, популярность высших степеней с неизвестным руководством в сочетании с использованием масонских лож в политических целях).

¹⁷⁶ История масонства. С. 125.

§ 3. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом

Итак, дав краткий обзор развития масонств в Англии, США, Франции, Германии и Швеции, мы подошли, наконец, к проблеме становления и развития российского масонства. В первую очередь нас будут интересовать проблемы *типологизации и периодизации* российского масонства, а также ключевой для нас вопрос о *соотношении масонства с мировым и отечественным конституционализмом*.

На основе работ большинства исследователей можно выделить следующие этапы развития масонства в России (применительно к хронологическому отрезку с XVIII в до 1-й четверти XIX в):¹⁷⁷

- **1698–1730 гг.** – легендарный этап.
- **1731–1762 гг.** – этап становления, бессистемная деятельность отдельных масонских лож;
- **1762–1778 гг.** – *преобладание в России английской (символической) системы (или елагинское масонство)*;
- **1778–1781 гг.** – *переходный этап* (поездки А. Б. Куракина в Швецию и И. Г. Шварца в Берлин в поисках высшей масонской мудрости, истинного масонства);
- **1781–1792 гг.** – *преобладание «теоретического» (или научного) масонства* («шведская система «Капитула Феникса» и розенкрейцерство Шварца-Новикова) вплоть до запрета масонских лож Екатериной II в 1792 г. как следствие «дела Новикова»;
- **1792–1801 гг.** – этап *негласного развития российского масонства*, когда оно формально находилось под запретом (несмотря даже на вступление на престол Павла I);
- **1801–1810 гг.** – этап *Возрождения масонства* в России, фактическое снятие запрета с деятельности масонских лож; многообразие конкурирующих масонских систем;
- **1811–1817 гг.** – *господство «шведской системы» Капитула Феникса* под гласным надзором правительства вплоть до раскола в 1817 г.;
- **1817–1821 гг.** – *сосуществование двух масонских систем*: «шведской системы «Капитула Феникса» и «Великой ложи Астреи» (английская система);
- **1821–1822 гг.** – *объединение двух систем в одну на компромиссной основе* вплоть до официального запрета тайных обществ 1 августа 1822 г.

Данная периодизация развития масонства является *авторской*, существуют и другие её варианты. Предложенная же периодизация, на наш взгляд, наиболее логично и объективно отражает смену основных векторов развития масонства в России от его возникновения до запрета в 1822 гг.

¹⁷⁷ См. например, уже упоминавшиеся исследования Масонство в его прошлом и настоящем (под ред. Мельгунова С. П. и Сидорова Н. П.). СПб. Т. 1–2. 1914–1915; *Пытин А. Н.* Русское масонство // Вестник Европы, 1867, т. 4, № 7; История масонства. Смоленск. 2003; *Соколовская Т. О.* Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). М., 2000; *Янчук Н. А.* Знаменитый зодчий XVIII века В. И. Баженов и его отношение к масонству. Пг., 1916; *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М. – Л., 1951; *Дербов Л. А.* Н. И. Новиков. Саратов, 1970; *Пигалев В. А.* Баженов. М., 1980.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.